

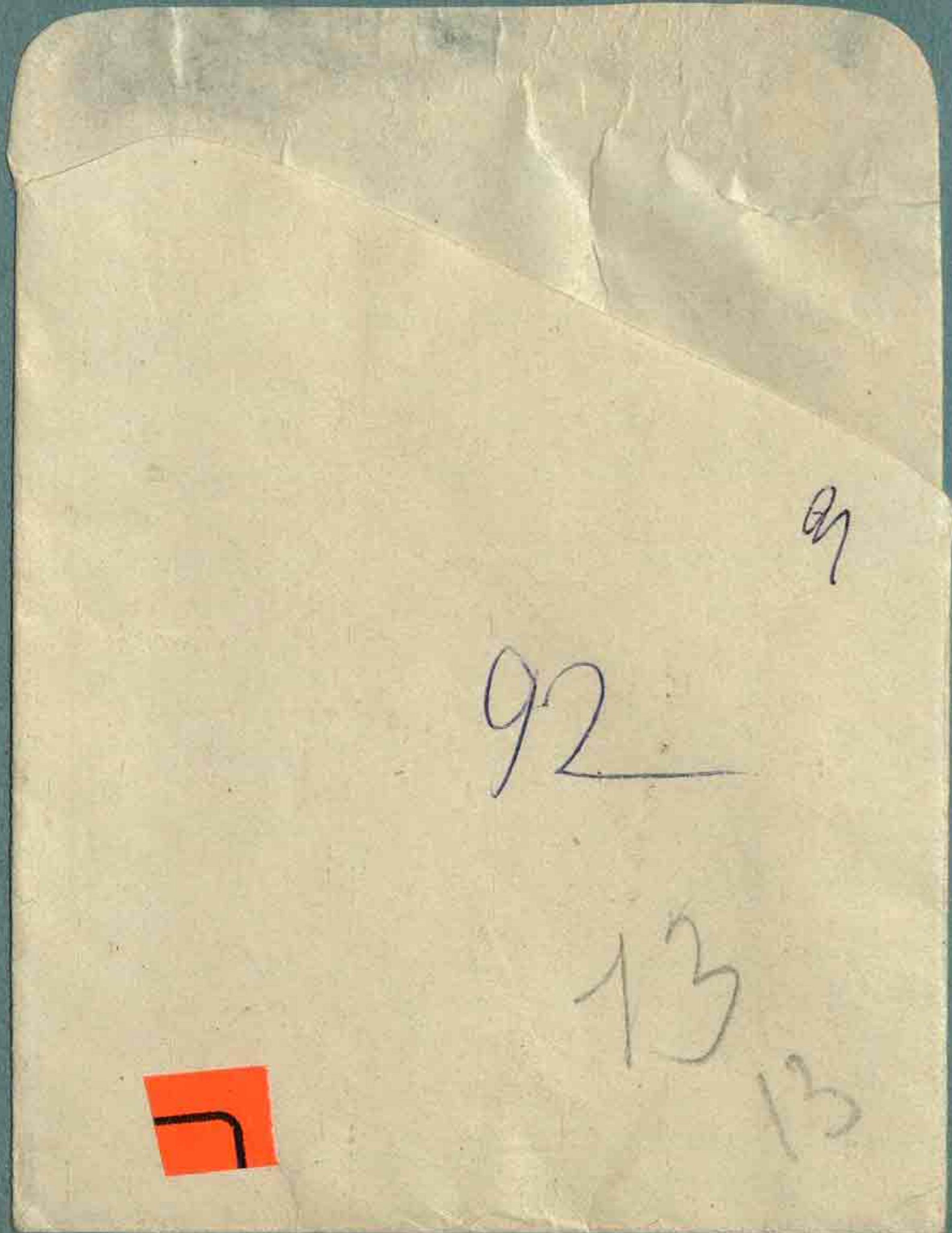
РФ 54822

A 24
1775

ПРИАМУРЬЕ

№ 1

1951

92

13

13

27

54882 482.

ПРИАМУРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

1

1951

ПРИАМУРЬЕ

A811+
H82
05
1775

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№ 1

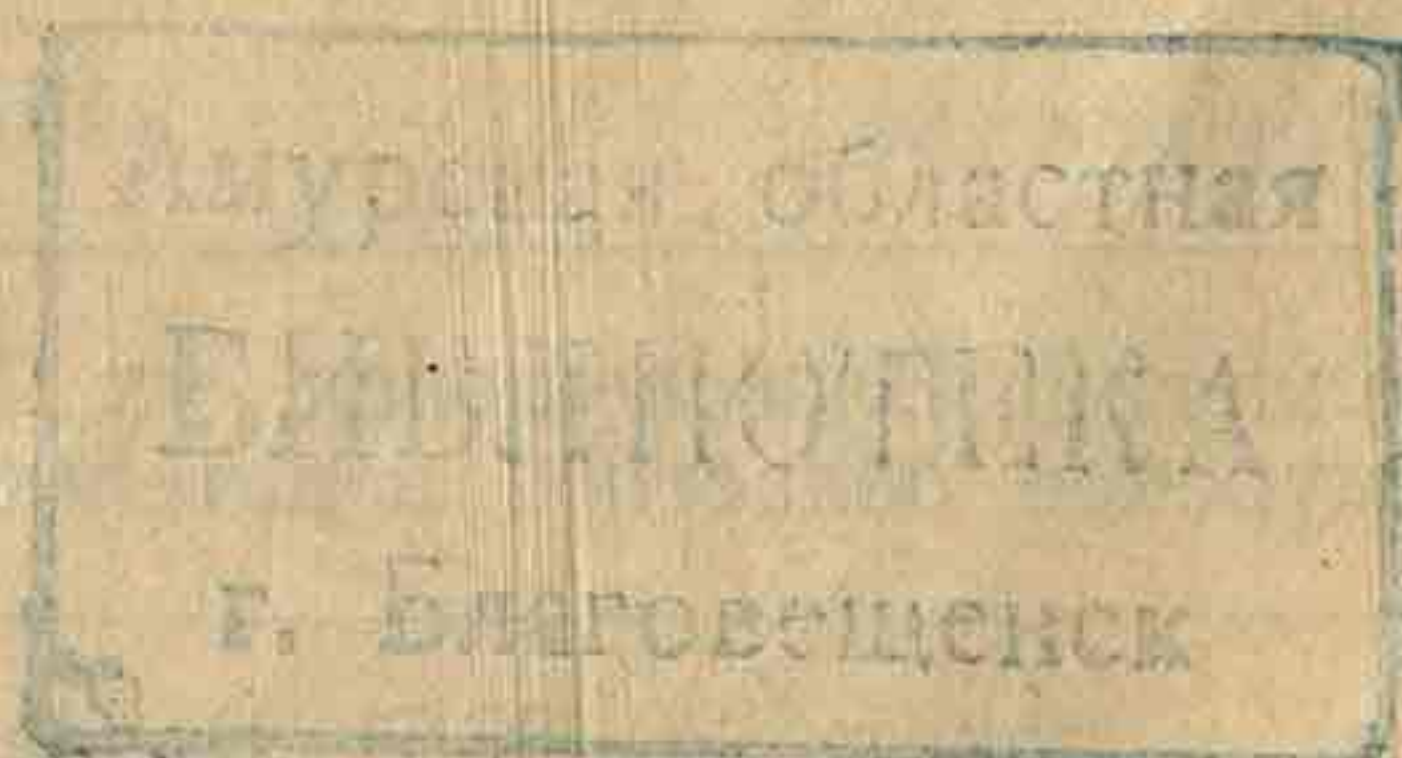
Год издания первый

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
М. АНОШКИН. Самое ценное. Повесть.	5
К. ОВЕЧКИН. Быть миру на земле. Стихи.	51
Ф. БОГОДАЙКО. За мир. Стихи.	53
Н. АНДРЕЕВ. Солдатское слово. Стихи	54
А. РИВЛИН. Это было у нас. Рассказ.	55
И. ПОПОВ. Отчизна моя. Стихи.	59
В. ОРЛОВ. Я ехал по Дону. Стихи	60
И. КАДОМЦЕВ. Семья. Рассказ.	61
Д. ЦИРУЛИК. Люди колхоза. Стихи.	76
В. ИВАШИН. Первый рейс. Стихи.	78
Г. КУЗЬМИН. Хорошо побродить по полям. Вечера на Амуре. Стихи.	79
М. ПОПРАВКО. Заветная. Рассказ.	81
И. ЗЯТЬКОВ. Новаторы. Очерк.	86
И. ГОРБАЧЕНКО. Садовод-мичуринец. Очерк.	89
М. СТУПНИКОВ. Наше сегодня и завтра. Статья.	92
В. МАЛЫШЕВ. Тридцать лет тому назад. Статья.	97
Г. ПОГУДИН. Повесть о наших земляках. Рецензия.	107
Новые книги	112

pp 54882 K12
16

АМУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1951

+84(2Poe-рус)6

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Н. Дедов (отв. редактор), М. Аношкин,
И. Лебедев, К. Овечкин, В. Цалобанов.

Тех. редактор И. Горбаченко.

Корректор И. Ермохин

Адрес редколлегии: Благовещенск, ул. Калинина, 10,
Амурское областное издательство.

BE04306. Подписано к печати 20/IX-51 Заказ 3640 Печ. лист. 7.
Уч.-изд. л. 8,9 70X108/16 Тираж 10000 Цена 5 руб.

Типография, «Амурская правда»
Благовещенск, Ленинская, 137

Выход в свет первого номера литературно-художественного альманаха „Приамурье“ — важное политическое и культурное событие, приметное явление в литературной жизни области.

Произведения, помещенные в номере, написаны местными авторами. Это свидетельствует о том, что вместе с развитием культуры в области, растут и литературные кадры.

Наши молодые литераторы, пробуя силы в художественной прозе, поэзии и публицистике, начинают непосредственное общение с читателями и ждут от них строгой и объективной оценки своего творчества.

Перед альманахом стоит задача: всемерно способствовать развитию литературы Приамурья. Для этого необходимо привлечь молодых литераторов, оказывать им помощь в совершенствовании мастерства и лучшие их произведения публиковать в альманахе.

Альманах, таким образом, кладет начало выявлению и объединению местных литературных сил, будет способствовать популяризации их произведений.

Редколлегия надеется, что в альманахе будут принимать активное участие прозаики и поэты, критики и публицисты нашей области.

Редколлегия.

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Ввиду того что...

Ввиду того что в настоящее время ввиду отсутствия
всего необходимого для жизни населения в
этом районе...

Михаил Аношкин

САМОЕ ЦЕННОЕ

ПОВЕСТЬ

I

С утра Петр Мелентьев уехал на электролитный завод, где должен был состояться семинар групповых партийных организаторов цехов. Автобус запаздывал; Мелентьев беспокоился. Ехать было далеко, через весь город, на восточную его окраину, где за гладью небольшого пруда, окруженного по-осеннему скучными липами, раскинулись корпуса завода.

Когда автобус, наконец, остановился у двухэтажного кирпичного здания заводоуправления, Петр облегченно вздохнул и сказал молоденькой кондукторше:

— Если я опоздал, — отвечать придется вам.

Девушка пошутила:

— В другой раз пешком попробуйте.

Мелентьев ответил, что пешком, пожалуй, и верно будет скорее. Проговорив это, он заспешил в заводоуправление.

В парткоме никого не оказалось; дверь кабинета секретаря партбюро была закрыта. Петр пожал плечами, затем зашел в соседнюю комнату. Незнакомая девушка сказала ему:

— Дайбова нет. Он уехал в область.

— Вот так здорово! — удивился Петр. — А семинар?

— Я ничего не знаю. А вы кто такой будете?

Петр сдвинул на затылок фуражку с малиновым поблеклым околышем и ответил:

— Инструктор горкома. Значит, Дайбова сегодня не будет? Скажи пожалуйста! Договорились ведь...

Петр постоял в раздумье, не замечая, что девушка наблюдает за ним. На ее веснущатом лице ясно читалось: «Какой еще молодой, а виски уж седые!»

Петр вспомнил о своем давнем знакомце Кольцове, работавшем на этом заводе, и направился в гараж.

Как видно, ему в этот день просто не везло. Шофер в телогрейке, окинув с ног до головы взглядом его коренастую фигуру, ответил, что Кольцов в гараже не был с утра и искать его надо у директора.

Кольцов был механиком гаража.

Петр встретил его на лестнице заводоуправления. Кольцов спускал-

ся со второго этажа, а Петр поднимался наверх. У механика был сердитый вид, шел он, наклонив голову и пальцами потирая небритый подбородок, в своем неизменном потертom комбинезоне, на этот раз надетом поверх телогрейки. Он бы и не заметил Петра, если бы тот не загородил ему дорогу. Механик поднял голову, взглянул на Мелентьева и радостно воскликнул:

— А-а, Петр Трофимыч! Давненько, брат, у нас не был! Ну, как жизнь?

— Ничего, жизнь идет.

— У меня, брат, неважно.

— А что такое?

— Да вот видишь какая история... Пойдем, однако, к окну, в сторону. Расскажу. — Они спустились с лестницы и встали у окна. Кольцова Петр действительно давно не видал. В последний раз они встречались в клубе завода, где Петр читал лекцию для первой смены.

Теперь же Кольцов, доверчиво положив руку на плечо Мелентьева, говорил:

— Хорошо, что ты пришел ко времени. — Он зачем-то достал из кармана кронциркуль; как заметил Петр, руки механика ни одной минуты не оставались без движения. — История получилась, Петр Трофимыч, — продолжал Кольцов, вертя в руках кронциркуль. — Большая или маленькая — вам судить. Для меня, например, большая. Видишь ли в чем дело. На днях у нас выпустили стенную газету и в ней крепко покритиковали заведующего гаражом Чигвинцева. Вы знаете его. Груб с рабочими. Так что же вы думаете? Чигвинцев газету приказал снять. И снял! Как вам это понравится?

Кольцов помолчал.

Петр ждал, что он еще скажет.

— Ну мы, конечно, шум подняли. Ведь это же чорт знает на что похоже, — загорячился Кольцов. — Но и это не все. Чигвинцев пошел дальше. Он вызвал меня, как партгруппорга, и Васю Сафонова, как редактора, и дал нам понять: смотрите-де, полегче с критикой, а то я вам покажу. Не буквально, конечно, так, а в этом смысле.

Кольцов сунул кронциркуль в карман, снял кепку.

— Но и это бы еще не беда. Ладно. Уломали бы его и дело с концом. Так нет же! Уволил он Сафонова! — Кольцов всердцах бросил кепку на подоконник. — Да-да! Уволил! И защищать теперь этого уволенного трудно. Сафонов радиатор разбил. Случилось же ведь такое как раз в это время, не раньше, не позже! Но я тебе скажу, что Сафонов тут не виноват, а свидетелей, чтобы это доказать, у него нету. Один он ехал. Директор же наш Морозов поверил Чигвинцеву. Сафонову не поверил и мне тоже, а Чигвинцеву поверил. Вот оно как вышло. Ну, ясно, для Чигвинцева самый подходящий момент убрать Сафонова. Сафонов через газету ему частенько самочувствие портил. Парень принципиальный.

— Не ошибись, Егор Максимович, — сказал, выслушав механика, Петр.

Кольцов посмотрел на Петра, как бы говоря, что на Сафонова можно положиться, надел кепку и продолжал свой рассказ уже спокойнее:

— Спор у нас с Чигвинцевым давно о железнодорожной ветке идет. Чигвинцев настаивает перед дирекцией, чтобы машин в гараж добавили: едва, мол, управляемся черновую медь с перевалочной базы возить. А Сафонов и я против этого. По нашему мнению, новую ветку надо строить. И государству будет экономия, и заводу облегчение. Но Чигвинцев и тут никого не желает признавать. У него ответ такой: не суйтесь куда не просят — и все тут! — Помолчав, он усмехнулся. — Ты го-

воришь: не ошибись в Сафонове. Но я давно его знаю. В партию его рекомендовал. На завод он пришел подростком, на моих глазах рос, в комсомол, потом в партию вступил. Кто, кто, а уж я-то в нем уверен!

— Дайбов знает об этом? — спросил Петр. Кольцов безнадежно махнул рукой.

Дайбов третий месяц исполнял обязанности секретаря заводского партбюро; его предшественник Лавров уехал учиться в областную партийную школу. Предстояло провести перевыборы. Мария Ивановна Кошкина, заведующая отделом, в котором Мелентьев работал инструктором, иногда напоминала секретарю горкома Борисову: пора, мол, решать с Дайбовым, лучше его кандидатуры на пост секретаря заводского партбюро не найдешь. Но Борисов не спешил, приглядывался к Дайбову.

Услыхав теперь от Кольцова историю Сафонова и отзыв механика о Дайбове, Мелентьев подумал, что Борисов поступает так не зря.

2.

Иван Иванович Морозов, директор завода, был в прекрасном настроении: бюро горкома партии присудило заводу переходящее красное знамя; бригада Василия Мелентьева из электролизного цеха завода вышла на первое место среди всех производственных бригад в городе.

В хорошем настроении Иван Иванович обычно любил петь. Мурлыча под нос: «Где ж вы, где ж вы, очи карие», он бегло просмотрел данные работы завода за сутки, и настроение его несколько упало. Медеплавильный цех недодал за сутки тонну меди. Иван Иванович погладил лысину рукой, подвигал скулами и позвонил в цех.

— Потапов? — сказал он басом и снова погладил лысину. — Ты что мне план заваливаешь? Обожди, не оправдывайся, а отвечай прямо — почему вчера недодали тонну? Нет, нет, ты не сваливай на других. Ты на Чигвинцева, он на Иванова — это что же такое будет у нас тогда!

Переговорив и положив трубку, Иван Иванович задумчиво смотрел перед собой.

Недодали тонну меди. На первый взгляд как будто большой беды и нет: не додали сегодня, перекроют недостачу завтра. Но Иван Иванович встревожился. Две машины в гараже вчера встали на ремонт. А это значит, что по крайней мере в течение двух дней с перевалочной базы завод недополучит несколько тонн черновой меди, запас которой на заводском дворе и без того небольшой.

Морозов вспомнил, что начальник гаража Чигвинцев не один раз обращался к нему с предложением потребовать у главка или даже у министерства увеличения автопарка. Иначе, говорил Чигвинцев, завод в один прекрасный день может оказаться в плачевном положении с сырьем. Морозова и самого не меньше беспокоило это. Он отправил в главк и в министерство обстоятельную докладную, — просил, чтобы помогли приобрести дополнительное количество автомашин.

Инженер Колесников одновременно с Чигвинцевым предлагал Морозову другой выход. По его мнению следовало от перевалочной базы до завода проложить железнодорожную линию. Правда, затраты на строительство не предусмотрены сметой, а они будут немаленькими, но производственная выгода от будущей дороги очевидна.

Прочитав докладную Колесникова, Морозов часа два совещался с главным бухгалтером, но ни к какому определенному решению не пришел. Задача действительно была серьезная: с одной стороны, железно-

дорожная ветка неизмеримо облегчила бы доставку сырья и отправку с завода готовой продукции. А с другой стороны, строительство ветки неплановое. Оно, естественно, потребует дополнительных средств, придется с основного производства выделять на прокладку дороги людей, автомашины. Морозов же не мог в настоящее время дать куда-либо на сторону и одной автомашины.

Он поговорил еще с начальником медеплавильного цеха и убедился, что одним махом вопроса этого не решишь. «Надо ждать ответа из министерства, — думал он, — а строительство ветки запланировать на будущий год». Придя к этому выводу, он как будто успокоился.

Ему позвонил директор механического завода Колобов. За Колобовым — директор огнеупорного завода Силаев. Оба поздравляли с присуждением знамени и обещались померяться силами. Настроение у Морозова опять поднялось. В это время в кабинет директора вошел Кольцов. Морозов знал, зачем к нему пришел механик. Не дав ему начать, Иван Иванович вышел из-за стола и прошелся по ковровой дорожке, маленький, энергичный.

— Знаю, знаю, Егор Максимович, — заговорил он. — Все знаю. Вот вернется из командировки начальник отдела кадров — разберемся.

— Неделю уже разбираетесь, Иван Иванович, — сказал Кольцов.

Морозов остановился перед механиком; по сравнению с ним тот выглядел прямо-таки великаном.

— Ты мне лучше вот что скажи, — продолжал Морозов. — Почему вчера автопарк плохо работал? Жалуются на вас. На перевалочной базе черновой меди накопились горы, а на заводе резерв ее на исходе... Ох, и доберусь же я когда-нибудь до вас!

Двери кабинета приоткрылись. Морозов живо обернулся.

— Можно к вам? — попросилась какая-то девушка. Иван Иванович прищурился: он узнал в вошедшей Татьяну Синилову.

Между тем, Кольцов, навесив брови на самые очки, говорил:

— Конечно, вам виднее, что надо делать. Но относительно Сафонова, как бы это сказать, я не признаю вашей точки зрения. Неправильная она.

— Ладно, ладно, — примирительно махнул рукой Морозов и тихонечко подтолкнул механика к выходу. — Разберемся. Тут, видишь, товарищ из редакции пришел, — кивнул он в сторону Татьяны. Кольцов вышел.

Татьяна поздоровалась с директором и села на предложенный ей стул.

— Он всегда такой, — сказал, обращаясь к ней, Морозов, имея в виду механика. — Посмотришь со стороны — мрачный, а вообще-то добрейший человек! Итак, чем могу служить?

В связи с тем, что заводу было присуждено переходящее Красное знамя, Татьяна должна была написать в газету о передовиках производства. Морозов по ее просьбе стал рассказывать ей о заводе, о людях.

Татьяна бывала на заводе и раньше. В общих чертах она знала процессы рафинирования меди. Когда Морозов рассказывал о медеплавильщиках и называл цифры производственных показателей, она ясно представляла себе медеплавильный цех. Она вспомнила, что загрузкой отражательной печи болванками черновой меди командует там старик Гузынин, небольшого роста, кряжистый человек. На заводе он работает уже тридцать лет. Терпеливо, спокойно распоряжается клокочущей массой расплавленного металла, берет пробу и безошибочно определяет конец плавки. Только в самый ответственный момент разлива меди в изложницы Гузынин немного волнуется, теребит свои седые усы.

Морозов рассказывал об электролитчиках. И снова в памяти Тать-

яны — просторный цех со сложной системой ванн, наполненных циркулирующим электролитом. С уважением Морозов говорил о бригадире Василии Мелентьеве. Василий — брат Петра Мелентьева, инструктора горкома. Он курносый, широколицый, в кепке, небрежно надетой на курчавые волосы. Опытный бригадир. В содружестве с инженером он добился некоторых нововведений в своем деле. Бригада Мелентьева считается лучшей в городе.

Татьяна взяла необходимые сведения от директора, поблагодарила его и готовилась было уже выйти, когда в дверях столкнулась с Петром Мелентьевым. Она ступсывалась, уступила Петру дорогу. Петр заметил, как румянец залил щеки девушки, потупились ее большие карие глаза. Он остановился.

— Здравствуйте, Татьяна! А я и не знал, что вы здесь! — сказал Петр. Рядом с Петром стоял Кольцов; он кашлянул. Смущение Татьяны прошло. Она подняла на Мелентьева чистые искрящиеся глаза и ответила:

— Такая моя работа. Быть там, где меня не ждут.

— Одобряю, — шутливо отозвался Петр.

Он решительно вошел в кабинет, за ним последовал Кольцов. Морозов, увидев их, недовольно поморщился.

3.

Татьяна, посетив заводские цехи и побеседовав с рабочими, встретила с Петром на автобусной остановке. Мелентьев, прохаживаясь, обдумывал свой разговор с Морозовым. Веселый, подвижной, решительный директор нравился Петру. Но в то же время Петр чувствовал, что в отношениях Морозова с людьми было что-то неправильное. Взять хотя бы дело Сафонова. Морозов смеется, отшучивается, а разобраться в нем по-настоящему не спешит. Кольцов говорит: не хочет Морозов восстанавливать Сафонова на работе. И Петр согласен с Кольцовым. Морозов — человек упрямый...

Погруженный в свои мысли, Петр не заметил, как подошла Татьяна.

— Нежданный попутчик, — сказала она, — разве вы не уехали?

— А-а! — обрадовался он, — как видите, не уехал.

— Давно ждете автобус?

— Полчаса, — нахмурился Петр. — Чтоб им пусто было, нашим транспортникам.

Ветерок раздувал у девушки полы пальто, шевелил светлые волосы.

— Знаете что? Пойдемте пешком, — предложил Петр.

Татьяна посмотрела на свои сапожки, тряхнула головой:

— Пойдемте!

Присутствие Татьяны рассеяло у Мелентьева неприятные мысли. Он повеселел, взял девушку под локоть:

— Разрешите?

У Татьяны алым маком загорелись уши.

.....

Познакомились они нынешним летом. В августе, впервые после демобилизации из армии, Петр ходил на охоту. Вольготно было в лесу. На полянке, каких много в тайге, день и ночь шелестит листвой береза, словно торопится перелистать страницы занимательной книги. Полянка буквально пенится от множества цветов. Тут и там вихрастыми бугорками зеленеют молодые сосенки. Они едва-едва поднялись от земли, а вокруг столпились старые сосны, степенно покачивают они колючими

лапами и о чём-то шумят безумолку. За макушками сосен виднеется синяя гора.

Петр шел еланями, пробирался сквозь чащобу, собирал на сапоги утреннюю росу и с наслаждением вдыхал таежный воздух с запахами смолы, хвои и трав.

У подножья горы Высокой, километрах в двадцати от города, в осиннике он спугнул выводок рябчиков. С шумом поднялись они из брусничника, отлетели в глубь леса и рассыпались по траве. Один рябчик опустился на ствол упавшей от старости осины и прытко-прытко побежал по стволу к сучьям. Петр прицелился. Рябчик вытянул шейку, потряхнул головкой с серым хохолком на макушке и спрыгнул в траву раньше, чем охотник успел нажать спуск. «Хитер», — улыбнулся Петр. Стараясь не шуметь, он начал осторожно продвигаться вперед. Рябчик показался слева от ствола. Петр еле разглядел в траве серый хохолок, повел на него стволом и выстрелил. Хохолок исчез. Мелентьев подскочил к тому месту, где был рябчик, и поднял за крыло убитую птицу. Дробинки попали ей в грудь. Кровь красила перья, капала на траву.

— Куда же ты хотел уйти от меня, от старого охотника? — сказал Петр и насторожился. За опушкой осинника, где начиналась густая непролазь дикой малины, послышался стон. Еще... Петр поспешил туда. Выбежав на опушку, он увидел двух женщин. Малинник вокруг был примят. Одна женщина сидела прямо на траве, прижав к груди руку, и охала. Другая, совсем юная девушка, в желтой вязаной кофте и в марлевой косынке, стояла к Петру спиной.

— Хватит тебе, мама, охать, — говорила девушка. — Не будет же тебе от этого легче. Ну, перестань же.

— Ох, не могу... Сердце зашлось...

По плетеным корзинкам, которые стояли поодаль, Петр догадался, что женщины собирали малину. Девушка за своей спиной услышала его шаги, испуганно оглянулась и нахмурилась.

— Вот он и стрелял, наверное, — сказала она матери. — Расходился тут, охотник! — добавила она с неодобрением.

Женщина посмотрела на Мелентьева, на убитого рябчика, которого Петр держал за крылья, болезненно поморщилась и еле слышно проговорила:

— Ох, не могу. Испугалась...

— Не знал я, что вы тут. Извините, — сказал Петр.

Ему подумалось: а вдруг женщину и в самом деле задела шальная дробинка? Но, прикинув, в каком направлении он стрелял, Петр успокоился. Нет, этого не могло быть, он стрелял в сторону горы, а женщины были от него справа. Эта мамаша просто испугалась выстрела. Петр улыбнулся девушке, та отвернулась. Ей было не больше двадцати лет. Петра поразили ее глаза — большие, чистые, глубокие. «Как колодец бездонный, — подумал Петр, — утонешь и рад будешь».

— Ах, вы не знали, — сказала девушка, не отвечая на его улыбку. — Ну, так надо знать. Народу в лесу ходит много, еще кого-нибудь и верно подстрелите.

— Ну что вы! Не все такие пугливые.

— Всякие есть. Зачем вы загубили птицу?

— Это рябчик. — Петр приподнял птицу. — Хотите, подарю? Из него суп вкусный бывает.

— Нет, благодарю вас.

— А то возьмите! — Мелентьев положил рябчика и козырнул: — До свидания!

Он отошел несколько шагов и оглянулся. Девушка глядела ему

вслед. Пожилая женщина, ее мать, поднялась на ноги и поправляла красную косынку.

Весь день Мелентьев был под впечатлением этой встречи.

Последующие дни были у него заняты до предела. Но случай вскоре снова свел его с девушкой. В городском дворце культуры в воскресенье драмкружковцы ставили пьесу Островского «Без вины виноватые». Мелентьев пришел на спектакль. До войны он часто бывал здесь, потянуло его сюда и сейчас. Он прохаживался в фойе. Молодежь танцевала. Из знакомых никого не было. Вспомнились далекие довоенные годы, когда он и сам танцевал тут. Стало немножечко грустно.

Драмкружковцы играли довольно умело, слаженно, во всем чувствовалась опытная рука режиссера.

Петр удивился, когда в героине пьесы Кручининой узнал ту девушку, которую встретил в лесу. Первым его желанием было отправиться за кулисы и поговорить с нею. Но им овладела нерешительность. Он не пошел за кулисы ни в первый, ни во второй антракт, не пошел и после окончания спектакля. Артистов по несколько раз вызывали аплодисментами, биссировали им. Снова и снова взвивался занавес. Стоя среди довольных спектаклем зрителей, Петр, пожалуй, аплодировал исполнителям азартнее всех.

В зале возобновились танцы. Домой идти Петру не хотелось. Втайне он надеялся, что девушка выйдет в зал, и не ошибся. Она появилась в шелковом голубом платье, красиво облегающем ее фигурку, и встала у колонны. Петр, смущаясь, пригласил ее на вальс. Она удивленно посмотрела на него, но руку подала. Он повел ее неуверенно, сбиваясь с такта. Запах ее духов кружил ему голову.

— Вы меня не узнали? — спросил Петр.

— Нет, не узнала. Но, кажется, я вас где-то видела.

— А рябчика вы помните?

— Ах вон что! — улыбнулась девушка. — Вы тогда были не таким. Мужественнее.

— Серьезно? А сейчас?

— Даже не знаю. Серый костюм вас молодит.

— Я ведь не такой старый, как вам кажется. Вам сколько лет?

— Двадцать один.

— А мне всего на шесть лет больше.

Они столкнулись с другой танцующей парой, и Петр предложил:

— Давайте посидим. Я не танцевал с сорокового года, разучился, — сказал он. Девушка согласилась присесть. Он узнал, что ее зовут Татьяной и что работает она в редакции.

После танцев Петр пошел провожать Татьяну. Неловкость первого знакомства исчезла. Они разговорились. Оказалось, что Татьяна увлекается театром, ей хочется стать артисткой. Ведь это она настояла на том, чтобы выбрали именно эту пьесу. Ей нравится артистка Тарасова, исполняющая роль Кручининой...

Синяя августовская ночь окутала притихший городок. Дремали сиреневые и тополиные сады, облитые лунным светом. На станции переключались маневровые паровозы, мерно и спокойно дышал механический завод, там что-то звенело, словно били молотом о наковальню. А рядом шла славная девушка Татьяна и тихим, ровным голосом рассказывала о себе, о своих мечтах.

Петр стал часто встречаться с Татьяной то на собраниях, то где-нибудь на производстве, то в горкоме. Встречи эти были случайными, мимолетными.

Теперь, возвращаясь с завода, они говорили обо всем, лишь бы не

молчать. Петр передал ей свой разговор с Морозовым, упомянул о Дайбове.

— Ох уж этот Дайбов! — засмеялась Татьяна. — Хлебом его не корми, а дай поговорить. Помните, на собрании городского партийного актива о политической учебе он выступал, регламент поломал, еле уняли. Редактор назавтра мне говорил: «Сходи-ка, говорит, на завод, присмотришься, а то этот Дайбов вчера подозрительно много хвалился». Так оно и было. Сам-то он учится добросовестно, а кружками и политшколами не руководит. Ну, раскритиковали мы его в газете!

— Правильно сделали! — одобрил Петр.

— Он шум поднял, что тут было! Со мной с тех пор перестал здороваться...

От ходьбы лицо девушки покраснелось, налилось свежестью. Прощаясь, Татьяна сказала:

— До свидания, Петр Трофимович. Не знаю, скоро ли мы свидимся.

— Какие-нибудь изменения? — насторожился Петр.

— Да. Я через несколько дней уезжаю в студию драматического театра сдавать приемные экзамены.

— Все же решили ехать? Жаль.

— Вы не одобряете мой выбор?

— Как вам сказать? У каждого своя дорога.

— Своя дорога... — задумчиво повторила девушка. Они помолчали.

— Что ж, — сказал Мелентьев. — Желаю удачи, большой удачи! — он крепко пожал ее маленькую руку. — Напишите, как устроитесь, как будете учиться.

— Спасибо, напишу.

Татьяна ушла, легкая, стремительная.

4

Мария Ивановна Кошкина имела обыкновение приходить в горком за час до начала работы. Ей нравилась утренняя тишина в коридорах и кабинетах, свежесть вымытых ночью полов. Сняв пальто, она постояла перед зеркалом, поправляла седеющие волосы, собранные валиком на затылке, рассматривала морщинки на лице и вздыхала. Как незаметно и быстро катится время! Кажется, совсем недавно Маша Кошкина окончила педагогический институт, а ведь ей уже сорок лет! Сорок лет! Она седеет, сыну скоро исполнится шестнадцать, а дочь учится в пятом классе.

Преподавала Мария Ивановна в школе историю, была инспектором горно и уже семь лет работает в партийном аппарате. Здесь ей трудно.

Каждый день наплывает столько неотложных дел, что порой и не знаешь, за что приняться в первую очередь. Инструкторы у нее в отделе молодые, неопытные, они недавно пришли в горком из армии, с производства. А между тем, работа требует постоянного внимания и напряжения. Город живет своей интересной и беспокойной жизнью. Мария Ивановна, как и все работники горкома, должна чутко прислушиваться к биению пульса этой жизни и не только прислушиваться, но и вмешиваться и направлять бурное движение жизни.

К ней за советами идут коммунисты. Она должна в каждом вопросе найти главное, основное и умело подсказать коммунистам, в чем состоит это главное. Секретари партийных организаций звали ее на предприятия. Она должна быстро решать, куда пойти вперед, а куда после, через день или два. Ей предстояло побывать на важном совещании в гор-

исполкоме или еще где-нибудь и в то же время надо было помнить, что к очередному заседанию бюро горкома партии необходимо подготовить несколько важных вопросов.

Дел было много, и если бы сутки имели не двадцать четыре часа, а все сорок восемь, и тогда ей нехватало бы времени. Происходило это потому, что Мария Ивановна стремилась сделать все сама. Инструкторам своим она не доверяла. По неопытности еще могут ошибиться, а потом попробуй, выправляй положение!

В конце концов оказывалось, что за день Мария Ивановна сама все сделать и все учесть не могла. Обычно добрая половина дня проходила у нее в приемах посетителей, в различных совещаниях, а посетить механический завод, побывать там в цехах ей так и не хватало времени. «Завтра схожу», — успокаивала она себя. Но приходило «завтра» и все шло, как и прежде: совещания, приемы посетителей, деловая текучка. А тут до бюро оставалось пять дней, надо было браться за подготовку очередных вопросов...

Так бежало у нее время, и регулировать его с пользой для себя и для работы она уже была не в состоянии.

Мария Ивановна прошла в кабинет, задумчиво посмотрела в окно на облетевшие кусты сирени, на холодную гладь заводского пруда, в котором отразилась бледная голубизна осеннего неба. Мария Ивановна нахмурилась, села за стол и стала просматривать газеты.

Сегодня газет было немного, перелистала она их быстро. Потом достала папку с протоколами собраний первичных партийных организаций и углубилась в чтение.

Где-то хлопнули дверями, слышались шаги в коридоре, зазвучали голоса. Кошкина взглянула на ручные часики. Девять часов. И словно в подтверждение того, что рабочий день действительно начался, зазвонил телефон. Кошкина сняла трубку.

— Слушаю! — Она улыбнулась. — Здравствуй, здравствуй, товарищ Морозов! — Мария Ивановна свободной рукой взяла пресс-папье, стала его покачивать и вдруг рассмеялась. — Что? Что? Колобов — директор механического завода грозит отобрать знамя? Это здорово! К празднику отберет у электролитчиков? Что же, держать надо крепче! Да. Видела ли я Мелентьева? Нет, еще не видела. Безобразие. О чем он думает! Хорошо, хорошо, Иван Иванович, обязательно подскажу ему. Конечно, так нельзя. Безусловно. Всего наилучшего. Когда буду у вас? Пожалуй, не скоро. У вас мне и делать-то, собственно, нечего: передовики, что за вас тревожиться. — Мария Ивановна засмеялась и повесила трубку. Вошел Мелентьев. Мария Ивановна встретила его суровым взглядом.

— Рассказывай о семинаре, — потребовала она.

Петр повесил на вешалку шинель, достал расческу.

— Семинар не состоялся, — сказал он, проводя расческой по своим густым волосам. — Дайбов уехал в командировку, а без него я не стал проводить семинара.

— Я так и знала! — сердито заметила Мария Ивановна. — Надо было самому собрать группоргов и провести. Ты инструктор горкома...

— Я не могу подменять секретаря парткома завода, — ответил Петр.

— Когда не надо, так ты можешь. В чужие дела вмешиваешься. Что у тебя вышло с Морозовым?

— С Морозовым? — Мелентьев спрятал расческу в карман гимнастерки. — Ничего особенного. Был разговор об одном шофере.

— Как же ничего особенного? А вот, говорят, ты в директорские дела влез. Было это?

Петр собрал на лбу морщинки.

— Я вас не понимаю, Мария Ивановна, — сказал он. — У них там шофера уволили с завода, я и хотел в этом разобраться.

— Значит за дело! — раздраженно проговорила Кошкина. — «Какой у Мелентьева стал несносный характер, — подумала она. — Упрямится, а чего — и сам не знает».

— Вы вот не знаете, а говорите, — возразил Петр. — На заводе произошла возмутительная история. Вы бы лучше ею поинтересовались, чем на меня нападать.

Кошкина не ответила. Она захлопнула папку с протоколами, убрала ее в ящик стола и вышла.

Через несколько минут Мелентьева вызвали к секретарю горкома Борисову. В комнате у него сидела Кошкина. Борисов попросил Мелентьева рассказать о случае с шофером. Сам Борисов уже знал об этом. Петр начал рассказывать. Борисов слушал его не перебивая. Кошкина, между тем, перелистывала на столе секретаря книгу. Когда Мелентьев кончил, Борисов, после непродолжительной паузы, спросил Кошкину:

— Какое ваше мнение, Мария Ивановна?

— По-моему, все было гораздо проще, чем говорит Мелентьев, — начала Кошкина. — Ему надо было провести семинар, а он не провел. Вместо этого он вмешался в историю с увольнением шофера. Видите ли, Морозов и Чигвинцев усюлили шофера-разгильдяя. Ну и что же? Если горком будет по каждому увольнению вмешиваться, что же тогда будет? На заводе есть директор, пусть он и решает эти вопросы.

— Все? — спросил Борисов. Он снял очки и стал протирать их носовым платком. — То, что Мелентьев не провел семинар, плохо, — заговорил он. — Слышите, Петр Трофимович? История же с шофером, на мой взгляд, не пустяк. В ней надо хорошенько разобраться.

— Я говорила с Морозовым... — вставила Кошкина.

— Одну минуточку, Мария Ивановна, — прервал ее Борисов и повернулся к Мелентьеву. — Что вы предлагаете, Петр Трофимович?

— Семинар я проведу, — ответил Петр. — А о Сафонове я уже высказал свое мнение, могу повторить. Речь идет не о каком-то шофере-разгильдяе, а о молодом коммунисте. Откуда вы взяли, что я вмешался не в свое дело? Морозов вас информировал? Но почему вы поверили Морозову, а не мне, работнику вашего отдела?

Петр разгорячился. Капельки пота выступили у него на лбу. Борисов надел очки, улыбнулся.

— Спокойнее, Мелентьев, — сказал он.

— Да как же, Леонид Петрович... — заговорил снова Петр.

— Видно, дело это вас заинтересовало. Ясно, ясно. Вам-то мы и поручим разобраться в нем. Согласны, Мария Ивановна?

Кошкина устало отмахнулась. Весь вид ее говорил: делайте, что хотите, воля ваша. А у нее нет ни желания, ни времени заниматься мелочами...

5.

Петр Мелентьев пришел на работу в горком из армии. Его направили в отдел к Кошкиной. Мария Ивановна встретила Петра как старого знакомого, хотя они раньше и не встречались друг с другом. Она без обиняков назвала его «голубчиком» и в первый же день послала на завод проверять состояние партийного хозяйства. Петр надеялся, что

его хорошенько проинструктируют, дадут оглядеться на новом месте. Выходило все по-другому...

Вернувшись с завода, он по привычке военного человека доложил Кошкиной о том, что сделано, и доклад его Мария Ивановна одобрила. Затем она усадила его рядом с собой и в течение двух часов говорила ему о том, каким должен быть инструктор горкома и что от него требуется. Петр с интересом выслушал Кошкину и улыбнулся:

— Боевой устав изучен.

— Это лишь основы, — наставительно поправила его Кошкина.

— Главное даст практика.

Мария Ивановна пришлась Петру по душе. Ему казалось, что она обладала поистине неисчерпаемой энергией, самостоятельностью и богатым практическим опытом. Все знали Марию Ивановну и редко кого не знала она сама.

Однако с некоторых пор Петр стал замечать, что вся ее деловитость и энергия тратятся впустую. Однажды с огнеупорного завода прислали протокол партийного собрания. Коммунисты выдвинули много интересных вопросов и просили горком помочь им. Кошкина удовлетворенно потерла руки: надо помочь! Она собралась на огнеупорный, когда позвонили с лесопилки и просили ее туда приехать, и Мария Ивановна поехала на лесопилку. Вернулась поздно и вспомнила, что еще не написан проект решения о выполнении собственных решений в партийной организации швейной фабрики. К этому времени она уже забыла о просьбе коммунистов огнеупорного завода. Петр ей осторожно об этом напомнил. Мария Ивановна удивленно на него посмотрела и созналась:

— Я окончательно закрутилась. Съезди, голубчик, туда, разберись в чем дело и помоги.

Петр не понимал: как можно так работать? Хвататься за все сразу и ничего не доводить до конца? «Но может быть я слишком придирчив?» — спросил он себя. Однако один факт косвенно подтвердил его мысли.

В литейном цехе механического завода Петр как-то невольно подслушал разговор двух коммунистов:

— Опять была, — говорил один. — Видел?

— Кто? — спросил другой.

— Да эта самая... Кошкина. Михайлыча ругала. Сам слышал. По взносам что ли неправильно отчитывается, потом с протоколами неладно. Она ушла, а Михайлыч смеется и говорит: «Шумим, братцы, шумим!»

— И то верно. Шуметь любит. По делу шумит и без дела шумит. А ведь школу-то стахановскую так и не открыли. На собрании говорили, постановили, записали. Она тогда, помнишь, сказала: «Мы, товарищи, провернем; мы, товарищи, вам поможем; вы, товарищи, правильно решили!» Кончилось собрание и концы в воду. Больше не показывалась до сегодняшнего дня. Вот и шумим, братцы!

— Ничего, дошумится. В январе конференция будет.

Петр почувствовал себя неловко, будто говорили не о Кошкиной, а о нем; рабочие набивали формовочной землей опоки и не видели его.

Петр рассказал об этом случае Кошкиной. Она рассмеялась и хлопала рукой по его рукаву.

— В нашей работе всякое бывает, — сказала она. — Понравиться всем невозможно, идеальных работников в природе не существует. Эту аксиому тебе тоже надо усвоить, голубчик.

Петр попытался возразить, но Кошкина перебила его:

— Поработаешь с мое, опыта наберешься, тогда поспорим.

— Я бы на вашем месте так никогда не сказал.

— А я бы на твоём месте слушала да на ус мотала, что говорят старшие.

— А если они советуют неправильно?

У Кошкиной полезли вверх брови. Вначале она растерялась, затем всердцах бросила:

— Ты портиться начинаешь, голубчик, — и ушла, хлопнув дверью.

Дайбов вернулся из командировки через два дня. Мелентьев, со звонившись с ним по телефону, в полдень был у него.

Утром к Дайбову заходил инженер Колесников, рассказавший о том, что имеется предложение начать строительство железнодорожной ветки. Дайбов слушал инженера внимательно и в мыслях соглашался с ним. В самом деле, куда проще и надежнее доставлять сырьё на завод прямо в вагонах. Не было бы простоев вагонов на станции, за которые завод ежегодно платит немалую сумму. Не нужно было бы держать большой автопарк, высвободились бы дополнительные средства. А доставка сырья? Она стала бы обходиться гораздо дешевле. Прикинув в уме все выгоды от предложения Колесникова, Дайбов отправился к Морозову. Он думал поддержать инженера и спросить у директора, почему тот не даёт хода такому ценному предложению.

Узнав, зачем к нему пришел Дайбов, Иван Иванович улыбнулся, откинулся на спинку кресла и добродушно проговорил:

— Все это правильно, Андрей Назарович. Только у каждой палки, как ты знаешь, два конца. Колесников указывает на один конец и не учитывает второго. Ему это простительно, а мне нет. Я должен учитывать все — и плюсы и минусы. А минус в предложении Колесникова значительный. Средств нет — раз. Для стройки потребуется выделить машины. Где их взять? У нас машины работают в три смены, да и то мы задыхаемся. А ну-ка дай на автопарк еще дополнительную нагрузку, что получится? Да и кто нам позволит это сделать?

Дайбов слушал директора и ничего не мог ему возразить. Правильно говорит Иван Иванович: действительно, никто не позволит строить железнодорожную ветку вне плана. «Почему же мне самому это в голову не пришло?» — размышлял Дайбов, вернувшись в свой кабинет. Тут он вспомнил, что на вечер назначен семинар группоргов цехов и что у него не дописан еще доклад.

Дайбов занялся подготовкой доклада. Прядь рыжеватых волос упала ему на лоб, маячила перед глазами, мешала писать. Дайбов откинул ее назад и поднял голову. У дверей стоял Мелентьев. Увидев его, Дайбов встал, приветливо улыбнулся. Он был среднего роста, сухощав.

Мелентьев подошел к столу, взял раскрытую книгу, из которой Дайбов делал выписки, посмотрел название и положил на место.

— Доклад к семинару заканчиваю, — объяснил Дайбов и добавил: — Подвел я вас тогда.

— Почему меня? — спросил Петр, садясь на стул. — Вы себя подвели, группоргов...

— Ничего не поделаешь! — развел руками Дайбов. — Надо было срочно выехать в главк.

Он перелистал исписанные листочки, взглянул на Петра, словно спрашивая у него, продолжать ли ему заниматься подготовкой доклада. И Мелентьев понял этот его взгляд.

— На часик я вас оторву, — сказал Петр. — Сейчас придут Чигвинцев и Кольцов, а пока их нет, расскажите, что произошло с Сафоновым.

Дайбов потер длинными пальцами подбородок. Сафонов! Когда его

уволители, к Дайбову пришел рассерженный Кольцов и настаивал, чтобы партбюро встало на защиту молодого коммуниста. Дайбов знал Сафонова. Стенная газета гаража, которую он выпускал, считалась лучшей на заводе, и партбюро, когда секретарем был еще Лавров, не раз поручало Сафонову оказывать помощь другим цеховым редколлегиям. Задания он всегда выполнял охотно, добросовестно. «Чорт знает, что они там творят, — думал Дайбов, слушая Кольцова. — Надо поддержать Сафонова и одернуть Чигвинцева».

С этими мыслями он отправился к Морозову.

— Морока мне с этим Сафоновым, — выслушав Дайбова, сказал Иван Иванович. Он расхаживал по кабинету, лакированные ботинки его поскрипывали.

— Наломал дров и сам, пожалуй, теперь не рад, — продолжал Морозов. — Активист-то он хороший, а шофер, повидимому, никудашний. Дорогу от кювета не отличает. Так и жди, что машину вдребезги расколотит.

— Могло быть хуже с этой аварией, — слабо возразил Дайбов. — Хорошо, что девушки под колеса не попали.

Речь шла о девушках, на которых будто бы едва не наехал Сафонов. Желая избежать этого, он налетел на столб и разбил радиатор.

— Ну, это неизвестно, — заговорил Морозов. — Не верю я в версию с девушками. Да и потом, мы с вами, Андрей Назарович, должны смотреть на эти вещи принципиально. Что будет, если мы простим Сафонова? А глядишь, завтра Медведев испортит нам электролизные ванны? Испортит и руками разведет: мол, не девушки на этот раз, а бабушка виновата! Опять прощать?

— Так-то оно так, — проговорил Дайбов.

— Теперь рассудите с другой стороны. Чигвинцев уволил Сафонова, я подтвердил увольнение. А ну-ка, попробуй, восстанови Сафонова, как об этом будут говорить в гараже? Мы же под самый корень подрежем Чигвинцева, подорвем его авторитет. Нет, не могу я отменить увольнение. Гараж у нас основа основ. Вы меня понимаете?

— Да, конечно, вы правы, — сказал Дайбов. Морозов покосился на него. «Легко сдается. Лавров — тот не такой. С тем бы повоевать пришлось», — думал директор, провожая Дайбова. Было это несколько дней тому назад. Теперь Дайбов пытался объяснить Мелентьеву свою позицию в этом неприятном деле. Вопрос Петра застал его врасплох. Дайбов было совсем успокоился: уволили Сафонова и делу конец. А сейчас оказывается, что он чего-то не учел, упустил.

Дайбов говорил Мелентьеву об увольнении Сафонова путанно, сбиваясь, и в уме торопил Чигвинцева и Кольцова: скорее бы они приходили и избавили его от этого тяжелого разговора.

В дверь постучали. Дайбов живо сказал: «Войдите». Твердой уверенной походкой вошел Чигвинцев, а за ним, чем-то смущенный, Кольцов.

В меховой короткой куртке зеленоватого цвета, застегнутой наглухо «молнией», в темносиних галифе, в хромовых сапогах, начищенных до блеска, Чигвинцев выглядел молодежато, по-офицерски браво и производил хорошее впечатление подтянутостью и аккуратностью.

С Чигвинцевым Петр знаком был еще до войны; Виктора — известного вожака заводских ребят — многие знали и во всем городе Советске. Одно время Мелентьев даже дружил с Чигвинцевым. В армию Виктор ушел на год раньше Мелентьева, служил в бронетанковых войсках, воевал на финском фронте. В Отечественную войну — под Курском или Орлом — Петр точно не помнил — Чигвинцев своим танком таранил немецкий. За это его наградили орденом Красного Знамени. После войны, спустя восемь лет, они встретились, Виктор возмужал, носил

бакенбарды, но, как и Петр, еще не был женат. Мелентьеву нравилась молодцеватая подтянутость танкиста, опрятность в одежде. Чигвинцев делал все четко, уверенно, напористо. Петр любовался завгаром: красавец!

— Здорово, Мелентьев! — деловито поздоровался с Петром Чигвинцев и быстро перевел взгляд на Дайбова. — Звали нас?

— Звали. Садись. И вы садитесь, Егор Максимович, — пригласил Мелентьев механика. Кольцов снял кепку и осторожно присел на край стула, рядом с Петром. Чигвинцев сесть отказался:

— Постою. Рассиживаться некогда.

— Ладно. Знаешь за чем звали?

— Слышал.

— Прошу объяснить.

Чигвинцев рассказал о «сафоновском деле» кратко и толково, по военному, не пытаясь оправдываться. Петр наблюдал за ним и ему нравилась сдержанность завгара. Он мимоходом подумал, что Виктору, пожалуй, выгоднее сбрить бакенбарды: они никак не вязались с мужественной красотой его лица.

— Принижать меня, — продолжал Чигвинцев, — кто бы этого ни захотел, я не позволю. Я люблю дисциплину. Для меня дисциплина и план — главное. Остальное побочное.

— А люди? Они что — тоже побочные? — не вытерпел Кольцов. — Сафонов, например...

— Он разгильдяй.

— Слышали, Петр Трофимыч? — поднялся Кольцов. — Слышали, что он говорит? Какой же Сафонов разгильдяй?

— Егор Максимович, — обратился к механику Чигвинцев. — Я давно вам советую: не шебаршите, и мы сработаемся.

— Вы, вы... — заволновался Кольцов.

Чигвинцев криво усмехнулся на это, но спокойствия не потерял.

— Товарищи! — поспешил Дайбов, похлопав ладонью по раскрытой книге. — Говорите спокойно, зачем же кипятиться?

Кольцов шагнул к столу, за которым сидел Дайбов, и, ткнув очками в сторону Чигвинцева, заговорил торопливо, видимо, боясь, что его перебьют; у него в нервном тике задергалась бровь, близорукие голубые глаза прищурились.

— Вы себе представить не можете, как он от рабочих отгородился. Стеной! Глухой стеной! Командует! Слушать никого не желает. Все я да я! А спросите, много он раз поговорил с рабочими по душам? Ни разу!

— Это мое личное дело. Я знаю, что делаю.

— Почему личное? — вмешался Петр. — Ты кто, советский начальник или какой-нибудь предприниматель, которому дела нет до рабочих?

Чигвинцев не ответил. Мелентьев сказал, что вопрос ему ясен и Чигвинцева он больше не задерживает. Завгар из парткома вышел все той же четкой походкой. Сославшись на какое-то срочное дело, ушел и Кольцов.

Петр посмотрел на Дайбова и сказал веско:

— Удивляюсь, что так затянули это дело. Надо было в нем давно разобраться и по-партийному его решить. А у вас какая-то неопределенность. Рассказывали мне, рассказывали, а я так и не понял: «за» вы или «против» увольнения Сафонова?

— Говорят: семь раз отмерь... — улыбнулся Дайбов. От этих слов его Петр рассердился окончательно:

— Пословицами тут не отговоришься. Мнение свое надо иметь!

Петр беседовал с шоферами и рабочими гаража. Одни уклонялись от прямых ответов на вопросы Мелентьева или отзывались о Чигвинцеве похвально: «Он, брат ты мой, дисциплинку любит!» Другие отзывались о Чигвинцеве резко отрицательно, ругали его. Были и такие, что свое мнение высказывали с оглядкой, с разными оговорками. «Оно, конечно, — говорили они, — Чигвинцев человек знающий, спору нет. Порой чересчур загибает, это верно, но с кем же не бывает греха? Сказывают, и на солнышке пятна имеются. Так-то вот. С Сафоновым, конечно, Виктор Николаевич переборщил. Хороший малый Сафонов, жаль его, да что поделаешь — начальство!»

Пожилой слесарь Тверсков, старый коммунист, когда к нему пришел Петр, стоял у тисов, работал напильником. Движения его были скупые и точные.

— Здравствуйте, Владимир Андриянович! — остановился около него Мелентьев. — Трудимся?

Тверсков, ответив на приветствие, отложил напильник, платком отер с лица пот и спросил у Петра о здоровье отца.

— Как поживает Трофим Павлович?

— Бодрится, — ответил Петр. — На днях на охоту собрался за глухарями, да мать не пустила.

— Охотничек он бедовый! — засмеялся Тверсков. — Всегда он был непоседой. Беда со стариками — беспокойный они народ. Ну, а ты, в начальстве, сказывают, ходишь?

— Какой из меня начальник! — улыбнулся Петр.

— Не скажи. Ты это правильно за нашего Чигвинцева взялся. Гонора у него много. Молодой, а зазнается сильно. Мы его как-то на партийном собрании за это прорабатывали. Не поддается, упрямый.

Тверсков облокотился на верстак, толстыми темными пальцами стал скручивать козью ножку.

— Закуривай, — предложил он Петру, протягивая кiset. — Задиристый.

— Спасибо. Не курю.

— Доброе дело, — похвалил Тверсков, пряча кiset в карман пиджака. — Я опять же о Чигвинцеве, — заговорил старый мастер, сделав две-три затяжки. — Чигвинцев человек умный, знающий, а партийности в нем маловато. Намотал ременные вожжи на кулак да и покрикивает «но» да «ну». А Кольцов что? Он славный, все понимает, да Чигвинцев знать его не хочет. Спорят постоянно. Где ни встретятся, — война! Недаром шоферы меж собой посмеиваются, когда слышат их споры. «Ну вот, говорят, опять нашла коса на камень». Ты думаешь на работе это не отражается? Еще как отражается-то! Теперь Чигвинцев Сафонова уволил, а другие поглядывают, как бы уволиться и им от греха подальше. Вдруг ненароком недовольство выскажешь — непорядков-то еще много! — ну и выгонит тебя Чигвинцев. Люди не стараются на работе, а так — лишь бы день кончился. Сердце болит, Петро, когда видишь все это.

— Где же вы все были? Почему об этом не говорили?

— Говорили, Петро. Протоколы собраний к вам посылали. Кошкина однажды сама у нас была. Прошла по гаражу, посмотрела. А потом закрылись они с Чигвинцевым в конторке. О чем там толковали — никому и до сей поры неизвестно.

— А Дайбов?

Тверсков бросил окурок себе под ноги и яростно растоптал его. Жест этот был красноречивее слов, и Петру стало обидно за Дайбова

и за всю заводскую парторганизацию. Дайбов сейчас остался за секретаря партбюро. Он должен быть душой заводского коллектива. К нему в первую очередь должны идти коммунисты и беспартийные со своими горестями и радостями. А на деле? Дайбов сам не разобрался, повидимому, в том, что Чигвинцев встал на путь зажима критики, фактически поддержал его в этом. «Нет, Мария Ивановна,—мысленно спорил Петр с Кошкиной, — краски не были сгущены! Вы глубоко ошиблись, когда заявили, что шум поднимается из-за пустяков. Зажим критики — это не пустяки!»

Тверсков снова склонился над тисами. На прощанье он сказал:

— Мы с твоим отцом, Петро, в бабки вместе играли, потом, когда парнями стали, тоже были вместе, а впоследствии и воевали вместе. Как свои пять пальцев знаю я Трофима Павловича. Справедливый он человек и коль за что ухватится — до конца доведет. Верю, что и ты такой же: докопаешься у нас до корней!

Всю дорогу до парткома Петр думал над словами старого слесаря.

7.

В партком вызвали Сафонова. Петр потер лоб. «Посмотрим, каков этот молодец, из-за которого загорелся сыр-бор!» — сказал он себе. Когда же Сафонов переступил порог, Петр сразу вспомнил, что не раз видел этого юношу, это смуглое широкоскулое лицо, башкирские раскосые глаза, темные, со светлячками в зрачках.

Сафонов сел на стул, смахнул с головы клетчатую кепку, расстегнул пуговицы пальто и приготовился слушать.

— На завод не собираешься? — спросил его Петр.

— Зачем? Чигвинцев опять выгонит.

Дайбов заморгал белесыми ресницами и улыбнулся краешками губ.

— Рассердился ты, видно, крепко, — сказал Петр.

— Радоваться прикажете? — Сафонов смотрел в окно на заводской двор. За окном сыпался, как из сита, мелкий дождик, падали с крыш звонкие капли.

— Правду надо искать. Найти и утвердить. А ты молчишь.

Сафонов медленно повернул к Петру голову.

— Правду? Разве я ее не ищу?

— Не видно.

— Вам, может, и не видно, а другие видят, да толку нет.

— Кто другие?

— Хм... кто... Пойди и докажи Чигвинцеву свою правоту. Он тебе докажет: кругом марш — и все! Я ему с этой железнодорожной веткой, как видно, насолил через газету — вот он и злобится.

— Обратился бы к директору. Что же, на Чигвинцева управы нет?

— Думаете не ходил? Два раза ходил. Один раз он не принял меня, а в другой раз сказал: «Чего ты здесь? На завод я тебя не возьму, так и знай. Говори спасибо, что под суд не отдал».

Шел бы в горком. Какой же ты коммунист, если сразу спасовал?

На эти слова Петра Сафонов усмехнулся.

— Ничего вы не знаете, если так говорите. Я Кошкиной все рассказывал и Дайбов здесь был. Она меня склочником назвала, а Дайбов пригрозил мне выговором.

— Я вам не грозил! — перебил шофера Дайбов. — Не преувеличивайте!

— Зачем вы от своих слов отказываетесь? — заволновался Сафонов. — Кошкина вот здесь сидела, где сейчас сидит товарищ Мелентьев,

а вы стояли вот здесь. Забыли? Вы еще сказали: «Умел машину разбить, умеи и отвечать. А не то дадим выговор по партийной линии!» Я правду говорю.

— Ну, знаете ли! — вскочил Дайбов.

— Спокойнее, — предупредил его Мелентьев. — Надо во всем разобратъся.

— Меня, наверно, и в горьком расписали по всем правилам, — продолжал Сафонов. — Но я в обиду себя не дам. В обком буду писать, все опишу! Правда, товарищ Мелентьев, от меня не уйдет.

— Верно сказал. Только писать ты обожди. Мы сами тут не без головы. Для начала расскажи по порядку, как все с тобой было.

Сафонов прокашлялся в кулак и начал. Он возил медь с перевалочной базы. Работал во вторую смену. Поехал в последний рейс, было уже темно. За рулем сидел, как всегда, не дремал. Был трезв, а не пьян, как утверждает Чигвинцев.

— Подъезжал к виадуку, знаете? Там спуск под горку метров двести или немного больше. Я уж на полгоры спустился, а машина груженная, тащит ее. Откуда ни возьмись, в свет фар вынырнули девушки. Что им вздумалось перебежать дорогу, не знаю. Я немного растерялся. Мне бы на тормоза надо, а я баранку крутнул вправо, машина в сторону, и только тогда я нажал на тормоз. Но было уж поздно. Кюветов там нет, и машина врезалась в столб. Если бы не затормозил, много бы дел натворилось. Отделался небольшим ушибом, да вот радиатор разбил. До завода на буксире дотащили. Хотите верьте, хотите не верьте. Свидетелей у меня нету. Да, по правде сказать, я о них тогда и не думал. Одна мысль была: хорошо, что на девчат не наехал. Если бы не свернул, задавил бы их в два счета. Растерялся попервоначалу, это, признаюсь, моя вина. Мне бы на тормоза надо...

— Ладно, — сказал Петр. — А на завод-то ты все-таки вернешься?

Сафонов молчал, рассматривая носки своих ботинок. Мелентьев тронул шофера за плечо.

— Чего же ты молчишь?

Сафонов поднял на него раскосые глаза, и взгляд их был открытый, смелый: вся душа наружу, чистая, как капля родниковой воды.

— Разве это от меня зависит?

— Теперь от тебя.

— Коли так, — проговорил Сафонов, — тогда пойду. Я ведь вырос на заводе, он мне что дом родной. Вернусь!

Мелентьев посмотрел на Дайбова.

«Эх; Дайбов, Дайбов! Как же ты проглядел живого человека?» — хотелось ему сказать. Но Петр не сказал этого, только подумал про себя и отвернулся.

8.

Еще несколько дней провел Мелентьев на заводе. С Дайбовым они обошли все цехи. Рабочие скупно говорили о своих делах, но видел Петр, что работают они творчески, с любовью.

Из бесед с рабочими Мелентьев кое-что узнал и о директоре. Семен Петрович Гузынин из медеплавильного цеха, стирая рукавом с морщинистого лба пот (только что закончили разлив меди), сказал Петру:

— Давно я знаю Морозова, сколько годов. Сперва ничего был: веселый, рабочих не сторонился. Бывало, в цехи частенько заглядывал: посмотрит, поговорит, поможет. А как только завод в передовые стал выходить, начал Морозов немного заноситься. За этот год я его раза

четыре видел и то на собраниях да на совещаниях. Теперь у нас говорят, что к министру на прием легче попасть, чем к Морозову. Самомнение у человека появилось. Такие-то дела, товарищ Мелентьев.

Дайбов ходил с Мелентьевым по заводу и молчал. Казалось, он никак не мог взять в толк, что тут происходит, почему этот коренастый с пристальным взглядом серых глаз человек, одетый в солдатскую шинель, уже который день торчит на заводе, интересуясь каждой мелочью, каждым пустяком?

И зачем ему, Дайбову, ходить с Мелентьевым из цеха в цех, от станка к станку, выслушивать длинные разговоры, в то время, когда у него есть другие дела?

А Петр думал: «Семен Петрович Гузынин дельную мысль подал — поинтересоваться в заводоуправлении заявлениями и жалобами рабочих».

На проверку этих жалоб и заявлений он потратил еще один день, а после этого зашел к директору.

Морозов недавно вернулся из горкома и был не в духе. Сидя в кресле, он сердито отчитывал начальника планового отдела. Тот стоял молча, ссутулив спину и склонив седую, подстриженную ежиком голову, устало переступал с ноги на ногу. Петр, на минуту представив себя на месте этого пожилого человека, пожалел его.

Оставшись вдвоем с Морозовым, Петр спросил:

— Почему же вы не предложили ему сесть?

Морозов приподнял крохотные брови, с усмешкой посмотрел на Петра и, не выдержав ответного взгляда, полез в ящик стола за папиросой.

— Порядок такой, — ответил он, прикуривая и любуясь, как догорает спичка.

— Неважный порядок.

— Какой есть, — Морозов пустил кверху струйку сизого дыма. Короткие пальцы его дрожали.

— Впрочем, не удивляюсь такому порядку. У вас бывают вещи и похуже, — сказал Петр.

— Даже? — пыхнул дымом Морозов и с наигранно равнодушным видом откинулся в кресле.

— К сожалению, у вашей секретарши валяются — да, валяются! — жалобы и заявления рабочих. Рассмотрена из них лишь половина, да и то кое-как.

Петр достал блокнот, полистал его:

— Вот. Полюбуйтесь. Мелехов из шламового цеха просил, чтобы ему помогли отремонтировать квартиру. У него, как он пишет, «сверху каплет, а снизу дует». На заявлении есть ваша резолюция: «К заместителю». Узнаете? И тут же грамматические упражнения вашего заместителя: «Не моя область. Начальнику ОКС'а на усмотрение». А начальник ОКС'а, тот предельно лаконичен. Он соизволил написать одно лишь слово: «Лимитирован» и переправил заявление рабочего снова вашей секретарше. Там оно и похоронено. Что и говорить, образцовый порядок, правда?

— Единичный случай — возразил Морозов и вылез из кресла. Заложив руки за спину, он не то что прошелся, а прокатился по кабинету взад-вперед.

— Единичный? — рассердился Петр. — А половина заявлений без ответов тоже скажете единичный случай? А как вы расцениваете то, что рабочие добиваются у вас приема и добиться не могут? Нет, товарищ Морозов, ржавчина у вас завелась, бюрократизм расплодился.

— Не слишком ли мрачно, Мелентьев? — усмехнулся Морозов. — Бюрократизм, ржавчина!

— В самый раз, товарищ Морозов.

Последние слова Мелентьева вывели директора из себя. Как он ни крепился, а не удержался и вспылал. Маленький, багровый, он остановился посреди кабинета и крикнул, выбросив руку в сторону, на отлет:

— Ну и гоните нас отсюда к чорту, если мы загнили!

— Не кричите, товарищ Морозов, имейте выдержку.

Директор подбежал к телефону, взял трубку, подул в нее, стал вызывать квартиру. Но телефонистка, повидимому, сказала, что квартира не отвечает.

— Неправда! — загремел Морозов в трубку. — Еще звоните!

А когда, наконец, квартира ответила, он более спокойно прогудел:

— Обедать еду. Сейчас.

Петр понял, что разговор окончен. «Трудный человек! — подумал он о Морозове. — Но ничего. Встречались и такие».

От директора он зашел в партком. Дайбов что-то писал.

— Хочу спросить вас по-товарищески, — сказал Петр. — Вы интересуетесь жизнью завода или она идет мимо вас?

— На бюро горкома будете слушать? — проговорил Дайбов и отодвинул тетрадь.

— Нет, пока еще рано. Прошу собрать завтра расширенное заседание партбюро, — и Петр рассказал, о чем намерен говорить на заседании.

9.

Дома, наскоро поужинав, Петр закрылся в горнице и сел заниматься. Но смысл прочитанного как-то не доходил до его сознания. Являлись совсем другие, посторонние мысли и мешали сосредоточиться. Петр освежил голову холодной водой, и ему стало легче.

— Отдохни ты, отдохни, — говорила ему мать. — Ведь умаялся за день-то.

— Нельзя, мама, — отвечал Петр, вытирая мокрые волосы полотенцем. — Некогда.

После холодного душа работа пошла споро. Петр не слышал, как из кино вернулся брат.

Василий был на три года моложе Петра. Рос он очень незаметно, медленно. Мать все вздыхала: «И в кого он уродился такой тщедушный?»

Василию было уже семнадцать лет, а его все еще не пускали в кино на вечерние сеансы: «Тебе, мальчик, спать пора. Папа с мамой ругаться будут!»

Вернувшись из армии, Петр не узнал брата.

— Какой вымахал! — удивился он, тиская Василия в своих объятиях. — Встретился бы где-нибудь — не узнал бы!

Плечи у Василия богатырские, да и весь он был ладно скроен и крепко сшит — «по-мелентьевски», шутил отец.

— Счастливые вы, — говорили соседи, — Петро весь в мать по обличью; Васютка, как две капли воды, похож на Павлыча.

В войну Василий по совету отца пошел на электролитный завод и сейчас руководит там бригадой. Сегодня он пришел домой, как обычно, вечером. Приоткрыл дверь горницы, просунул курчавую голову, спросил сидевшего над книгами Петра:

— Все учишься?

— Не мешай!

— Ты хоть «здравствуй»-то скажи. Давно не виделись.

— Здравствуй, — сказал Петр; подперев ладонью щеку, он перевернул страницу.

— А я тебе, браток, хочу что-то рассказать, — Василий вошел в горницу и присел на свободный стул.

— Ну и дипломат! — качнул головой Петр, отрываясь от книги.

— Ты послушай, это интересно. — Вчера за ужином батя мне рассказывал: «С Борисовым, говорит, повстречался, ничего побеседовали, душевный он человек». О чем же, спрашиваю, вы беседовали — вообще или о частностях? Молчит. Но я выпытал все-таки у него. Он Борисову на тебя жаловался. Чего ты смеешься? Не веришь? У мамы спроси. Я его на пушку взял: «Что ты, говорю, наделал, дорогой отец? Ты соображаешь, что ты натворил?» А у него блюдечко с чаем чуть из рук не выскользнуло — испугался. Мать меня заругала...

— Это все, что ты мне хотел рассказать?

Василий сорвал поблеклый цветок герани.

— Мешаю?

— Теперь все равно, говори. Но от шахмат отказываюсь заранее.

— Я и не думаю о шахматах. Скажи, ты инженера Колесникова знаешь? Из нашего цеха. Нос у него горбинкой, сам сухощавый такой, а на скуле шрам.

— Встречал, но незнаком.

— Он поговорить с тобой хотел. Не говорил?

— Нет.

— У него дело к тебе. Узкое место у нас на заводе, сам знаешь, подвозка и вывозка меди. А где тонко, там и рвется. Станция далеко-вато, машины круглые сутки снуют и то, бывает, успеть не могут. Так вот Колесников предложил построить железнодорожную ветку. Об этом еще в войну поговаривали, но тогда не до этого было, сам знаешь. Колесников подсчитал, получается выгодно. А Морозов заупрямился. Ты же знаешь Морозова — мягко стелет, да жестко спат. Похвалил Колесникова и... отказал. Нерентабельно, говорит, ветку тянуть. Водная преграда и там еще какие-то преграды мешают.

— Это речушка-то преграда? — засмеялся Петр. — Ее летом курица вброд перейдет!

— Перейдет, — согласился Василий. — Мне Колесников рассказывал, какой мостище в войну он через Днепр отгрохал. Колесников тогда сапером был. А тут мостик через нашу речку! «Да я бы, говорит, его после работы в свободное время построил». Конечно не один. Вся наша бригада пошла бы помогать ему. Хлопцы мне об этом говорили сами. А Морозов и слышать не хочет. Для него это лишние хлопоты. Да ты сам потолкуй с Колесниковым.

— Ладно, потолкую, — пообещал Петр.

— Пойду ужинать да спать, — сказал Василий. — Завтра рано вставать. — Он стряхнул с пиджака и брюк красные лепестки от цветка герани и вышел из горницы. Но через минуту голова его снова просунулась в дверь.

— Ты не говори бате, о чем я тебе рассказывал.

— Наябедничал и в кусты? — улыбнулся Петр.

— Да нет, но сам знаешь...

— Не скажу, не бойся, — успокоил его Петр. Он достал блокнот и записал: «Поговорить с Колесниковым о железной дороге. Обязательно».

Обо всем, что узнал он на заводе, Петр доложил Борисову. Леонид Петрович, слушая его, задавал иногда вопросы, хмурился.

То, о чем рассказывал Мелентьев, подтверждало его собственное мнение. Морозов способный руководитель. Его назначили директором два года назад, когда завод находился в глубоком прорыве. Морозов взялся за дело, что называется, засучив рукава, не знал сам покоя и не давал его руководящему составу предприятия. Уже через год завод выравнился, а еще через полгода дал первые тонны сверхплановой меди. Об электролитчиках города Советска заговорили в главке, министр поздравил коллектив с первым успехом. Теперь электролитчики держат переходящее Красное знамя.

Чем труднее завоеывается победа, тем большую приносит она радость. Но Леонид Петрович не первый год знал Морозова. Он понимал, что победа могла принести Морозову, кроме радости, также и самоуспокоение. Когда на заводе секретарем партбюро был Лавров, опасаться было нечего. Закалку Лавров получил еще в годы первых пятилеток. Он умел влиять на Морозова, умел предупредить его промахи.

До отъезда Лаврова Леониду Петровичу приходилось мало сталкиваться с Дайбовым. Тот держался в тени. «Что же, бывает так, — думал Борисов. — Иной человек за спиной другого ничем себя не выдает, незаметным кажется, но дай ему самостоятельность и откуда что берется в человеке, словно он перерождается. С Морозовым ведь так же было. Пока работал инженером, казалось, что он был тише воды и ниже травы. А вышло, что обнаружился в нем талант организатора».

Кошкина не один раз предлагала утвердить Дайбова секретарем партбюро, но Борисов все же хотел убедиться: таков ли Дайбов, каким он хотел бы его видеть? И когда Мелентьев рассказал историю с шофером Сафоновым, Борисов насторожился. Опытный врач осмотрит своего пациента и какой-нибудь пустячок, на который другие врачи и внимания бы не обратили, вдруг беспокоит его. Оказывается, это не пустячок, а симптом опасной болезни. Так было и с Борисовым. Выслушав Мелентьева, секретарь горкома спросил:

— По партийной линии, говоришь, обещали Сафонову дать взыскание? За что же? — И когда Петр передал свою беседу с Дайбовым, Борисов вызвал Кошкину.

Мария Ивановна пришла встревоженная, поздоровалась с секретарем, сухо кивнула Петру и села чуть в сторонке. Леонид Петрович снял очки и положил на стол дужками кверху. Без очков он выглядел моложе, но каким-то другим, непривычным.

— Объясните, пожалуйста, Мария Ивановна, — сказал Борисов, — как надо понимать ваше объяснение с Сафоновым?

Мария Ивановна бросила на Петра короткий взгляд и пожала плечами:

— Очень просто. Мое мнение вам известно. Этот Сафонов... — Она сделала паузу, подбирая нужное слово.

— Склочник, — подсказал Петр.

— Я, голубчик, прекрасно обойдусь без подсказки.

— Так, — Борисов откинулся на спинку стула. — А скажите, Мария Ивановна, — продолжал он. — Вы не задумывались над этим случаем с Сафоновым? Не вставал перед вами, например, вопрос о том, почему он мог произойти?

— Думала, Леонид Петрович. У каждого советского человека, пусть он будет директор или шофер, должно быть чувство ответственности. У

Сафонова этого чувства ответственности не было. А результат вам известен — Сафонов разбил машину.

— Тут много несправедливого, — возразил Мелентьев. — Не так все было!

— Предположим у Сафонова плохо развито чувство ответственности, — кивнул в сторону загорячившегося Петра Борисов. — Но почему это у него, откуда? Воспитывался он в коллективе, вырос на заводе, коммунист и вдруг разгильдяй! Почему? В чем тут дело?

— Видимо, плохо его воспитывали.

— И воспитывают? — спросил Борисов.

— И воспитывают, — согласилась Мария Ивановна.

— Почему же?

Мария Ивановна пожала плечами. Леонид Петрович встал из-за стола, прошелся взад-вперед по кабинету и остановился.

— Эти «почему», Мария Ивановна, — наконец, сказал он, — должны были возникнуть у вас сразу же, как только вы узнали о случае с Сафоновым. Да, да! Почему молодой коммунист допустил аварию? Виноват ли он в этом? Надо было во всем хорошенько разобраться и тогда этот «пустячный», как вы говорите, случай помог бы вам разглядеть кое-что выходящее за рамки простого, на первый взгляд, факта увольнения шофера.

— Я не могу согласиться с вами, — возразила Мария Ивановна. — Я беседовала с Морозовым, с Дайбовым, наконец, с самим Сафоновым, и мне кажется, что вредно для завода и для партийной организации по одному случаю делать какие-то обобщения.

— Вы так думаете? — спросил Борисов.

— Убеждена.

— Тем хуже, что вы в этом даже убеждены. Если у партийного работника притупляется острота оценки явлений, то это уже не партийный работник, — сказал Леонид Петрович.

— Вы про меня? — обиделась Кошкина.

— Предупреждаю вас от этого, — не отвечая на ее вопрос, продолжал Борисов. — Вы опытный работник и должны понять меня.

— Спасибо, — с холодной вежливостью кивнула головой Мария Ивановна. — Я могу быть свободной?

— Пожалуйста.

Она вышла обиженная, но убежденная в своей правоте.

Прищуриив близорукие глаза, Борисов после ее ухода глядел в окно, думал о чем-то, затем встряхнулся, сбросил с себя задумчивость и сказал энергично:

— Ну, Петр Трофимович, начатое дело доводи до конца. Начал ты его хорошо, правильно. Так и надо: всякое, даже незначительное явление непременно нужно рассматривать в тесной связи с другими явлениями. Актив будешь проводить, не горячись. Обдумай все, взвесь, проанализируй и тогда решай. Горячность — плохой помощник в деле. А у тебя это бывает: кипятишься излишне...

Борисов подошел к Петру и дружески потрепал его по плечу.

— Жалоба на тебя вот есть, — сказал он неожиданно. — И на мой взгляд серьезная.

«Неужто батя постарался?» — мелькнуло в голове у Петра.

— Жалуются, что от рук ты отбил, не признаешь никого, до утра за книгами просиживаешь, не бережешь себя. Правда это или нет?

В умных глазах Борисова запрыгала насмешливая искорка, иначе никак нельзя было определить, что он говорит шутя. Петр сконфузился, как школьник перед учителем, хотя и были у этого школьника волосы побелены войной.

— Правда, — сознался Петр.

— Вот и не годится так-то, — сказал Борисов. — Настойчивость — неплохое качество, но здоровье надо беречь. Нам еще, дорогой Петр Трофимович, большие дела предстоят, впереди непечатый край работы.

Когда Мелентьев ушел, Борисов стал прохаживаться по кабинету, заложив руки за спину. Он думал о Кошкиной.

...Было это зимой, на одном из заседаний бюро. Слушали доклад секретаря партийной организации механического завода о руководстве цеховыми партгруппами. Готовила вопрос Мария Ивановна. Выступила она обстоятельно. Но Борисов остался недоволен ее выступлением.

— Мария Ивановна, — заметил он ей тут же, — вы забыли рассказать об очень важном начинании. Коммунисты перфораторного цеха решили взять свои станки на социалистическую сохранность. Кажется, вы об этом однажды писали? — повернулся Борисов к редактору газеты; тот утвердительно кивнул. — Коммунисты, — продолжал Борисов, — провели серьезную массовую работу в коллективе цеха, организовали социалистическое соревнование. Так почему же, Мария Ивановна, партбюро завода прошло мимо этого начинания? Почему оно не поддержало коммунистов перфораторного цеха, а? Вы поинтересовались?

— Видите ли, Леонид Петрович, я считала, что это не моя область...

— Как же так? Партийный работник должен всем интересоваться. Перфораторщики по примеру других предприятий страны взяли машины на социалистическую сохранность. Это в социалистическом соревновании замечательное начинание! Партбюро проморгало его, значит оно плохо руководило партгруппами, не вникало глубоко в их жизнь. А вы, Мария Ивановна, не заметили этого? Как же так?

После заседания Борисов задал сам себе вопрос: почему с Кошкиной это случилось? В чем причина? Видимо, она поддалась текучке, это сузило ее горизонты, лишило перспективы.

«Да, — думал Леонид Петрович, — опаснее всего потерять чувство партийной остроты, когда за малым перестаешь видеть великое, а за великим не можешь разглядеть малого».

Борисов последнее время следил за работой Марии Ивановны,правлял ее, подсказывал, что нужно делать. Однако сегодняшней разговор показал, что уроки, которые он давал, не пошли Кошкиной впрок.

А вот Мелентьев — тот другой. У того хотя еще и мало опыта, но за дело он взялся горячо, с душой, в случае с шофером Сафоновым он разглядел то, чего не могла увидеть Мария Ивановна.

Зазвонил телефон. Борисов нахмурился, поправил очки и подошел к столу. Звонили из обкома партии.

После разговора с секретарем горкома на душе у Петра было светло и радостно. Ожили дремавшие мысли о Татьяне. Со дня первого своего приезда на завод он не встречался с нею, но знал, что она еще здесь, в городе. До мельчайших подробностей Петр восстанавливал в памяти все свои встречи с Татьяной, припоминал ее слова, ее манеру говорить чуть-чуть склонив голову набок. Он попытался отыскать в этих встречах то особенное, что заставило его выделить эту простую, скромную девушку из всех других знакомых девушек. Но из этой его попытки ничего не выходило; причины, по которым он отметил Татьяну, не поддавались анализу, они были столь же неопределенны, сколь и властны.

У себя в отделе (Кошкина оставила записочку: «Уехала на слюдяной рудник») Петр потянулся к телефону, хотел позвонить в редакцию

Татьяне. «А о чем я буду говорить с ней?» — спросил он себя и отказался от своего намерения.

Петр встал из-за стола, прошел к окну, задумался. В палисаднике роняла листву сирень. Правее, на берегу, по дороге прошел грузовик. Спешили по своим делам редкие прохожие. Было начало октября.

Воспоминания нахлынули на Петра. Припомнилось, как беззаботно бродил он по тайге, по горам, ночевал на берегах лесных озер.

Дробно потрескивают сухие сучья в костре. Красный трепетный отблеск ложится на темные кусты, на шершавые стволы сосен. С озера тянет свежестью. И так тихо вокруг, что звенит в ушах. Лишь изредка слышен сонный всплеск рыбы да где-то в камышах крикает утка. Друг Николай дремлет, а Петру спать не хочется.

— Ты ложись, Никола, а я посижу.

Николай вздрагивает и говорит:

— Я тоже не хочу спать. Слушай, Петька, хорошо бы нам геологами сделаться! Стали бы руды разные искать, все бы горы излазили, всю тайгу. И знаешь, чтобы всегда вместе!

Петра увлекает фантазия товарища, и они говорят об этом всю короткую ночь. Но чем старше они становились, чем ближе подходило время к окончанию школы, тем чаще и серьезнее стали их разговоры о будущем. Николай так и не расставался с мечтой стать геологом, а Петр увлекся другой профессией. Ему хотелось быть учителем.

Отчетливо вспомнился Петру тот знаменательный день, когда его принимали в комсомол. В горкоме комсомола он вместе с другими вновь принимаемыми в организацию ожидал вызова на заседание бюро. Было тихо. Если кто из ожидающих, забывшись, начинал говорить громко, того останавливали:

— Тише, тише, там идет бюро.

Петр волновался, было немного страшновато: а вдруг не примут?

Назвали его фамилию. Робко он открыл дверь, вошел. Леонид Петрович (он тогда был секретарем горкома комсомола) приветливо улыбнулся, ободрил:

— Смелее, смелее, по-комсомольски!

И на душе сразу полегчало. Учительница из их школы, член бюро, сказала Борису:

— Он у нас отличник и примерный общественник.

— Молодец! — похвалил Борисов. — Посмотрим, каким он комсомольцем будет!

— Буду стараться, — ответил Петр и посмотрел на учительницу, ища поддержки. Она ласково кивнула головой.

Получив комсомольский билет, Петр долго рассматривал его, не в силах сдержать счастливой улыбки. Он положил билет в грудной карман и затем часто спохватывался: тут ли?

Шли годы. Петр мужал, стал комсомольским организатором, с отличием окончил школу, а там армия, война. На фронте Петра приняли в партию. Красную книжечку он принял как эстафету и поклялся не щадить жизни в борьбе с врагами Родины. Он тогда пережил большое горе — гибель своего лучшего друга Николая Васильева.

Этой весной Петр демобилизовался, приехал домой и на другой же день пришел в горком партии. Борисов после того, как побывал секретарем горкома комсомола, работал секретарем партбюро механического завода, потом заведующим одного из отделов горкома, а в январе этого года партийная конференция избрала его секретарем горкома.

Борисов встретил Петра приветливо, пристально осмотрел его с ног до головы и спросил, указав на седые виски:

— А это что?

Получив ответ, он помолчал, покачал головой и будто для самого себя сказал:

— Да, как видно, пришлось тебе кое-что испытать...

Борисов предложил Петру стать инструктором горкома.

— Что вы, — смутился Мелентьев. — Это мне не по плечу. Учиться надо.

— Работай инструктором и учись. Легкого не ищи. Ты и сам это понимаешь не хуже меня. Ты же солдат сталинской гвардии! Гвардии старший лейтенант! — Борисов задумчиво улыбнулся, блеснув очками. Улыбка у него осталась прежняя, как и до войны, хотя за войну Леонид Петрович заметно постарел — морщинок на лице прибавилось, полысел, стал озабоченнее.

— Была бы на плечах умная головушка, Петр Трофимович, — продолжал Борисов. — А твою голову я знаю. И грамоты у тебя не так мало, как тебе кажется. Средняя школа есть и шесть лет суровой армейской выучки. Солидно! Однако учиться придется, учиться у книг, у жизни.

Петр стал партийным работником и с каждым днем для него открывались в жизни партийной организации все новые и новые стороны, интереснее становилось работать. Еще бы! Дело приходилось иметь с людьми, изучать их, помогать им, учиться у них. Что может быть благороднее этого!

... Петр отошел от окна, снова сел за стол, углубился в работу. К концу рабочего дня Татьяна сама позвонила ему. У Петра забилося сердце, когда он услышал знакомый голос девушки.

— Завтра утром я уезжаю, Петр Трофимович, — сказала Татьяна.

— Так скоро?

— Счастливо вам оставаться, Петр Трофимович.

— Спасибо.

— Вы ничего не хотите сказать мне на прощание?

Петр встрепенулся и возбужденно ответил:

— Обязательно! Очень даже хочу сказать! Вы откуда звоните? Из редакции? Я сейчас приду.

Петр схватил шинель, оделся на ходу. Татьяна сидела в общем отделе редакции одна. Она была в пальто, в берете.

— Быстро вы! — удивилась она.

— Солдатская привычка, — улыбнулся Петр. — Значит покидаете нас? — спросил он, присаживаясь. Ему хотелось посмотреть на лицо девушки неотрывно, однако он стеснялся, вертел в руках фуражку.

— Покидаю, — ответила она.

— Вот выучитесь, знаменитостью станете. В кино будем восхищаться вами: как она играет! Или вот так: приедешь в областной город в командировку и подумаешь, не сходить ли в театр? Сегодня в главной роли Татьяна Синилова. Придешь, а касса закрыта: «Все билеты проданы».

— Тогда вам придется обратиться лично к знаменитой артистке, — улыбнулась Татьяна.

— Вход на спектакль будет обеспечен?

— Непременно.

— Тогда я спокоен.

Помолчали. Татьяна задумчиво сгибала на четверинки листок бумаги.

— Все шутите, — сказала она, не поднимая головы. — А мне грустно. Я очень стремилась уехать в театральную студию. Во сне, в мыслях я видела себя на сцене и мне казалось, что в этом только в этом смысл моей жизни. А вот сейчас, когда надо уезжать, я чувствую в себе

какую-то раздвоенность. Правда, правда, Петр Трофимович! — горячо подтвердила Татьяна, хотя Петр не возражал. — Я и сама не подозревала, что полтора года работы в редакции сделали свое дело, чуточку потеснили мои мечты. И ехать хочется и в то же время жалко бросать то, к чему я здесь привыкла. С вами такого не бывало, Петр Трофимович?

— Не помню, — не сразу отозвался Петр, — по-моему нет.

— А у меня вот это есть! Я даже завидую вам. Вы ясно видите, мыслите. Вот и это дело на электролитном заводе с увольнением шофера. Я ведь там часто бывала, многих знаю, а ничего не замечала. Мне думалось, что там все идет хорошо, гладко, по крайней мере, лучше, чем на механическом заводе. Видите, какая еще я слепая! — она медленно порвала листок бумаги на мелкие части, бросила их в корзину, вздохнула и добавила с грустью:

— Теперь поздно об этом сожалеть.

— Не горюйте, пройдет, забудется, — успокоил ее Петр.

— Нет, не забудется, — тряхнула кудрями Татьяна. — Это, Петр Трофимович, мне урок.

Разговаривая, они просидели долго. Петр спохватился, посмотрел на часы.

— Ого! Мне пора. На электролитном после первой смены заседание бюро.

— А у меня сегодня свободный вечер. Я даже не знаю, чем его заполнить.

Петр подошел к Татьяне, подал ей руку:

— Ну, Таня, до свидания, — он впервые назвал ее так. — Хочется сказать на прощанье — пиши. Пиши больше, пиши чаще. Я с нетерпением буду ждать твоих писем.

— Я тоже. Не забывай и меня, Петр Трофимович! — улыбнулась Татьяна.

12.

После первой смены в партком завода стали сходитьсь коммунисты из цехов. Здоровались, вступали в беседу, закуривали. Табачный дым волнами поплыл в воздухе. Кольцов поморщился и предложил:

— Откройте форточку, товарищи! А то, как бы вам сказать, топор вешать можно. Накадили.

— Курить выходите в коридор, — раздались голоса.

Петр пришел за несколько минут до начала заседания. Его беспокоило одно: сможет ли он изложить свои мысли доходчиво и убедительно? Сумеет ли зажечь слушателей? Или у него получится сухо и официально?

Дайбов пригласил собравшихся занимать места. Петр прошел к столу, ему освободили стул. Дайбов позвонил в настольный звонок. Гул мало-помалу стих.

Мелентьев положил перед собой наброски доклада и оглядел слушателей. На последней скамье уселись среди других Кольцов и Тверсков. Кольцов поблескивал стеклышками очков, словно хотел поторопить Петра: «Давай, Петр Трофимович, начинай да покрепче, с солью!» Тверсков обтирал синим платком пот с шеи. В самой середине устроился Гузынин; он пощипывал седой ус и из-под бровей поглядывал на Дайбова. Рядом склонился над блокнотом инженер Колесников. Петр видел его гладко зачесанные волосы.

Чигвинцев сидел на стуле у двери, закинув нога за ногу, и поверх голов смотрел в окно.

За столом, слева от Петра, барабанил пальцами по блокноту Морозов. Внешне он был спокоен, бросал какие-то замечания Дайбову, который рассеянно кивал в ответ ему головой. Наконец, заседание открылось.

Мелентьев начал свой доклад волнуясь, но скоро почувствовал себя смелее.

В третьем квартале завод работал ритмично, добился некоторых успехов, завоевал переходящее Красное знамя горкома партии и горисполкома. Коллектив завода получил также благодарность министра. Успех был обеспечен напряженным трудом всех рабочих.

— Но этот первый успех вскружил голову некоторым руководителям и, в частности, директору завода товарищу Морозову. Он перестал считаться с требованиями рабочих, начал отгораживаться от их нужд и запросов. В заводууправлении завелась бюрократическая плесень. Между тем, в цехах работают замечательные люди. Загляните к ним, товарищ Морозов, познакомьтесь с ними поближе и вы убедитесь в этом. Установите более тесное общение с передовыми людьми завода, прислушайтесь к их голосу, и завод добьется еще более значительных успехов.

Петр отпил из стакана глоток воды и продолжал:

— К сожалению, партбюро и его секретарь товарищ Дайбов не предупредили опасную болезнь зазнайства, которая свила гнездо на заводе. Товарищ Дайбов несет за это вместе с Морозовым полную ответственность... Он должен был поставить эти вопросы перед коммунистами.

От окна кто-то крикнул:

— Верно! Зачем Лаврова отпустили?

По залу прошло движение. Петр продолжал:

— Реальность наших планов — это живые люди, как учит нас товарищ Сталин. Всех наших людей объединяет одна цель, одно великое дело — коммунизм. Но каждый человек имеет свой характер, свои наклонности. Умелый руководитель должен различать особенности каждого человека, искать в нем черты нового, самые ценные для общего дела и умело помогать развиваться им, чтобы в них, как в капле воды, отражался бы весь человек, человек коммунистического общества. Нельзя с людьми так обращаться, как на заводе поступили с Сафоновым...

Услышав последние слова, Морозов внутренне дрогнул и почувствовал, что кровь прилила у него к лицу. Чтобы скрыть волнение, он схватил карандаш и принялся рисовать в блокноте. Вчера к Морозову в кабинет, не спросив разрешения, быстро вошла молоденькая девушка. Секретарша, которой было строго наказано никого не пускать, появилась следом за дерзкой посетительницей и беспомощно развела руками: дескать, что я могу с ней сделать, ворвалась и все! Морозов строго посмотрел на девушку, но у нее был такой воинственный вид, что он не выдержал и улыбнулся. Секретарша бесшумно вышла.

— У меня к вам важное дело, а меня не пускают, — заявила девушка решительно.

— Что такое? — спросил Морозов; посетительница ему определенно нравилась своей настойчивостью.

— Вы почему уволили того шофера?

— Какого?

— Того, который нас чуть не задавил?

— Какой же он шофер, если вас чуть не задавил? — пошутил Морозов. — Плохой, значит, он шофер.

— Нет, это неправильно, — возразила девушка. — Вы понимаете, он мог бы задавить нас, только не задавил, а свернул в сторону. Я

Вальке говорила: не надо дорогу перебегать, а она говорит: побежим. Выходит, он из-за нас страдает?

— Вот теперь я вас понял, — серьезно сказал Морозов. После ухода девушки он почувствовал себя так, словно был в чем-то виноват перед нею. Это чувство не оставляло его весь день, заставило призадуматься над историей с шофером. Теперь уволенный шофер казался ему совсем другим человеком, чем два дня назад.

Поэтому он и вздрогнул, когда Мелентьев назвал имя Сафонова.

Первого слова после доклада сразу никто не брал. Две-три минуты люди перешептывались, двигались. Открыли форточку, и холодный воздух освежающе упал в духоту комнаты. Потом поднялся инженер Колесников. Он прошел к столу, полистал блокнотик и начал. Голос у него был ровный, приятный.

— Долго я, товарищи, размышлял над тем, почему директор забраковал мой проект железнодорожной ветки, и не мог найти ответа. Товарищ Мелентьев мне подсказал ответ, — Колесников повернулся к Морозову. — Да, вы, Иван Иванович, действительно, оторвались от коллектива. Надо было посоветоваться с рабочими, с инженерами и сообщать бы преодолели трудности. У нас в цехе рабочие заявляют, что согласны строить ветку в свободное время. Я говорил с директором механического завода Колобовым. Он согласен выделить на неделю-полторы несколько автомашин. Трудно ему, а все-таки он пошел на это. Так почему же вы, товарищ Морозов, вы, который в первую голову должен был бы подумать об этом, оказались в стороне от этого дела? И даже больше: затормозили его?

Старик Гузынин расправил усы и удовлетворенно вздохнул: «Эх и правильно же!» Морозов не поднимал головы. Ему казалось, что десятки глаз видят, как учащенно бьется его сердце, чувствуют, как тяжело слушать ему такие упреки. И в то же время он не мог не признать справедливости слов инженера Колесникова.

— С Морозовым я работаю вместе лет пять, — продолжал инженер. — Прежде я его знал общительным, деятельным, чутким к людям. А сейчас, честное слово, я в недоумении: скажите нам, Иван Иванович, что такое с вами случилось?

«Что со мной случилось?» — спросил себя Морозов. — Честно говоря, я и сам не знаю, что со мной случилось». Перед глазами встала бойкая девушка, что была у него вчера, суровое осуждающее лицо парторга Лаврова. Ивану Ивановичу стало жарко. Он расстегнул ворот вышитой украинской рубашки.

— Можно говорить с места? — взмахнул рукою Кольцов, прося слова, и торопливо пробежал пальцами по пуговицам комбинезона. Ему ответило несколько голосов:

— Можно! Говори, Максимыч, с места!

Кольцов выступал горячо. Говорил он волнуясь, жестикулируя.

— Где же справедливость, товарищ Морозов? Я весь порог у вашего кабинета обил, ходил, доказывал, что Сафонов не виноват. А вы в этом деле разобраться не соизволили, «завтраками» каждый день меня кормили. О вас тоже скажу, — повернулся Кольцов к Чигвинцеву. — На окриках далеко вы не уедете, слишком заадминистрировались! Теперь о Дайбове. Он, как ветка клонится, твердого решения принять не может. Куда ветер подует, туда и он повертывается.

— Полегче выражайтесь, товарищ Кольцов, отвечать придется за свои слова, — перебил его Дайбов.

— Вы не грозитесь! — вскипел Кольцов. — Я за свои слова отвечу. Вас что — беспокоит?

— Режь, Егор Максимыч, прямо, не стесняйся! — поддержали меха-

ника коммунисты. И Кольцов «резал» так, что пот ручьями катился по его щекам.

За Кольцовым слово взял Тверсков. Он говорил спокойно, подчеркивая свои слова резкими взмахами руки, словно не на заседании он выступал, а стоял за верстаком и работал молотком.

— Случилось у меня в прошлом месяце такое дело—прихворнул я немного. Послал как-то свою старуху на завод—получить деньги по бюллетеню. А ей не дают. В бухгалтерии сказали: пусть-де сам придет, то-есть я, и получит! Как же мне самому прийти, коли я в больнице лежал? Чудно прямо получается! Спасибо, Егор Максимыч помог мне. Я ведь, товарищи, здесь без малого тридцать лет работаю, вот мы с Семеном Петровичем, считай, в один год сюда пришли. Да двадцать лет в партии состою. Разве после этого не обидно? Заболел человек и никому дела до него нет. Это же форменное безобразие!

За ним слово попросил Гузынин. Маленький, кряжистый, он вышел к столу, расставил ноги немного в сторону и посмотрел на собравшихся испытующе, как он обычно смотрел в печь, на расплавленный металл, наблюдая за ходом плавки. Гузынин говорил скупно, с большими паузами, но деловито.

Выступления кадровиков прорвали невидимую плотину, которая сдерживала страсти, и правда всеильная, хлесткая, колючая обрушилась на головы Морозова и Дайбова. Досталось и Чигвинцеву. Морозов не поднимал глаз от блокнота. Чигвинцев сидел спокойный, гордый: мол, говорите, что хотите, меня это не касается, дело я свое знаю и мне больше ничего не надо. Дайбов, казалось, все еще не мог понять происходящего, у него был рассеянно-удивленный вид, словно он хотел сказать: зачем нужны все эти разговоры, если можно обойтись и без них! Напрасно его в чем-то обвиняют, ведь он никому ничего плохого не сделал!

В разгаре прений явилась Кошкина. Она возвращалась с рудника и решила побывать на заседании партийного бюро завода. Появление ее озадачило Петра: зачем она пришла? Кошкина, здороваясь со знакомыми, прошла к столу. Морозов потеснился, и она уселась рядом, перебросившись с ним несколькими словами.

Затем, прослушав несколько выступающих, она неожиданно попросила слова. Петр отметил про себя, что за последнее время Мария Ивановна похудела, лицо ее потеряло прежнюю округлость. Рядом с полнощекимым, пышущим здоровьем Морозовым Мария Ивановна выглядела болезненной.

Она прокашлялась и начала:

— Здесь был взят неправильный тон,—сказала она. Легкий шорох недоумения пробежал по рядам.—Безусловно, Морозов и Дайбов в той или иной степени не правы, этого отрицать нельзя. Но вы впадаете в другую крайность, превращая отдельные ошибки во что-то общее, типичное для руководства. Товарищ Мелентьев, по всей вероятности, немного погорячился. Жаль, что я не слышала его доклада, задержалась на руднике. Смешно ведь получается, товарищи! Руководители плохие, бюрократ на бюрократе и бюрократам погоняет, а завод дает сверхплановую продукцию. Парадокс, ни больше ни меньше!—она посмотрела на Морозова, но директор что-то записывал, поблескивая лысиной.

Дайбов выступил следом за Кошкиной. Он говорил долго, невнятно и, когда кончил, никто так и не понял, что же собственно он хотел сказать.

Поднялся Морозов.

— Товарищи!—начал он, полистал блокнот и бросил его на стол.— Я хочу сказать одно: большое всем вам спасибо за критику. Мне сегодня, кажется, больше всего досталось, именинник я сегодня,—улыбнулся Морозов.—Но скажу: тон собранию был задан правильный, деловой. Ну, а остальное покажет работа. Вот у меня все.

Мария Ивановна поморщилась: мол, выгораживала, выгораживала я тебя, а ты взял да сам себя и высек. Дайбов сжался, втянул голову в плечи. Он не ожидал от директора такого выступления. Петр улыбнулся Морозову. «Орешек начинает поддаваться»,—подумал он.

Выступление Морозова вызвало шумное одобрение. Только один Чигвинцев не потерял гордой осанки, хотя на душе у него и было беспокойно.

13.

Морозов и Кошкина вышли из парткома последними. Директорская машина стояла у заводоуправления. Было темно, дул северный ветер.

— Прошу!—открыл дверцу машины Иван Иванович.

— Мне, дорогой, не по пути с тобой,—заупрямилась Кошкина.

— Не имеет значения. Подвезу.

Кошкина залезла в машину. Рядом с ней устроился Морозов и похлопал по спине шофера:—Дуй, не стой, Коля!

Коля Спицын, молодой коммунист, вот уже скоро возил директора. Кошкина поздоровалась с ним, как со старым знакомым. Некоторое время ехали молча, думали о своем. В свете фар черной лентой убегала мокрая дорога.

Иван Иванович вдруг расхохотался, громко, неудержимо. Мария Ивановна даже отодвинулась от него.

— Нет, ты только подумай,—сквозь смех говорил Морозов,—как он Дайбова здорово отделал. Тепличный работник. Пустослов. Метко. А тот, понимаешь, от каждого слова сгибался, словно в него Мелентьев гвозди вколачивал.

— И над собой посмейся, тоже влетело на орехи,—сказала Мария Ивановна.

— Я и над собой смеюсь,—простодушно сознался Морозов.—Попарили без веника, но крепко попарили.

— Радуешься?

— Ей-богу, радуюсь, Мария Ивановна. Не поверите? Слушал я их и думал: ведь какой народ, а? Да с таким народом работать—счастье! Мелентьев как-то упрекнул, что на глазах у меня шоры. Обиделся я тогда на него, чуть молокососом не обозвал. А ведь он прав! У нас еще много ошибок, ой-ой, сколько много! Трясти их, да выколачивать надо! Мешают нам эти шоры. Вот и тебя не одобряю за твое выступление.

— Я по-своему гляжу на вещи,—ответила Кошкина.—Тебе, должно быть, голубчик, авторитет свой не дорог? Это, между прочим, плохо.

— Э, нет! Ты думаешь, что меня похлестали сегодня публично, так значит унизили? Авторитет мой растоптали? Вздор! Не скрою, когда шел на собрание, поджилки у меня тряслись, боялся, особенно вашего фронтовика. А ничего, здоровее только стал.

— Не хвастай. Теперь тебе частенько придется слышать: вот, мол, директор-то у нас какой: бюрократ, сам сознался!

— И хорошо, что сознался. Значит, исправится!

— Давай, голубчик, не будем об этом говорить,—попросила Кошкина.—У меня голова болит.

Ехали некоторое время молча. Когда миновали железнодорожную станцию, Морозов сказал:

— Хорошо было бы, если бы Мелентьева горком отпустил к нам на завод на должность секретаря партбюро. Дельный бы секретарь получился! Слушай, Мария Ивановна,—повернулся к Кошкиной Морозов.—А нельзя в самом деле это сделать?

— Почему ты у меня спрашиваешь? Я не бюро и не секретарь горкома.

— Приглянулся он мне, напористый, рассудительный, логики не лишен. А Дайбов, твой выдвиженец, действительно пустоцвет. Я думал с ним спокойнее будет работать, а оказывается больше беспокойства нажил, бюрократам уже величают.

Кошкина не отвечала. Подъехали к ее дому. Морозов помог Марии Ивановне выйти из машины, захлопнул дверцу. Машина, качнув светом фар, скрылась за углом.

14.

В воскресенье Петр хотел пойти на охоту, но почувствовал недомогание. Ночью он плохо спал, а утром его охватила вялость. Голова кружилась и ныла тупой надоедливой болью. В ушах беспрестанно шумело.

Отец и Василий ушли в клуб на смотр художественной самодеятельности, звали Петра. Он отказался, взял книгу и лег на кровать. В глазах поплыли синие, оранжевые круги. Петр отложил книгу и закрыл глаза.

Сквозь шум в ушах пробивался раздраженный голос Кошкиной. Он представлял себе, как она выступала на заводе. То вдруг память воскрешала фронтовые эпизоды, изуродованное немцами лицо друга, и Петр почему-то жалел, что все это прошло и повернуть события по-другому уже нельзя. Словно из тумана выплыла Татьяна, такая, какой он ее видел в лесу: в вязаной кофте и с марлевой косынкой на голове. Потом силой воли приостановив болезненный ход мыслей, Петр заставил себя думать только о Татьяне. Постарался представить черточки лица и не мог. Они расплывались, были призрачны. Воображение унесло его в неизвестные дали будущего, там были захватывающие встречи с Татьяной, в которых все происходило по его желанию. Петр спохватился, вспоминая, что Татьяна далеко отсюда...

Иной раз кажется, что каждый человек живет сам по себе, со своими радостями и горестями и до других людей ему нет никакого дела. Но это только так кажется. У людей есть общая цель, общие стремления, они властно объединяют их, делают их радость и горе общими, они пронизывают всю их жизнь. Стоит человеку споткнуться или замешкаться на пути, как ему помогает коллектив. И нельзя себе представить в нашем обществе такого положения, чтобы отставшего человека смяли, затоптали и выкинули прочь. Всегда ему помогут догнать ушедших вперед. Это закон нашей жизни.

Коллектив должен быть крепким, спаянным. Это понимает каждый, понимают это и Кольцов и Читвинцев, но методы сплачивания коллектива у них оказались разными. Кольцов смотрел на коллектив не как на что-то общее, безликое, а брал каждого человека в отдельности и таким, каков он есть, со всеми его особенностями, старательно искал и находил в человеке черты самого ценного и осторожно, умело укреплял их, твердо веря, что им, этим новым чертам в человеке, при-

надлежит будущее. Вот Сафонов. На заводе первое время он ничем не отличался, у него было немало недостатков. Но Кольцов сумел разглядеть в Сафонове хорошее, воспитал, развил его, и Сафонов вырос умным, пытливым шофером.

Чигвинцев, по мнению Петра, допускал ту ошибку, что смотрел на человека формально. Для него «дисциплина и план главное, а остальное побочно». А остальное—это люди! Как же не должны они интересоваться руководителем? И странно, что Морозов и Кошкина поддерживали Чигвинцева в его заблуждении. Богатого разнообразия характеров и способностей своих работников Чигвинцев не знал и не хотел знать. Лишь бы работал человек! Но этого мало. Руководители, коммунисты должны выращивать людей, как садовник выращивает каждое дерево. Петр вспомнил слова, которые слышал от Семена Петровича Гузынина. Тот говорил, расправляя усы: «Бывают хорошие начальники. А на других поглядишь и сердце за них болит. Сплеча рубят и рубят, но чтобы поговорить с тобой, в душу тебе заглянуть, разобраться—этого нету! Скажу тебе, товарищ Мелентьев, они в свою-то душу редко заглядывают—вот ведь беда. А им бы, пожалуй, полезно было иногда душу-то свою ревизии подвергать и что там дрянненькоеросло, на свалку выбрасывать». Гузынин говорил медленно, с расстановкой и слова его жгли Петра своей мудростью, как капельки расплавленной меди.

Эти мысли глубоко волновали Петра. Об увольнении шофера Сафонова и связанных с этим вопросах Петр решил написать в городскую газету. Вместе с тем он думал настоять перед Борисовым разобрать дело Сафонова на бюро горкома партии.

Над статьей он промучился весь день и жалел, что нет Татьяны. Она бы помогла ему. Писать в газету оказалось не таким простым делом. Петр не успевал записывать на бумагу свои мысли, они теснились в голове. Приходилось перечеркивать уже написанное, начинать все сызнова. А в отдел непрестанно входили посетители или работники горкома из других отделов, разговаривали, смеялись, спорили с Кошкиной, часто звонил телефон. Петр досадливо морщился. Сегодня, когда ему нужна была тишина, он впервые обратил внимание на то, как шумно бывает в отделе.

К концу работы к нему вернулось вчерашнее недомогание. Снова стало лихорадить, закружилась голова. Он накинул на плечи шинель. Но по спине бегали холодные мурашки.

Наконец, он закончил статью, но сильно ослаб. Встал и чуть пошатнулся: у него потемнело в глазах.

— Ты же болен, голубчик,—сказала Кошкина.—Кровинки в лице нет.—Мария Ивановна помогла Петру надеть шинель, но ее доброга нисколько его не тронула. Весь день Кошкина словно не замечала Мелентьева. Даже рассказывая сотрудникам о заседании на электролитном заводе, она говорила о Петре, как об отсутствующем. Это обижало Мелентьева и он отвечал ей тем же невниманием.

Как ни трудно было ему двигаться, он все же завернул в редакцию. Редактор взял у него статью, прочитал два раза и потер руки:

— Прекрасно! Пойдет! Только мы тут кое-какую перестановочку сделаем для ясности.

— Делайте!—разрешил Петр.

В поликлинике ему выписали бюллетень. Требовалось полежать в постели.

— Чепуха какая-то,—проговорил Петр, пряча бюллетень в карман.

Доктор, положив стетоскоп на стол, возразил:

— Не чепуха, а грипп, молодой человек. Будьте осторожны с этой болезнью. Побережетесь—через недельку будете здоровы.

— Как это не во-время, доктор, работы много!

— Понимаю,—сказал доктор.—Да что поделаешь!

15.

Шофер Морозова Коля Спицын давно просился у директора на завод. Раньше он работал в цехе, заболел. Шофером он стал по нужде. Морозов решил отпустить Спицына и, вызвав Сафонова, предложил ему работать на легковой машине. Сафонов подумал, покачал головой и спросил:

— А грузовую мне уж значит не доверяете?

— Отчего же? Я предлагаю, что лучше.

— Что лучше?— усмехнулся Сафонов.— Для меня лучше медь возить, помогать заводу.

— Вот ты какой!— проговорил Морозов.— Ну что же, будь по-твоему.— Он проводил шофера изучающим взглядом до дверей, потер лысину и протянул неопределенно: М-даа!

Морозов долго раздумывал над тем, что говорили коммунисты на заседании заводского партийного комитета. Он и осуждал себя и смеялся над собой, но где-то в глубине души таилась у него робкая надежда: а может быть он прав, может быть в действительности так и должно быть, как он поступал? Но жизнь это опровергала. Даже Сафонов и тот не поддержал эту робкую надежду. Для Сафонова лучше оказывается медь возить, чем разъезжать с директором на легковой машине. Правильно, что можно возразить против этого? Придется сказать Коле, пусть годик еще поработает или взять другого шофера. Решив этот вопрос про себя, Морозов стал думать, где достать две дополнительные машины, нужные для строительства железнодорожной ветки. Позвонить директору механического завода Колобову? Нет, звонить он не будет. Он попытается обойтись своими силами.

Морозов вызвал Чигвинцева и приказал ему созвать шоферов. Морозов хотел поговорить с шоферами: не посоветуют ли они, как освободить две-три машины на строительство, конечно, не в ущерб выполнению плана по перевозкам меди? Когда все собрались, Морозов рассказал шоферам, зачем он их позвал.

— Проще простого из беды выйти,— сказал пожилой шофер Ситников, с рябинками на загорелом лице.— Найдите два ленточных транспортера и будет полный порядок. Две машины освободим.

Лицо Морозова осветилось догадкой.

И в самом деле! Один транспортер можно будет установить на перевалочной базе, а другой на складе готовой продукции. Погрузка меди вручную отнимает много времени. Транспортеры сведут расход времени до минимума. От этого увеличится полезный пробег машин. Вот тебе и резерв!

Иван Иванович почувствовал облегчение. Оказывается, положение с подвозкой меди было не такое уж запутанное, как ему казалось раньше. Ветка будет построена своими силами.

Иван Иванович сидел в кабинете с радостным ощущением, что трудный вопрос, который волновал его все последнее время, благополучно разрешается. Из этого состояния вывел его телефонный звонок. Звонил Потапов, начальник медеплавильного цеха.

— Иван Иванович? Борисов приехал, был у меня.

— Борисов?— вскочил Морозов.— Чего же он ко мне-то не зашел?

— Не знаю. В электролизный направился.

Морозов застал секретаря горкома беседующим с бригадиром Медведевым. Увидев директора, Борисов приветливо улыбнулся и крепко пожал ему руку.

— Интересуюсь,— сказал Леонид Петрович.— Есть ли у вас еще порох в пороховницах, удержите ли вы к празднику знамя?

— Думаю, что удержим,— ответил Морозов.— А вы что, сомневаетесь?

— А как вы считаете,— пристально посмотрел Леонид Петрович на Морозова.— Есть причина к сомнению?

— Была,— признался Морозов.

— Была?— спросил Борисов.— А теперь?

— После всего, что тут случилось, вроде бы и не должна быть.

Борисов улыбнулся, попрощался с Медведевым и, взяв Ивана Ивановича под руку, повел его к выходу. На дворе он спросил:

— Колобов предлагает помощь в строительстве ветки, почему отказываетесь? Гордыня—матушка не позволяет?

— Не было у нас с ним об этом разговора.

— Почему?

Морозов потянул фуражку за козырек: ему нечего было ответить. Борисов пытливо посматривал на него с боку. Пришел Дайбов, и втроем они отправились по цехам, затем зашли в партком.

— Скажите, Дайбов,— спросил Леонид Петрович, когда они вошли в кабинет секретаря парткома.— У вас на заводе все одинаково работают?

— Что вы!— улыбнулся Дайбов.— Есть передовики, есть и отстающие.

— А я ни передовиков, ни отстающих не увидел.

— Не беспокойтесь, я вам сейчас покажу, у меня показатели имеются.— Дайбов торопливо открыл ящик стола и принялся перебирать бумаги.

— Что же вы под спудом эти показатели держите?— говорил между тем Борисов.— Раньше у вас по-другому было. Зайдешь в цех и сразу видишь: Медведев впереди идет, а Мелентьев отстает. И призыв: «Равняйтесь на Медведева!» Люди что ли другие у вас стали, а?

— Все недосуг, Леонид Петрович, то да другое, знаете ведь нашу работу.

— Как не знать!— иронически отозвался Борисов, поправляя очки.

Морозов проводил Борисова до машины. Глядя себе под ноги, он сказал:

— Просьба есть к вам, товарищ Борисов.

— Просьба? Говори, что за просьба.

— Отдайте нам Мелентьева. Секретарем партбюро.

Борисов рассмеялся и уже из кабины ответил:

— Зачем вам Мелентьева? У вас у самих на заводе есть прекрасные работники. Приглядитесь к ним.

Шофер дал газу—и машина тронулась с места. Морозов поспешил к себе. После разговора с секретарем горкома он решил позвонить Колобову и договориться с ним о присылке автомашин на строительство ветки.

Лежа на кровати и считая попусту убегающие дни, Петр думал, что глупее состояния, чем болезнь, для человека быть не может. Болезнь свалила его в то время, когда вопрос, поднятый им в связи с делом Сафонова, так и остался до конца неразрешенным. А вернуться к нему позднее будет нелегко.

Мать почти каждые полчаса справлялась о его здоровье: «Ну как, Петенька, лучше или хуже стало?». Она, как и многие матери в этих случаях, с трогательной непоследовательностью то предлагала ему подышать свежим воздухом или попариться в баньке, то приносила какие-то настойки из целебных трав или рецептированные лекарства. Ее забота согревала Петра. Сдержанно вел себя по отношению к нему отец. Трофим Павлович видел, что сыну тяжело. Он присел у его изголовья, повел речь о том о сем, принялся расспрашивать сына о международной политике. Разговорами он хотел отвлечь мысли Петра от болезни. А Петр думал о своем. Кошкина, конечно, постарается забыть неприятную историю с Сафоновым, но Борисов этого не допустит. Петр хорошо знал Леонида Петровича, чтобы быть в этом уверенным. Происшедшее на электролитном заводе убедило Петра, что предстоящая городская партийная конференция будет, повидимому, для Марии Ивановны последним рубежом.

Отец сидел у изголовья, но увидев, что Петра не развлечешь разговорами, вдруг заторопился:

— Отдыхай, не буду тебе надоедать.

— Сиди, ты мне не мешаешь.

— Нет. Мне пора, у нас профсоюзное собрание.

Несмотря на преклонный возраст, Трофим Павлович работал в пожарной охране механического завода и чувствовал себя бодро. Он был бессменным членом месткома. Сослуживцы шутили:

— Если Павлыч и на пенсию уйдет, мы все равно его изберем. Без него местком — не местком.

Петр и Василий однажды осторожно повели со стариком речь о пенсии: «Тебе пора на покой, говорили они ему, а ты все еще работаешь. Хватит. А что касается общественного поручения, то в местком тебя так или иначе изберут». Трофим Павлович сначала покосился на сыновей, пошевелил усиками и вдруг стукнул кулаком по столу так, что Мария Васильевна вздрогнула:

— Ты что, очумел, Трофим!

— Цыц! Я хозяин в доме! Захочу — буду до гробовой доски работать! Вишь указчики нашлись!

Братья переглянулись и расхохотались. Трофим Павлович пригрозил им пальцем. Но с тех пор разговора о пенсии они уже больше не затевали.

Василий приходил в эти дни молчаливым, сердитым. Не разговаривая ни с кем, он наспех обедал, затем садился за письменный стол и писал, высчитывал. Порой всердцах бросал карандаш и нервными шагами мерял комнату. Петру непривычно было видеть таким всегда веселого брата и ему казалось, что губы Василия вот-вот расплывутся в улыбке, он с хитрецей посмотрит на Петра и скажет что-нибудь смешное.

Отец подмигнул Петру на Василия:

— Видал героя?

— А что?

— Как что? Видишь, сам не свой. Обставляют его в соревновании, к празднику-то. Шутка ли!

— Зато в газётах хвалят,— улыбнулся Петр

— Хвалят,— ухмыльнулся отец.— Хвалят-то хвалят, да на бок и свалят. И поделом—не зазнавайся! А то они там с Морозова пример взяли. Ладно, что ты им крылышки подрезал.

Как-то Василий подсел к Петру и спросил весело:

— Слыхал новость?

— А что такое?

— Сафонова-то восстановили, сам Морозов вызывал его.

— Так и должно быть.

— К Морозову, говорят, какая-то девушка приходила, за Сафонова заступалась.

— Это тебе сорока на хвосте принесла,— улыбнулся Петр.

— Да мне Сафонов сам рассказывал. Посмотреть бы, говорит, мне на эту девушку хоть одним глазом. Чудаки, ни фамилии, ни имени ее не спросили. На станции она где-то работает. А Сафонов ничего парень. Шофера над ним смеются: эх, упустил красавицу! А он ее и в глаза не видел.

Петр, смотря на оживленное лицо брата, опять улыбнулся.

— И знаешь еще что?— продолжал Василий.— Ветку строить начали. Колобов три машины прислал да наших две. В эту неделю воскресник у нас будет. Дал ты им жару, Петро!

— Все?

— А чего же больше?— удивился Василий.

— О себе ты что-то молчишь.

— О себе я после,— Василий поднялся и вдруг широко улыбнулся.— Ничего у Медведева не выйдет! Хитрый он. Я ему помог, а он же меня и обгоняет! Только не выйдет!— Василий подмигнул Петру, поднялся. «Вот не во-время принесло эту проклятую болезнь,— думал между тем Петр, провожая взглядом широкую спину брата.— Дела такие, праздник подходит, а я валяюсь!»

17

Статья Мелентьева была напечатана в городской газете «Советский рабочий». О ней говорили, она возбуждала споры.

Дайбов, прочитав статью, не мог понять, что с ним происходит. Он негодовал и вместе с тем недоумевал: за что его ругают? Он же ведь никому ничего плохого не сделал. Поразмыслив, Дайбов сел писать опровержение. Исписал несколько тетрадных листков, прочитал вслух и одобрил: получилось убедительно! По привычке поднялся наверх, к Морозову, чтобы показать ему написанное, посоветоваться с ним, а возможно и склонить его подписать это опровержение.

Но Морозов ушел в цехи. Дайбова обуяла нерешительность, вера его в убедительность опровержения поколебалась. «Морозова надо непременно найти,— подумал Дайбов,— показать ему, что я тут написал».

Ивана Ивановича он нашел в механическом цехе, где шло испытание нового строгального станка. Дайбов с неудовольствием заметил, что тут же был и Кольцов. Рукава комбинезона у механика были засучены до локтей, в руках, измазанных солидолом, он держал ключ. Дайбов с неприязнью относился к Кольцову. Зачем он здесь? Его место в гараже! Вот ведь, в самом деле, человек, ни за что, ни про что поднял целую бучу, все перевернул вверх дном и доволен. Разговаривает с директором и улыбается: зубы белые, а один в золотой коронке. Очки поблескивают.

Иван Иванович, увидев Дайбова, строго свел брови.

— Что случилось?— спросил он.— У тебя, Андрей Назарович, такой вид, будто беда за тобой следом гонится!

Дайбов отозвал директора в сторонку и подал ему заготовленное опровержение. Морозов небрежно сдвинул на затылок фуражку и, покусывая губу, стал читать. Но чем дальше он читал, тем все больше удивления появлялось у него на лице. Дочитав, он резко протянул Дайбову исписанные листки и сказал:

— Пустое!

— Что пустое?— не понял Дайбов.— Вы читали статью?

— Читал.

— Ну?

— Правильная статья. Мне ведь, Андрей Назарович, тоже больно, сердце скребет, а куда же денешься? Справедливо! Слушай и исправляйся. Так что не рекомендую,— и Иван Иванович отошел к станку.

— Да ведь это же беспринципность будет: не согласен — и молчать!— сказал Дайбов.

— Дело, конечно, твое. Но мне кажется, что возражать против справедливого упрека — это наихудший вид беспринципности.

Зажужжал станок, все сгрудились вокруг него. Морозов отвлекся. Дайбов круто повернулся и зашагал к выходу. Разговор с Морозовым окончательно поколебал его. Придя в партком, он изорвал на мелкие кусочки свое опровержение и бросил в мусорную корзину. Но потом он все же решил позвонить Борису. Жаловался, что статья Мелентьева извращает факты.

— Вы, Леонид Петрович, не поняли меня,— говорил Дайбов.— Наш завод — передовой в городе, а в статье утверждается, будто на заводе директор — бюрократ, а заместитель секретаря парткома — пустое место. Это же ложь! Это не критика, а оскорбление!

— Товарищ Дайбов,— отвечал ему по телефону Борисов.— Надо прямо смотреть правде в глаза и уважать критику. Так или не так? Что же вы в таком случае волнуетесь? Плохо работаете с людьми, вас и критикуют за это. Я отлично знаком с делом и статью прочел внимательно. Хорошая статья, своевременная. Все. До свидания.

Борисов положил трубку.

— Возмущается,— проговорил он, кладя очки на стол.— Критики не любит. Трудно такому человеку быть руководителем.

Леонид Петрович вызвал Кошкину.

Статья обидела Марию Ивановну, лишней раз показав ей, что Мелентьев давно сломал те рамки, в которых она собиралась его держать.

Странный взгляд на работников своего отдела был у нее. Она была убеждена, что работникам отдела следует быть и в практической работе и в знаниях ниже своего заведующего на целую голову. Иначе она не могла ими управлять и им покровительствовать, что ей особенно нравилось. Месяца три назад Мелентьев, плохо подготовившись к теоретической конференции, запутался, отвечая на один вопрос. Петру тогда досталось крепко. Кошкина вступилась за него. Но в этой истории с Сафоновым Мелентьев выступил самостоятельно, без ее указки и помощи, вопреки ей. Как так? Мария Ивановна жила опытом, накопленным многими годами, и считала, что с нее этого хватит. Но жизнь, практика партийной работы не любит таких руководителей, которые начинают топтаться на месте.

Мария Ивановна стала внимательно приглядываться к Мелентьеву. Статья в газете лишней раз подтвердила ей: да, Мелентьева не

удержать в тех рамках, которые она для него предназначила. Как молодое окрепшее дерево, он рос буйно, неудержимо и мог собою заслонить и ее, Марию Ивановну Кошкину. Тогда пошатнется ее авторитет.

Борисов встретил Марию Ивановну вопросом:

— Читали статью? Да вы садитесь, пожалуйста.

Мария Ивановна села.

Леонид Петрович, наблюдая за нею, поблескивал очками.

— Вы меня вызывали?— спросила она.

— Да. На очередное заседание бюро приготовьте проект решения по вопросу, поднятому в статье. Поручите проект написать Мелентьеву.

— Мелентьев болен.

Борисов нахмурился:

— Опасно болен?

— Не знаю.

— Почему не знаете?— строго сказал Борисов.— Вы обязаны были знать! Прошу вас выяснить и доложить мне.

Борисов встал из-за стола, подошел к окну.

— На бюро вызовите Морозова, Дайбова, Чигвинцева, Кольцова и Сафонова,— добавил он.

Кольцов торжествовал, хотя и сдерживал себя. Он позвонил Мелентьеву и огорчился, когда узнал, что тот болен.

В обеденный перерыв Кольцов собрал в гараже партгруппу, пригласил Чигвинцева и прочитал статью Мелентьева. Чигвинцев, подтянутый и невозмутимый, слушал чтение равнодушно. Затем, не сказав ни слова, ушел к себе в конторку.

Странное дело, на Виктора Чигвинцева сильнее всего подействовали слова Колесникова, хотя тот на заседании парткома с активом говорил не о нем, а о Морозове. «Что с тобой случилось, товарищ Чигвинцев?»— спрашивал он себя и добросовестно пытался разобраться в происшедшем. Он считал себя безраздельным хозяином гаража и с неприязнью относился к Кольцову и Сафонову. «Сказать «плохо»— легко,— размышлял Виктор.— А исправить дело куда труднее!» За план перевозок в ответе перед заводом он один. Не выполнишь плана, какой же ты, скажут ему, после этого руководитель? Зря тебе доверили гараж, не оправдал ты доверия. И Виктор видел только одну возможность, чтобы обеспечить план— это административное воздействие на подчиненных. Он круто завернул гайки. Первым восстал против этого Кольцов. Стала донимать и стенная газета. Чигвинцев видел в выпадах против себя нарушение дисциплины, подрыв своего авторитета. Его заслушали на собрании партийной группы. Слесарь Тверсков сказал тогда:

— Ценим мы тебя и уважаем, Виктор Николаевич, а ты нас не ценишь! Вот я, например, не меньше тебя, скажем, болею за план. Да что я! Каждый коммунист и комсомолец болеет, каждый шофер болеет за план, сил не жалеют, а ты кричишь, командуешь, будто спрос с тебя одного. Опирайся на нас— мы тоже в ответе и не только за план, но и за тебя! Не по той ты дорожке пошел, Виктор Николаевич!

А тут случилось, что Сафонов разбил машину. «На словах-то Сафонов тоже болеет за план, а на деле разгильдяй,— думал тогда Чигвинцев.— Понадейся на других, а потом самому неприятность». Он накричал на Сафонова, припомнил ему газету и написал приказ о его увольнении.

Кольцов встал на защиту Сафонова. Мелентьев поддержал Коль-

цова. Они повернули дело по-своему, и он, Виктор Чигвинцев, оказался виноватым. Не так надо было действовать! «Что же делать?»—спрашивал себя Виктор. Ему вспоминались слова Тверскова: «Опирайся на нас — мы тоже в ответе и не только за план, но и за тебя!» Да, трудно все-таки перебороть себя!

Позднее он вызвал к себе Кольцова. Механик тотчас же явился к заведующему гаражом.

Чигвинцев стоял у окна, спиной к двери, засунув руки в карманы брюк. Он спросил через плечо:

— Атакуете, Егор Максимович?

Кольцов присел на табуретку, обтер темные пальцы паклей, каждый в отдельности.

— Как тебе сказать? Атакуем не атакуем, а справедливость восстанавливаем.

— Ясно!— отрывисто проговорил Чигвинцев и повернулся к Кольцову. Бакенбарды его смешно топорщились.— Ну, вот что, механик,— голос Чигвинцева зазвенел.— Теперь я с тебя спрошу работу. Эти две машины завтра к вечеру чтобы вышли из ремонта. Ясно?

— Мы уже об этом договорились.

— Напоминаю.

Кольцов посмотрел на Чигвинцева удивленно, подняв брови. Тот не выдержал этого взгляда и спросил резко:

— Чего ты на меня уставился, механик?

Егор Максимович, не ответив, вышел из конторки. Минуты две он постоял у дверей. Он понимал состояние Чигвинцева, понимал, что Чигвинцев хотел, повидимому, сказать ему совсем не то, что сказал. Но что?

— Э!— махнул рукой механик.— Поживем — увидим!

Вечером он был у Мелентьевых. Петр спал. Егор Максимович сказал, чтобы его не будили. Марию Васильевну удивил гигантский рост механика: когда Кольцов входил в дом, он, чтобы не стукнуться головою о дверной косяк, согнулся чуть ли не вдвое. Но больше всего ее удивила застенчивость механика. Мария Васильевна предложила гостю стул, а гость, побагровев, что-то неразборчиво пробубнил себе под нос и, позабыв попрощаться, ушел.

18

Петр проболел неделю и эта неделя показалась ему очень длинной. С работы приходили отрывочные новости. Лишь одна была определена и обрадовала его: статью будут обсуждать на заседании бюро горкома.

До конца бюллетеня оставался еще один день, но Петр больше уж не мог усидеть дома. Он сказал матери, что чувствует себя вполне здоровым и отправился в горком.

Ядреный воздух поздней осени ударил ему в голову. Солнце слепило глаза. Петр присел у ворот на скамейку и переждал, когда пройдет головокружение.

Домик Мелентьевых стоял на возвышенности. Улица шла в гору, а потом, возле мелентьевского дома, переламывалась и сбегала вниз. Ветер заметал пыль вместе с опавшей листвой, волок ее по дороге и сбрасывал в речку. Речка хмурилась, но дары ветра принимала охотно и несла листья по течению. Речка начиналась из налитого свинцовой тяжестью пруда, в самом центре города, пряталась на территории

механического завода, заботливо обмурованная цементом, и вдруг озорно выскакивала из-под чугунной ограды завода, раздвигала в стороны дома, неслась мимо домов и на окраине города замедляла ход, смиренная плотной электролитного завода.

Вокруг города сомкнулась тайга. Осиротевшие, потерявшие летний наряд горы цепочкой уходили от города на юг и на север, топорщили свои лесистые вершины на фоне голубого холодного неба.

Поздняя осень... Петр любил эту пору за то, что она вливалась в него какую-то особенную бодрость.

Петр поднялся со скамейки и пошел. За мостом его обогнала легковая машина и, обдав бензиновым чадом, остановилась впереди. Приоткрылась дверца, из кабины высунулся Морозов.

— Садись!—весело крикнул он Петру.—Подвезу!

Петр устроился на заднем сиденье. Коля Спицын для приличия посигналил и включил скорость. Морозов повернул к Мелентьеву бритое лицо:

— Ты, говорят, болеешь?—спросил он.

Петр кивнул.

— А тебя у нас часто вспоминают, наделал ты, брат, шуму,—проговорил Морозов.— Он удобно откинулся на мягкую спинку сиденья.

— В больницу?—через плечо спросил Морозов.

— Нет, туда же, куда и ты,—на заседание бюро.

Опять ехали молча. Потом Морозов снова повернулся к Петру.

— Есть у меня к тебе деловое предложение,—сказал он.—Иди к нам на завод секретарем партбюро. Борисова мы с тобой вдвоем-то уговорим. Ну как, по рукам?

— Нет,—покачал головой Петр.—У вас есть Кольцов.

— Кольцов? Механик? Не то. Зря. Ты бы у меня завтра же на курорт поехал.—Морозов принял прежнее положение, но Петр догадался, что Морозов недоволен ответом.

— Путевкой завлечь хочешь?—улыбнулся Петр.—Дешево даешь.

— Сколько могу,—в тон ему ответил Морозов и шутливо погрозил Петру кулаком.

В горькоме было оживление, предшествующее заседанию бюро. У Петра трепыхнулось сердце. Как дорого ему было все это! Он даже не предполагал, что так сильно соскучился по горькому, по работе. Морозов и Петр зашли к секретарю. Леонид Петрович беседовал с директором механического завода Колобовым. В противоположность Морозову Колобов был высок, смугл. Два директора обменялись шутливыми приветствиями: у них уж так давно установилось—подшучивать друг над другом. Борисов критически осмотрел Петра.

— Привез вам будущего секретаря партбюро нашего завода,—улыбнулся Морозов.

— Ну, это ты перехватил!—заметил Борисов, а Колобов хлопнул себя по коленям:

— Как всегда у Ивана Ивановича!

Петр устал, чувствовал, что болезнь отняла немало сил. Это не ускользнуло от пытливых глаз Борисова. Он подошел к Петру, взял его руку в свою и, как заправский врач, нащупал пульс, прислушался.

— Кто разрешил тебе сюда являться?—сказал он сердито.— Вот дадим вам на бюро обоим нахлобучку—тебе за самовольство, а Морозову—за сообщничество.

Колобов покосился на Морозова, осуждающе покачал головой и, затаив улыбку, поддержал секретаря:

— Я первый буду голосовать—за.

Морозов смешно потер лысину. Петр сказал:

— Не возражаю, чтоб дали нахлобучку, но присутствовать на бюро все же разрешите. Да мне ведь, Леонид Петрович, все равно послезавтра на работу выходить. Выздоровел.

— До послезавтра воды много утечет. Свое дело ты сделал, без тебя решим,—возразил Борисов.

Петр из кабинета секретаря горкома попал снова в машину Морозова, и молчаливый Коля Спицын умчал его домой.

Мать встретила его во дворе, попыталась пригласить шофера в комнату, но тот вежливо козырнул ей и уехал. Мать шепнула Петру:

— А у нас гостья была. Ждала, ждала тебя и не дождалась.

— Кто?—заинтересовался Петр.

— Я и не знаю, Петенька. Кажись, Татьяной зовут.

«Татьяна!»—радостно мелькнула в голове Петра обжегшая его мысль, но тут же и погасла, как падающая звезда. А может это и не она вовсе? Но какая девушка, да еще по имени Татьяна, могла прийти к нему? Конечно, она! Почему же она не дождалась его?

19

Бюро горкома партии утвердило решение заводского партийного бюро и одобрило статью Мелентьева. Отчетно-выборное собрание проводил сам Борисов. Накануне он вызвал в кабинет Мелентьева.

— Секретарем партбюро думаем рекомендовать Кольцова,—сказал он.—Как ты на это смотришь, Петр Трофимович?

— По-моему правильно,—подумав, ответил Мелентьев.—Кольцов—человек напористый, беспокойный, с делом справится.

— Да,—задумчиво проговорил Леонид Петрович.—Но помогать ему на первых порах придется много, слышите, Петр Трофимович?

— Я всегда готов помочь товарищу.

— Предвижу, бурное собрание будет. Это хорошо.

— А Морозов побаивается,—улыбнулся Петр.—«Эх-ма, еще, говорит, раз попотеть придется!»

— Придется, — весело согласился Борисов. — Обязательно придется. И мне достанется, чует моя душа, за этим и еду.

Мелентьеву очень хотелось попасть на собрание, но дни после выхода на работу были загружены доотказа. Бюро горкома освободило Кошкину от заведывания отделом, и Петру пришлось принимать от нее дела. Мария Ивановна за эти дни осунулась, постарела. Видно, не одну ночь провела она без сна, обдумывая случившееся. Борисов предложил ей стать помощником секретаря, и она, поколебавшись немного, согласилась.

С Мелентьевым у Кошкиной установились официальные отношения. Мария Ивановна больше не называла Петра «голубчиком», а лишь «товарищем Мелентьевым». Петру казалось, что Мария Ивановна сердилась на него за все происшедшее и он думал: «Что ж тут на меня-то обижаться, пусть обижается на себя».

В редкие свободные минуты мысли Петра неизменно возвращались к Татьяне. Он так и не узнал, зачем она тогда приходила, и любопытство его возрастало. Он несколько раз заставлял себя позвонить в редакцию—спросить о Татьяне, но тут же отказывался от этой мысли. Зачем? «Откуда знают в редакции о Татьяне, если и тебе ничего не написала?»

И вот однажды Татьяна пришла сама. Вечером, когда в горьком стихло дневное оживление, она появилась в отделе и, радостно улыбаясь, сказала:

— Здравствуй, Петр Трофимович!

В первое мгновение Петр растерялся: так неожиданно очутилась перед ним Татьяна, а затем он с шумом отодвинул стул и поспешил ей навстречу.

— Кого я вижу!— воскликнул он, обеими руками пожимая ее маленькую холодную руку.— Вот уж не ожидал, так не ожидал! Я думал, письмо от тебя получу, а ты сама тут! Чудесно!

Он усадил девушку на стул. Она положила на колени сумочку и, не в силах погасить улыбку, сказала:

— Как ты похудел!

— Пустяки!— отмахнулся Петр и, пододвинув стул, сел напротив девушки, не сводя с нее взгляда.

— Все, все рассказывай по порядку.

Татьяна потупилась, начала перебирать пальцами ручку у сумочки.

— Я второй день работаю в редакции,— сказала она.

— А студия?— удивился Петр.

— Не приняли,— ответила Татьяна тихо и покраснела.

— Не приняли?— переспросил Мелентьев и вдруг, хлопнув себя по коленям, воскликнул:— Так это же чертовски хорошо!

Татьяна подняла голову. Большие глаза ее выразили удивление.

— Ты думаешь?

— Убежден, дорогая Танюша!— воскликнул он с воодушевлением.

Мелентьев надел шинель и они вышли. На улице Татьяна спохватилась:

— Что же это я! Тебе Кольцов записку прислал. Я недавно с электролитного.

Он сунул записку в карман гимнастерки и спросил:

— Почему не дала знать, что приехала?

— Я приходила, да не застала тебя.

В темноте нельзя было рассмотреть выражения ее лица, но Петр почувствовал, что девушка смутилась. Некоторое время они шли молча.

— У меня каких-то артистических данных нехватило,— начала рассказывать Татьяна.— Я исполняла монолог Катерины из «Грозы», а председатель комиссии, режиссер Мирский, сидел скучный, скучный и рисовал в тетрадке завитушки. Я поняла сразу. И, знаешь, Петр Трофимович, мне стало безразлично: примут меня или не примут.

— Это плохо, что безразлично.

— Нет, нет,— с жаром возразила Татьяна.— Меня просто потянуло домой. Я вспомнила наш город, тебя, редакцию, вспомнила все, чем жила эти годы. Все это стало теперь для меня таким близким, что и жить-то без этого кажется нельзя. Даже Дайбова я вспомнила, как он сердился на меня за статью.

Они подходили к механическому заводу. Вспышки электросварки то и дело сверлили вечернюю вязкую тьму, на мгновение освещая кусочки пространства голубым трепетным светом. В кузнечном цехе тяжело и протяжно ухал паровой молот. Татьяна, взяв Петра под руку, между тем продолжала:

— Когда я приехала домой, мне стало стыдно, стыдно за потерянное время.

— Напрасно! По-моему, оно у тебя не потеряно: оно раз и навсегда

да определило тебе дорогу в жизни. Двойственности не будет. А это главное.

— Правда,— согласилась Татьяна.— Но вот все равно как-то жаль этого времени. Две недели прошло, а изменений сколько! А я ничего не делала, ездила и тебе не помогла.

Петр проводил Татьяну до дома. Она звала его в комнату, но он отказался.

Возвращался домой не спеша. О чем бы он ни начинал думать, мысли его возвращались к Татьяне. Ему хотелось петь, хотелось, чтобы весь мир знал, как чудесно у него на душе! И вполголоса он запел «Хороши весной в саду цветочки». Выйдя на центральную улицу, в кипень электрических фонарей, он остановился, сдвинул на затылок фуражку, энергично тряхнул рукой и вслух сказал:

— Замечательно!

Девушки, проходившие мимо него в эту минуту, громко рассмеялись, оглянулись на него. А он, вспомнив дома этот смех, улыбнулся про себя и подумал, что он должно быть тогда показался им действительно смешным.

20.

Кольцов звал Петра на завод. Еще до своей болезни Мелентьев обещался прочесть рабочим лекцию о международном положении. Напоминая ему об этом обещании, Кольцов писал: «Жду тебя с лекцией. У меня теперь работы прибавилось. Приходи, поможешь, а то трудненько мне».

Кольцову, после его избрания секретарем партбюро, волей неволей пришлось сменить выдавший виды синий комбинезон на шевиотовый костюм. Но Егор Максимович остался все таким же непоседливым, деятельным и застенчивым. Лишь поздними вечерами, набегавшись по цехам, он закрывался в парткоме, просматривал свежие газеты, планировал завтрашний день. Работы хватало, а сутки были малы.

— Туго приходится, Петр Трофимович, — заговорил Кольцов, когда Мелентьев пришел к нему.— Помогай. Морозов тебе известен. Вроде бы ничего, приветлив, шутит, а плохо еще признает меня. Я же ему покоя не даю. Собрал партийное собрание у медеплавильщиков, пригласил его. Поморщился, но пришел. Претензий ему много там высказали. А Гузынин шепнул мне потом: «Ты его, Максимыч, приучай в цеха-то ходить, нечего ему в кабинете киснуть. Это полезно!» Э, да все перемелется! Поживем—увидим!— Егор Максимович двумя пальцами, осторожно, как хрупкую вещь, снял с брюк пушинку; костюм стеснял механика.

— А труднее всего, Петр Трофимович, с Чигвинцевым,— продолжал он.— Сафонов теперь группоргом в гараже. У него есть хватка, молодец парень! С Чигвинцевым нет, нет, да схватится. А завгар переламывает себя, крепится, но старая накипь в нем еще жива. Человек он неплохой.

Кольцов сиял, радостный, воодушевленный. В таком виде даже его лохматые брови не так угрожающе нависали над очками. Пока он говорил, руки его ни одной минуты не оставались без движения. То он перебирал ими бумаги на столе, то закручивал головку пресс-папье.

В распоряжении Петра был еще час и он решил сходить в гараж. Кольцов же остался в парткоме, чтобы еще раз напомнить людям в цехах о предстоящей лекции.

В гараже на первый взгляд изменений не произошло. В конце здания, на канаве, стоял в ремонте «ЗИС». Здесь было оживленнее, стуча-

ли молотки, визжали напильники. Несколько человек устанавливали мотор и кто-то командовал устоявшимся басом: «Левее, левее! Еще! Хорош!»

Остальные стоянки машин были пусты.

Тверсков встретил Петра добродушной улыбкой.

— А-а! Начальство прибыло!—заговорил он. — Не забываешь все-таки нас?

— Разве забудешь?— ответил Петр, осматриваясь. Над рабочим местом Владимира Андрияновича висел плакат: «Здесь работает последователь Александра Чутких слесарь В. А. Тверсков. Выполняя дневные задания на 150—200 процентов, он дает продукцию только отличного качества!»

— Хорошо— одобрил Петр.

— Сафонов старается. Он здесь всех на ноги поднял, страсть какой беспокойный. На что Максимыч непоседа, а этот, кажется, и того больше!

Плакаты висели и в других местах гаража. Рассматривая их, Петр очутился у конторки.

Чигвинцев, склонившись над столом, что-то высчитывал. Бумажка, лежавшая перед ним, была сплошь испещрена колонками цифр. Когда вошел Мелентьев, завгар поднял голову, но по глазам его было видно, что он продолжает думать о своем. Петр не мог сдержать улыбки: у Чигвинцева не оказалось привычных бакенбард.

— Чему улыбаешься, Мелентьев?— с грубоватой прямоотой спросил заведующий гаражом, закрывая свои расчеты газетой.

— Про твои бакенбарды вспомнил.

— Нашел о чем вспоминать.

— Я серьезно говорю.

— Смейся, смейся! За эти бакенбарды мне всю шею перегрызли. Садись,— Чигвинцев скупым хозяйским жестом показал на табуретку. Он, как всегда, был опрятен и подтянут.

— Кольцов ко мне пристал: сбрей да сбрей, говорит, эти сосульки!— продолжал Чигвинцев.— Сравнил — сосульки!— на тонких губах Чигвинцева, против его воли, блуждала улыбка. Он хотел казаться сердитым.

— Я к тебе по делу, Виктор Николаевич,— сказал Петр,— или вернее, по поручению пропагандистов наших. Политшколу предлагают тебе в гараже вести. Егора Максимовича освободить от этого дела надо. Трудно ему.

— Мне? Школу вести?— спросил Чигвинцев.— Не подхожу я для этого.

— Почему?

— Занят. Ветку строят, видел? Мои машины работают. А медь возить надо? Построят ветку, тогда подумаю.

Петр рассмеялся: ему показалась наивной логика заведующего гаражом.

— А это видел?— начиная сердиться, снова заговорил Чигвинцев и потряс газетой.— Тебе-то ничего, а меня ругают. В моде стал Чигвинцев, все считают за честь ругнуть его!

— А в чем дело? Покажи. Сегодняшнего номера я еще не читал,— и Мелентьев взял у Чигвинцева газету. На второй странице ее была напечатана статья Татьяны Синиловой: «На электролитном заводе нет заботы о рационализаторах». Несколько горьких слов было в статье и о гараже.

— Ты чего же обижаешься? — сказал Петр. — Правильно тебя ругают.

— Конечно, правильно. Значит, не ты в ответе, а я? То-то и оно! А тут еще школа! Не могу я ею руководить. Вы мне весь авторитет подорвали, я себя общипанной курицей чувствую.

— Напрасно!—сказал Петр. Он подошел к Чигвинцеву, обнял его за плечи и мягко, но настойчиво закончил:—Школу ты будешь вести, Виктор, ты сможешь ее вести. А эти мысли у тебя неправильные. И не возражай, пожалуйста. Авторитет, который ты себе стремился создать,— он же ломаного гроша не стоил! Мы помогаем тебе создавать настоящий авторитет, а ты отказываешься. Однако пора в клуб. Пойдешь?

Чигвинцев утвердительно кивнул головой.

Кольцов встретил их на крыльце клуба и заторопил:

— Что же вы это, друзья мои! Народ-то ждет!

Клуб был полон рабочих и гудел, как пчелиный улей.

21.

Мелентьев в сером костюме при орденах бродил по залам и комнатам городского дворца культуры. До торжественного заседания оставалось еще сорок минут. Оркестр играл вальс. Веселые, нарядные кружились по паркету танцующие пары. Чигвинцев, осторожно обхватив талию девушки, плавно вел ее по кругу. Петр узнал и девушку: это была лаборантка электролитного завода. Чигвинцев сегодня тоже был в штатском костюме и видеть его в нем было непривычно. Чигвинцев приветливо кивнул Петру — поздоровался.

Из биллиардной слышался стук шаров и порой взрывы хохота. Там играл Василий Мелентьев, брат Петра. Он, как видно, был в ударе: сыпал шутками и прибаутками, собрав вокруг себя толпу болельщиков. «Что ему не смеяться?—подумал Петр.—Передовик, хотя завод и отстал от механического».

В читальне не осталось свободных мест. Кому не хотелось ничем заниматься, те ходили в фойе, разговаривали, смеялись и даже спорили. Кольцов что-то с жаром доказывал Тверскову. Здесь же прохаживались взад-вперед Морозов и Колобов; оба были с женами. Женщины шли впереди, а мужчины, разговаривая между собой, двигались за ними.

Петр нигде не находил для себя места, никак не мог настроить себя на общий праздничный лад.

Днем ему позвонила Татьяна:

— Тебе на торжественное собрание придется идти одному. Я задержусь. У нас праздничный номер.

Без Татьяны праздник терял свое обаяние и радость. Петр выбрал укромное местечко в углу танцевального зала и задумался.

В типографии, наверно, заканчивают выпуск газеты. Татьяна читает корректуру. Она склонилась над столом, туго сведя у переносья атласные брови, чуточку склонив на бок голову.

Все последние дни он пристально наблюдал за нею. Она вся ушла в газетную работу, словно старалась наверстать то, что было ею упущено. Петр видел Татьяну среди партийных работников, среди хозяйственников и рабочих. Она держалась просто, с достоинством, и это ему нравилось. Лишь один он из всех, кто ее окружал, мог по характерному блеску глаз, по улыбке, даже по каждому в отдельности движению безошибочно определить ее настроение. Только он один! Созна-

ние этого наполняло сердце его особой теплотой, которая раньше была ему неизвестна.

Петр начал замечать, что Татьяна стала как будто веселее, разговорчивее и увереннее. Она постоянно делилась с ним своими впечатлениями о людях, о жизни.

— Ох и хитрый этот Колобов,— оживленно говорила она ему перед праздником,— ох и хитрый! Сводных данных по заводу не дает, говорит, что еще не время. Пишите, говорит, про цеха, и вам хватит этого на месяц. Морозов — тот покладистее. Иной раз сам звонит, сообщает данные. Я ему однажды рассказала про Колобова, смеется: «В праздник увидим итоги. Пусть хитрит на здоровье».

Он вспомнил этот разговор в связи с тем, что позавчера Татьяна позвонила ему и спросила:

— Слыхал?

— О чем?

— Весь город знает, а ты не знаешь,— засмеялась она.— Электролитчики остались на прежнем уровне, а у Колобова показатели хорошие—обогнал всех!

— Знаю,— улыбнулся Петр.— Проект вот пишу: знамя передается механическому заводу. Только я за электролитчиков теперь спокоен: они свое возьмут.

— Ну мы еще посмотрим!— с веселым вызовом ответила Татьяна.

Петр, задумавшись, сидел в своем уголке и не сразу почувствовал, что его теребят за плечо. Перед ним стоял Борисов и улыбался. На лацкане пиджака у Борисова поблескивал орден Ленина.

— Здесь, молодой человек, скучать не полагается,— сказал Леонид Петрович.

Петр смутился и встал.

— Я это так. Задумался немного.

— Так ничего не бывает,— хитровато улыбнулся Борисов.— Ждешь? Сознавайся!

— Жду,— сказал Петр и ему сразу стало легче, потеплело на душе. Борисов кого-то поискал глазами, нашел и поманил пальцем. Подошел шофер Борисова. Леонид Петрович сказал ему, показывая на Петра:

— Свезешь этого скучающего товарища в редакцию,— и, обратившись к Мелентьеву, добавил:— Чтобы я тебя тут таким кислым больше не видел. Приезжайте оба. Выбрал время скучать!— И он легонько подтолкнул смущенного Петра вслед уходящему шоферу.

...Мелентьев вернулся с Татьяной через полтора часа. Уже заканчивалась торжественная часть. Они прошли в зал и, не найдя свободных мест, встали у стены.

На сцене, ярко освещенной юпитерами, на фоне большого портрета Сталина, украшенного живыми цветами, за столом, накрытым бордовой скатертью, сидели члены президиума. Кольцов возвышался над всеми. Видел Петр, что чувствует он себя неловко, стесненно, боясь лишней раз пошевелиться. Зато Морозов держался свободно, часто перешептывался с Колобовым, смеялся. Леонид Петрович был в центре президиума, строгий, сосредоточенный.

Председатель объявил торжественное заседание, посвященное октябрьскому празднику, закрытым. Оркестр заиграл гимн. Все поднялись. Петр взял руку Татьяны и крепко пожал ее. Татьяна ответила ему тем же. Величественные звуки гимна плыли под сводами огромного зала, наполняя сердца людей уверенностью в светлом и счастливом будущем.

Константин Овечкин

БЫТЬ МИРУ НА ЗЕМЛЕ

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Из поколения в поколение
Пусть весть идет, как вешний вал:
В октябрьской битве мудрый Ленин
Декрет о мире подписал.

В тот грозный год впервые в мире
Сказали мы: «Не быть войне!»,
Чтоб на земной привольной шири
Цвести садам, сиять весне.

В труде мы крепи, вырастали,
Ходило счастье по домам.
Великий вождь товарищ Сталин
Нас вел к чудесным светлым дням.

Но тучи шли по горизонту,
И вскоре к нам война пришла.
Мы остро поняли на фронте,
Как дорог мир, как жизнь мила.

Вперед упрямо, шаг за шагом
Мы шли к величию побед.
И вот штыками на рейхстаге
Мы подтвердили свой декрет.

Он — наша честь, святое знамя,
Отчет пред совестью людской.
...Нам вновь враги грозят боями,
Пугают новой войной.

В борьбе мы встали друг за друга,
Врагам сказали твердо: «Нет!
Быть миру на земле!»

Порукой —
Великий ленинский декрет.

ГОЛОС ПРАВДЫ

Родная Москва в обычный час
Опять появилась в эфире.
И бьются сердца горячей у нас:
Москва говорит о мире!

К далеким краям, не зная преград,
Голос ее улетает.
Слышат его — вьетнамский солдат
И хлебороб Китая,

И воин корейский, идущий в бои,
И негр, и рабочий Рима.
Слушают честные люди земли
Голос Москвы любимой.

Куранты Кремля в тиши звенят
Зовущим торжественным звоном.
За счастье и волю ряды крепят
Простых людей миллионы.

Родная Москва в обычный час
Опять появилась в эфире.
И бьются сердца вдохновенно у нас:
Москва говорит о мире!

МОЙ ДРУГ

Едва голубой прозрачный рассвет
Над городом зацветет,
Мой друг в окно мне крикнув: «Привет!»,
Торопится на завод.

Он мне говорил на досуге не раз
С открытою честной душой:
«Нельзя нам с прохладцей трудиться сейчас.
Век наш горячий такой.

Чтоб в дыме войны не чернел горизонт,
В городах не гремела пальба, —
Я здесь, на заводе, держу свой фронт,
За мир здесь моя борьба».

Мой друг немало боев провел,
На войне закален боец.
Мой друг до Эльбы-реки дошел.
Теперь он известный кузнец.

И утром рано спешит на завод
Ковать для колхоза плуги.
Но, если надо, мой друг дойдет
До самой далекой реки.

Фаина Богодайко

ЗА МИР

Мир — произносится в зале Колонном.
Мир — повторяет грузин и казах.
Мир — за него, обагрив знамена,
Воин Кореи дерется в горах.

Мир! В нем мечты и надежды народов,
Вера в свободу и счастье труда.
Мир — это значит работать заводам,
Нивам шуметь и расти городам!

Мир — это дети счастливые в школе,
Светлая радость в глазах матерей,
Труд вдохновенный на фабрике, в поле,
Дружба, единство всех честных людей.

Николай Андреев

СОЛДАТСКОЕ СЛОВО

За Родину кровь проливая,
Я страны Европы прошел.
Прекрасней тебя, дорогая
Земля, я нигде не нашел.

Над миром день светлый поднялся —
Советский солдат победил.
И счастье, и радость, и песни
Он людям земли подарил!

Но снова враги замышляют
Нарушить наш мир и покой,
Преступную руку заносят,
Грозятся народам войной.

Меня не страшат их угрозы:
Чтоб миру в столетьях цвести,
Готов я в солдатской шинели
Опять все бывшее пройти.

Угрозы врагов не страшны мне —
И радость видал и беду.
Коль нужно для Родины будет —
По тем же дорогам пойду.

Цвети, дорогая Отчизна —
Свободы великая мать.
Тебе по плечу все невзгоды,
Тебя никому не сломать!

Абрам Ривлин

ЭТО БЫЛО У НАС

РАССКАЗ

Машина шла проселочной дорогой. И хотя ночь густо окутала землю, Матвей почти видел раскинувшиеся по обе стороны привольные без конца и края поля. За последние два месяца ему не раз приходилось проезжать по этой дороге. Вон там, справа, мелькают огни Васильевки. Он помнит, как ремонтировал в этом селе трактор. Пока возился с мотором (а на это ушел чуть ли не весь день), раз пять приезжал председатель колхоза. Степенный, пожилой, он слезал с двуколки и, приглаживая седеющие усы, неизменно спрашивал:

— Скоро?

— Скоро, скоро. И чего вы зачастили сюда? Только отвлекаете, честное слово.

Председатель сердито хмурился, подходил к машине, тяжело вздыхал и, обращаясь к трактористу, помогавшему ремонтировать машину, говорил:

— Эх, товарищ водитель, в такое горячее время ты аварию допустил! Чует мое сердце, обгонят нас соседи, раньше сев кончат!

А когда тракторист завел «НАТИ» и, включив скорость, уехал в степь, председатель крепко пожал Матвею руку и предложил забежать к нему домой, немного перекусить. Механик отказался: надо было ехать в другое село.

Вон там, впереди, опять показались огни. Это «Красная заря». «Хороший колхоз, богатый. Пожалуй, не хуже васильевского, — размышлял Матвей, — а левее — «Переселенец»...

Машину то и дело подбрасывало на выбоинах. Свет фар выхватывал из темноты то придорожный кустарник, то кусок свежеспаханного поля. Ехали долго, и механику стало казаться, что этой степи не будет конца.

— А нам с вами, Матвей Селиверстович, не попадет? — нарушил молчание молоденький шофер автопередвижки Владимир. — Скажут, зачем без спроса вернулись?

Матвей приоткрыл окно кабины и, охваченный холодным весенним ветерком, спокойно ответил:

— Не попадет. Мы свое задание выполнили.

Два месяца Матвей не был дома. Часто вспоминал друзей. Давно не видел Павла Вальцева, Алексея Задорного. Хорошие ребята, боевые.

Таких тракторных бригадиров, пожалуй, в области немного. И разве только они? А чем хуже Семен Лепехин или Иван Лабутин? Нет, не напрасно Куприяновская МТС всегда впереди: и на ремонте, и на севе, и на уборке — всегда. Дружные там люди, крепкий коллектив.

Полгода назад по соседству с куприяновцами была создана новая МТС. Там запаздывали с ремонтом тракторов, и вот Матвею предложили отправиться на помощь к соседям.

— Надо ехать, Матвей Селиверстович, — говорил ему замполит Федор Григорьевич. — Сам знаешь, механизаторы там молодые, только недавно курсы окончили. Поможешь ребятам.

Матвей согласился. В Куприяновской МТС ремонт тракторов и сельхозинвентаря подходил к концу, и молодой механик, всегда любивший, чтобы работы было, как говорится, по горло, с удовольствием думал о предстоящем напряженном труде. Только жалел, что не успел зайти в мастерскую, где ремонтировались машины Вали Быстровой. Сколько раз наблюдая, как быстро и хорошо работает Валя, он ловил себя на том, что думает о ней.

— Ничего, — успокаивал себя Матвей. — Скоро вернусь.

Однако прошел месяц, второй, а он не был дома. Начался сев. Спешка, с которой в новой МТС завершали ремонт, не прошла бесследно. То из одного, то из другого колхоза сообщали: «Вышел из строя трактор. Немедленно высылайте механика»... И Матвей с автопередвижной мастерской колесил по колхозным полям. Но бывали дни, когда тракторы работали бесперебойно, и тогда автопередвижка одиноко стояла на центральной усадьбе МТС. Матвей скучал. Однажды он связался по телефону со своей машинно-тракторной станцией, спросил, как идут дела, и услышал в ответ голос замполита:

— Сеем! А ты что, заскучал? Терпи, ты там нужнее, чем здесь.

И вот Матвей едет домой. Это решение он принял внезапно, каких-нибудь два часа тому назад, когда в свежем номере областной газеты увидел сводку о ходе весеннего сева. Куприяновская МТС, в которой он начал свой трудовой путь и где от ученика слесаря вырос до механика — его МТС стояла в сводке на пятом месте. Снова и снова Матвей брал в руки газету, смотрел и не верил: как же это так? Он привык видеть свою МТС на первом месте и всегда гордился этим. И вдруг — на пятом месте! Нет, надо немедленно ехать домой!..

...Машина вышла на широкую дорогу, ведущую в Куприяновку.

— Куда сначала? — спросил Владимир. — В контору или на квартиру?

— В контору.

— Есть в контору! — громко ответил шофер, тоже обрадованный тем, что наконец-то приехали в родное село.

— Ты меня обождешь тут, — сказал Матвей, прикрывая за собой дверцу кабины. Через несколько минут он сидел в конторе. Директор МТС Пантелей Лукьянович Басков и его заместитель по политической части Федор Григорьевич расспрашивали молодого механика о делах у соседей.

— Трудно сейчас сказать, конечно, как они сумеют посеять — вовремя или нет, — заключил Матвей после того, как обрисовал обстановку в соседней МТС, стараясь быть беспристрастным. — Специалистов у них маловато... Вот ведь что...

— М-да... — неопределенно протянул директор, поднялся из-за стола и прошелся по кабинету. Матвей заметил, как он нахмурил брови, задумчиво пощипывая подбородок.

— Что будем делать, Федор Григорьевич? — обратился он к замполиту.

— Я думаю, помощь посылать надо посOLIDнее. В райкоме партии такого же мнения.

— Все это так. Но кого пошлем? Вот вопрос. Надо же сделать так, чтобы и нам не в ущерб. Ну-ка присаживайся сюда.

Директор и замполит словно забыли о Матвее. Низко склонившись над столом, где под стеклом лежали списки механизаторов, они долго говорили о том, кого можно послать в помощь соседям. Было решено: в шести бригадах забрать по одной машине и вместе с трактористами отчислить на время сева в соседнюю МТС.

Слушая их разговор, Матвей понял, что совершил ошибку. «Не надо было возвращаться сюда раньше времени», — думал он, и тут же оправдывал себя: «Ведь я целых два месяца в своей МТС не был... И потом — пятое место... Почему я должен стараться для соседей?..»

— Надо бы в Ползуновскую МТС позвонить, — проговорил между тем Федор Григорьевич. — Может быть они тоже в помощь кого-нибудь пошлют? Я сейчас свяжусь с ними по телефону.

Замполит вышел.

— Правильно! И пошлют, а как же ты думаешь, обязательно пошлют! — запоздало отозвался Басков и пристально посмотрел на Матвея.

— О чем ты, Матвей Селиверстович, задумался?

— Как-то интересно получается: наша МТС на пятом, а мы для соседей стараемся. Не понимаю, честное слово, ну зачем я торчал там два месяца?

— Ах, вот оно что!.. — улыбнулся Басков. — А хочешь я тебе одну историю расскажу?

— Дело это было на Украине. Про Героя Социалистического Труда Марка Озерного слышал? Ну, вот. Снял Озерный рекордный урожай кукурузы. И такой это был высокий урожай, что все диву давались. Приехал к ним в колхоз Никита Сергеевич Хрущев, посмотрел, как там дела обстоят, и говорит Озерному: «То, что вы получаете высокие урожаи — это хорошо, но вот плохо, что колхоз отстает». Крепко эти слова запомнил Марк Озерный, все силы приложил, чтобы свой опыт другим передать. И понимаешь, вся артель добилась высокого урожая. Но это еще не все, — продолжал Басков. — Через некоторое время приехал Озерный в Киев на совещание передовиков сельского хозяйства. Рассказал он о том, что колхоз уже вышел в передовые. А Никита Сергеевич и говорит ему: «Теперь, Марк Остапович, надо поднять район, ваш район отстает...»

— Понял? — спросил он и посмотрел на молодого механика, хитро прищурившись. — Район отстает...

Матвей кивнул головой, но ничего не ответил.

Директор подошел к столу, стал собирать бумаги, поглядывая на Матвея.

— Вот и подумать надо, как лучше помочь.

«А вдруг кого-нибудь другого пошлют?» — пронеслось в мыслях Матвея.

— Так я сейчас обратно поеду, — сказал механик, торопливо рванувшись с места. — До свидания!

Он выбежал на улицу и крикнул все еще сидевшему за рулем Владимиру.

— Заводи машину! Разворачивайся! В обратный путь!

— Матвей Селиверстыч! — опешил Владимир. — Мы два месяца дома не были. Как же так?

— Ничего, брат. Это не беда. Ну, поехали...

Вскоре в кабинет директора вернулся Федор Григорьевич.

— А где же Матвей Селиверстович? Уехал? Вот досада!

Басков вопросительно посмотрел на замполита.

— Понимаешь, сегодня как раз Валя Быстрова из бригады прибыла за походным горном.

— Что же из этого?

— Она ждет не дождется Матвея, раз десять спрашивала, когда он придет.

— Да-а, — сочувственно произнес Басков и не то виновато, не то смущенно улыбнулся.

— Тут я оплошал. Тут мы с тобой, Федор Григорьевич, сработали несогласованно, вразнобой, так сказать.

...А машина мчалась вперед. Матвей посмотрел на крепко сжимавшего руль Владимира:

— Хочешь, расскажу интересный случай?

— Давай, — сердито ответил шофер.

— Дело это было не у нас, на Дальнем Востоке, а на Украине...

Иван Попов

ОТЧИЗНА МОЯ

Раскинулась, словно герой-богатырь,
Безбрежная вольная русская ширь:
От знойного юга, памирских высот
До северных грозных широт.
Здесь завтрашний день созидает народ,
Здесь Ленин родился, здесь Сталин живет,
И смело ведет к коммунизму тебя
Партия наша, Отчизна моя.
Здесь мощные силы народа растут,
Здесь правда с свободой, как сестры, живут,
И песни поются о счастье людей
Над гордой Отчиной моей.
Здесь новых заводов встают корпуса,
В пустынях сухих вырастают леса,
Шумят урожаем в колхозах поля —
Родная Отчизна моя!
На Волге, Днепре и на Тихом Дону
Народ подчиняет стихию—волну.
Мы знаем: во всем этом воля твоя,
Родная Отчизна моя!
Овеяна славою в битвах страна.
Как сплав лучшей стали, крепка и сильна
Народов твоих боевая семья,
Родная Отчизна моя.
Великая правда, как солнечный луч,
Рассеет зловещее скопище туч.
А даль коммунизма близка и ясна,
Родная Отчизна моя!

Владимир Орлов

Я ЕХАЛ ПО ДОНУ

Бывает: картина не тронет,
А схватит за сердце, друзья...
Я ехал недавно по Дону
Проведать родные края.

Увидеть донские станицы,
Над белыми хатами дым,
Места, где по спелой пшенице
Я бегал мальчишкой босым.

Увидеть сень желтых акаций,
И пусть, что они отцвели,
Увидеть и снова признаться
Им в первой и вечной любви...

Я ехал по Дону... Смеркалось,
Тянул ветерок со степей.
И вдруг впереди показалось
Бескрайнее море огней.

Сквозь серую дымку тумана,
Когда мы к огням подошли,
Увидел я: ловкие краны
Тавровые балки несли.

Высокие фермы стояли —
Уральская добрая сталь.
А рядом блестели каналы,
Стрелою идущие вдаль.

Шумели повсюду машины
Над вольною русской рекой.
А темное тело плотины
Лежало в Задонье дугой.

Исчезли песчаные косы,
Курганов знакомых гряда...
Врезались в грунт землесосы,
Кипела под ними вода.

Сигналы, веселые крики
И кранов торжественный взмах...
Как будто был праздник великий
На низких донских берегах.

Иван Кадомцев

С Е М Ь Я

РАССКАЗ

I.

На одной из зеленых улиц, которая тянется вдоль берега реки, огибающей полукольцом город, уютился небольшой домик с палисадником. В нем живет Лиза Ракитина, молодая вдова, одна из лучших работниц мотороремонтного завода.

Степан Дубов стоял у ветхого заборчика, которым был обнесен домик, и ждал: может быть, откроется окно или отворится дверь — и все напрасно...

Было так тихо, что Степану даже казалось будто он вот-вот услышит, как стучит его сердце. Он оглянулся: вокруг ни души. Вдалеке мелькнула пара и растаяла в вечернем полумраке. Со стороны городского парка мерно, все более и более усиливаясь, полились звуки песни — пели парни и девушки. Слова были светлые, как лучи восходящего солнца.

Песня растревожила в нем старое... Не посчастливилось ему дойти до Берлина. Два года назад, в сорок третьем, сгорел подбитый в атаке танк, погибли боевые друзья по экипажу, и сам он, Степан, контуженный, раненный в ногу осколком, чуть не сгорел вместе с боевой машиной. И сгорел, если бы не верные товарищи.

Не повезло Степану и в семейной жизни: в том же году умерла жена. Рассказывали, когда он возвратился из госпиталя, что простудилась, слегла в постель, да так и не встала... Единственная дочь Люба заботливыми людьми была определена в детский дом.

Пролежал Степан в госпитале целый год — вылечили и приказали гвардейцу-сержанту идти в отставку. Степан приехал домой в Приамурье, в родной город. Здоровьем, действительно, нельзя было похвастаться, но поправлялся он быстро. А вскоре Степан просил военкома послать его на фронт. Степану отказали:

— Без вас обойдутся. Да и какой вы воин: контужен, хромой — не в обиду будь сказано... Иди на завод. Люди там нужны.

Степан принял на мотороремонтном заводе трехтонку, временно устроился на квартиру к бабке Ульяне и взял из детского дома свою дочь.

В горячей работе шли дни, недели, месяцы... Закончилась война. И Степан понял: надо настраиваться на мирный лад, обзаводиться гнездом. Дочке Любе нужна была материнская забота и ласка...

Вот почему так задумался Степан: перед ним неотступно встал вопрос, так мучавший его последнее время. Как быть ему, Степану? А все могло бы быть очень просто. По душе ему пригласила Лиза. И он ей открылся, но она серьезный разговор превратила в шутку. Степан надеялся и верил, что его судьба — именно Лиза, что она все-таки пойдет ему навстречу.

«Что это я? — удивился самому себе он. — Не восемнадцать же мне лет... Да и вообще, кто же ждет счастья у калитки? Не пойдешь к нему, не добейся, не возьми его — оно, и не заметишь как, пройдет стороной, хотя оно самое настоящее твое...»

Он открыл калитку, широко шагая, взошел на крыльцо, постучал. На стук никто не ответил. Степан постучал еще раз, более решительно, громче — результат был тот же. Тогда он дернул дверь за ручку, она легко распахнулась, и он вступил в темноту сеней.

И еще одна дверь, и опять стучал Степан, и опять без разрешения открыл ее, тяжело шагнув через порог.

Он очутился в коридорчике. Электрический свет от лампочки, висевшей под самым потолком, струился мягко и ровно. Степан огляделся.

Будто кто-то играл с ним злую шутку: прямо — дверь, направо — дверь, налево — дверь, и все плотно прикрыты.

«Фу, чорт, — подумал Степан, — все закрыты. Но нет, теперь я во все двери буду стучаться, а просто так, ни с чем не уйду...»

Пока он соображал, в какую же из трех дверей вернее всего постучать, из передней комнаты вышла женщина.

Это была Лиза. Она остановилась в двух шагах от него.

Степан заглянул в ее глаза — большие, темные, лучистые... И по этим глазам, и по выражению лица, такого ясного и открытого, Степан скорее догадался, чем понял, что он не зря пришел...

— Извините, не побеспокоил?

— Нет, что вы... Пройдемте...

Они прошли в ту самую комнату, откуда только что вышла Лиза. Здесь было сумрачно.

— Экономлю электроэнергию, — то ли шутя, то ли серьезно сказала хозяйка. — Да и помечтать в потемках приятно... Так размечталась, что и не заметила, как вы пробрались в дом...

Она развела по сторонам шторы и раскрыла настежь окно.

Чудесная шла ночь над приамурской землей... Полный месяц смотрел с высоты. Искрились и мерцали в голубом небе яркие звезды. Из палисадника от цветущей черемухи в комнату хлынул пьянящий аромат.

Прошли первые минуты волнения, и Степан почувствовал себя свободнее и смелее. Он сел у стола, стоявшего посередине комнаты. Лиза осталась у окна. Она стояла вполборота к Степану, глядя в окно, а ему хотелось, чтобы она смотрела только на него.

В окно тянуло ветерком и прохладой. Долетали слова песни, которую пела молодежь в парке.

Небосвод над тобой опрокинулся синий,
Плещут быстрые реки, вздыхают моря;
Широко протянулась большая Россия,
Дорогая Отчизна твоя и моя.
О тебе, светлоокой, моей зорьке красивой,
В этот радостный вечер вновь задумался я...

Лиза, не оборачиваясь к Степану, заметила:

— Хорошо поют! Весело... А ведь и им было тяжело. Не очеретвели... Живучая русская душа!

— Не о нас это... — глухо отозвался Степан. — Не для меня...

— Почему же? Неужели для вас все уже в прошлом? Разве нам нельзя мечтать о лучшем? Или в самом деле вы считаете, что наша песенка спета — старички?

— Мечтать — о лучшем, о счастье?.. Вот ты... ты, Лиза... Разве ты думаешь об этом?

Лиза повернулась. Черные с отливом синевы волосы ее четко оттеняли белизну лица, открытого и девически свежего. И вся она, складная, гибкая, производила впечатление милого и юного существа, несмотря на свои тридцать лет: будто не время властвовало над ней, а она над временем...

Глаза их встретились: пытливые, изучающие — Степана, беспокойно-жаркие — Лизы. Степана так и обожгло.

— Хочу ли я счастья? Очень хочу, но всему свой срок. Прости, Степан, не могу я тебе сказать тех слов, которых ты ждешь.

Лиза приумолкла, нежно глядя на Степана. И глаза ее говорили: «Извини, Степан...» Так смотрят только на любимого человека, которого обидели...

С тех пор, как Лиза ближе узнала Степана, ее повлекло к нему с непреодолимой силой: было в нем много энергии, мужества и прямоты, что делает мужчину по-настоящему красивым. Иногда в мыслях она ставила себя рядом с ним — вот так, рука с рукой, локоть к локтю, — тогда она яснее понимала, что впереди может быть еще много прекрасного и что она не в праве и не в силах заглушить в себе властного зова жизни. Но Лиза не говорила об этом Степану раньше, не сказала и теперь. И для этого была важная причина.

Лицо Степана стало мрачным, окаменело.

«Мучается человек. Скажу... Пусть знает все».

И после минутного раздумья, тяжелого для обоих, добавила:

— Вопрос наш, Степа, не решится, пока не приедет сын. Двенадцать лет ему. Большой. Смышленный. Вдруг воспротивится? Да и у тебя дочь. Кажется, ровесница моему Петру — четвертый класс закончила. Вот видишь. А она — пустит ли к себе в душу?

Кровь ударила в виски Степана, он порывисто встал и, прихрамывая на правую ногу, бросился к окну, к Лизе, но та, минуя его, перешла к столу и села на стул. Степан остался у окна.

— Ты любишь? Любишь! Ну, разве это препятствие — то, о чем ты говорила? Главное — то, что мы любим друг друга!

— Нет, Степа, главное в том, чтобы были счастливы дети... чтобы они любили и уважали друг друга... чтобы у нас была семья—хорошая! Крепкая! Без этого и наше счастье сгорит, как солома. Ведь не хочешь же ты этого?

— Что же мы должны делать?

Ему искренне хотелось, чтобы у них была хорошая, крепкая семья. И как можно скорее.

— Будем ждать приезда сына Пети. Вы узнаете друг друга. Надеюсь, он тебя сумеет полюбить... Этим временем и я лучше подружусь с Любой... И запомни, Степа, это очень трудное дело...

— Экая ты недоверчивая, Лиза. Ведь они — наша кровь... наша частица... Не поймут, что ли?

— Будем надеяться. В Любе я даже уверена: она меня хорошо знает, и общительная она такая. Но в Пете сомневаюсь... Вы друг друга совсем не знаете... Может быть он и от меня отвык... Целый год у деда в селе гостит, сначала просто так, а потом дед заболел — Пете пришлось у него остаться. И четвертый класс там заканчивает...

В голосе матери зазвучали грустные нотки: она любила сына и соскучилась о нем. За весь год один раз только и встречались. Зимой ездила. А после так и не удалось...

— Ты молодец, Лиза! Признаюсь: я об этом не задумывался хорошенько.

Лиза подошла к окну, подставляя разгоряченное лицо ветерку, потянувшему со двора.

— В воскресенье поеду за Петей... Как Лиза? — неожиданно спросил Степан.

— В добрый путь! — ответила Лиза.

II

В ночь под воскресенье Степан долго не мог заснуть: надвигалось в его жизни большое событие. Отношения с Лизой открылись ему с новой стороны. Нельзя сказать, чтобы он не думал о детях. Нет, он их любил и думал о них больше, чем о себе. Но ему всегда казалось, что с ними утрясется само собой. Теперь же он очень отчетливо представлял, что почти все зависит от того, поймет ли его, как надо, мальчуган Петя.

Только начал брезжить рассвет, Степан поднялся. Когда оделся, взглянул на Любу, спавшую на своей кровати: она улыбалась одним краешком розовых пухлых губ.

Наскоро всполоснув лицо, Степан поцеловал дочь в лоб, на который скатились белые, как лен, колечки кудрей, вышел из дома, зашагал по направлению к гаражу.

Жил он по соседству с Лизой и, проходя мимо ее дома, задержался.

В какую минуту, думал он, в душу запала искорка, от которой возник этот огонь, осветивший и согревший все внутри? С чего это началось? Ах, да. С вечера под новый год. После работы он зашел в механический цех, чтобы подточить гайки для крепления колес. В цехе никого уже не было. Только Лиза стояла у станка и обтачивала заготовку. Она мельком взглянула на Степана и опять сосредоточилась на работе.

«Какая гордая! — подумал Степан. — И замечать не хочет. Встречаются еще такие люди: и живешь с ними рядом, и на одном производстве работаешь, а все чужие...»

Он быстро справился со своим делом, но ушел не сразу. Что она тут точит? Раньше он слышал, что она неплохая работница.

— Что же так припоздали, скоро Новый год, а вы все здесь? Видно старому порядочно задолжали? — шутливо спросил Степан.

— Да, задолжала. Наверное, и вы не без долга будете провожать старый год? — глядя на Степана, ответила Лиза.

— Нет, мы во-время рассчитываемся... Не как некоторые горе-работнички,—резко, с ехидным намеком сказал Степан и шумно зашагал из цеха.

А на утро в местной газете он прочел, что Елизавета Николаевна Ракитина встретила Новый год выполнением двух годовых норм. Степану стало стыдно за свое вчерашнее поведение... Ему хотелось извиниться перед Лизой, и вскоре случай представился.

Однажды после работы его вызвал директор завода. Зайдя в кабинет, он увидел Лизу. Она что-то горячо говорила, директор внимательно слушал. С появлением Степана Лиза на минуту умолкла...

— Продолжайте, продолжайте, — попросил директор. — А вы, товарищ Дубов, послушайте.

Степан ступался. Уж не промазал ли он в чем-нибудь. Но как ни напрягал память, ничего плохого о себе вспомнить не мог. Только вот, тот предпраздничный разговор обидел женщину... Но неужели из-за этого...

Лиза, покрасневшись, отчего стала походить на девушку, продолжала:

— Или взять еще, к примеру, Степана Дубова. Он удлинил кузов своей трехтонки до пяти метров. Под кузовом смонтировал третью ось. Сколько вы теперь, Степан Петрович, груза вывозите?

— Да так, семь-восемь тонн... — ответил Дубов, волнуясь, как школьник.

— А теперь скажите, Степан Петрович, кто еще работает по вашему методу?

— Пока никто...

— То-то и оно... Двойная экономия — но только у одного Дубова... А для всех шоферов запрет в этом наложен?

— Ну, уж в этом моей вины нет, — оправдался Дубов. — Я предлагал председателю месткома...

— Вот в том-то и дело, что председателю месткома. Долго он раскачивается. Я, как член месткома, прошу вас, товарищ директор, созвать конференцию стахановцев возможно быстрее. Людям есть что рассказать, чем поделиться, над чем подумать.

— А как вы смотрите на это, товарищ Дубов? — спросил директор. — У вас что-нибудь наболело на душе?.. Есть что рассказать?

— Я поддерживаю... Верная мысль...

— Ну спасибо, товарищи. Спасибо за то, что попросту указали на наши недостатки. По правде, совещание стахановцев запланировано нами, но жизнь обгоняет все планы — поторопимся. Нужное это дело. Выросли новые люди, рационализаторы, а поделиться опытом, поговорить по душам редко приходится. Ну, скажите, товарищ Дубов: разве терпим этот факт, что даже лучшие наши работники не знают друг друга?

Директор пристально посмотрел на Дубова. Лиза рассмеялась. Степан понял: рассказала...

«Ну что ж, правильно!» Но, оказывается, в том конфликте не только он, Дубов, виноват...

Когда вышли от директора, Степан остановил Лизу.

— За то... помните, вечером, под Новый год... вы меня извините...

— Полно вам... Вы же считали, что я отстающая. И сказали обо мне то, что думали. Значит, вы прямой человек. Я таких уважаю.

С этого-то и началось настоящее знакомство. Теперь они встречались, как друзья, делились мыслями, впечатлениями, и Степан все чаще ловил себя на том, что он стал искать различные предлоги для встреч с Лизой. И когда-то — то ли на заводском совещании стахановцев, когда они рядом сидели в президиуме, то ли в одну из встреч у колодца — их дружба перестала быть простой дружбой, к этому чувству добавилось новое — сильное, прекрасное. Это была любовь. Степан мучительно носил это чувство в своем терпеливом сердце, так как Лиза держалась с ним подчеркнуто строго, не обращала внимания ни на его намеки — сначала, ни на его серьезные признания — потом.

И вот, всего пять дней тому назад, Лиза сказала то, чего он ждал с трепетом.

...Степан зашагал дальше.

В гараже он провозился, казалось ему, недолго: проверил машину, залил горючее, но, когда выезжал с заводского двора, был рассвет.

— Куда в такую рань? — проверив путевку и пропуская машину, полюбопытствовал сторож.

— В погоню за счастьем! — шутливо ответил Степан.

— Так, так... — иронически заметил старик. — В молодости оно само в руки идет!

И уже вслед удалявшейся машине он покачал головой.

— Беспокойный народ пошел!

Машина шла легко. Остался позади город, и шоссе побежало в гору, когда Степан впереди заметил неподвижную фигурку девочки. Степан дал сигнал и в ту же минуту резко нажал на тормоза. Машина остановилась как раз перед девочкой, которая так и не сошла с места.

Степан выскочил из кабины.

— Цела? Не ушибло? — испуганно спрашивал девочку, теперь бросившуюся ему навстречу.

— Пап, возьми меня с собой, — сквозь слезы проговорила девочка.

Это была дочь Люба.

— Ты почему здесь? Что делаешь? Как сюда попала? — удивился Степан.

— Тебя ждала, — прижимаясь к отцу, отвечала Люба. — Ведь я знала, что там, дома, ты отказался бы взять...

— Как же это так? Ведь ты спала, когда я уходил...

— И вовсе не спала.

— А откуда ты узнала, что я поеду? И куда поеду?

— Елизавета Николаевна сказала: «Твой папа за Петей поедет...» А бабушка Ульяна говорила: «Степан Петрович приказывал в три часа разбудить... Спозаранку, видно, укатить куда-то хочет»...

Степан рассмеялся.

— Ну и девчонка! Тебе бы только разведчицей быть!

Люба просияла, но сразу же поняла — напрасно.

Отец повернул неожиданно и круто:

— Что же с тобой делать? Можно было бы с собой взять, да за такие проделки не стоит.

Люба молчала, понутив голову.

— Вот тебе наказание: иди домой и спи!

Степан влез в кабину, включил скорость. Отъехав с десятков метров, остановился, высунулся из кабины, поглядел назад. Дочь стояла на дороге.

— Ну лети сюда, стрекоза! Куда же от тебя денешься? — голос отца звучал примирительно.

Люба сорвалась с места, бросилась к машине и через какое-то мгновение сидела рядом с отцом.

— Ну и хитрый ты, папа, — прильнув к отцу, наивно высказалась дочь. — Думал, что уйду...

— Видно, тебя трудно перехитрить, — отпуская ручной тормоз и включая скорость, ответил отец.

Люба свернулась калачиком, и тотчас ее окутала дремота.

III

Не спится Сергею Сергеевичу. Прислала Лиза письмо: мол, в воскресенье приедут за Петей, будет нужен дома. А зачем нужен — ни слова. Не стряслась ли какая беда с дочерью?

Старик встал, оделся, потихоньку, чтобы не разбудить внука, прошел на кухню.

Не горело в печи, как обычно, по утрам. Ведра, чугуны, чашки — все в беспорядке стоит на лавке, до всего руки не доходят, а Петька все время у больного друга, Сережки, пропадает... Да, недаром, знать, говорят: без хозяйки — и дом сирота. И что это старая не едет? После того, как он выздоровел, уехала к дочке в совхоз да и прижилась там, словно не знает, что она тут больше нужна...

Сергей Сергеевич остановился в раздумьи: за что приниматься? Печь ли растопить или в конюшню пойти? Правда, на конюшне дежурит надежный парень, да так уж у старшего конюха вошло в привычку: каждое утро и каждый вечер быть на своем посту — самое горячее время для конюха. И сейчас подмывает старика пойти туда. Да как уйти? Нужно гостя встречать, приготовить... Сергей Сергеевич не мог изменить правилам гостеприимства. Но когда приедет? Может быть, и торопиться-то нечего, все успеет сделаться...

Старик еще не принял решения, когда услышал, что к дому подъехала машина. Он поспешно вышел на крыльцо. Навстречу шли двое: мужчина в синем промасленном комбинезоне, туго подпоясанном военным ремнем, и белокурая девочка.

— Вы, Сергей Сергеевич? Здравствуйте! Степан Дубов, — представился приехавший, пожимая сухую руку старика.

— А это — провожатый? Небось, дочка?

— Угадали... Всею семьей к вам...

— Всею?

— Да, всею...

— Ах, так-так, понимаю... А дочка похожа на вас: две капли воды... Что же это мы стоим?! Добро пожаловать, проходите. Ждали, ждали... Ведь Лиза заранее уведомила.

Петя поднялся с постели. Он сидел на табуретке и зашнуровывал ботинки, но, завидев Степана и Любу, оставил свое занятие, поднялся, ловкий, подтянутый и аккуратный.

— Ты уже на ногах! — обратился к нему дед. — Ну, тем лучше. Знакомься!.. За тобой приехали...

Петя подал руку Степану. Но с девочками он никогда не знакомился. Подумал, подать ли руку выжидательно стоявшей перед ним девочке, и решил воздержаться...

Сергей Сергеевич усадил гостей за стол, а внук принялся заканчивать прерванную было работу, с любопытством исподлобья посматривая на приехавших. Весь вид его, как заметил Степан, показывал, что он не очень рад приезду гостей.

— Начнем с завтрака, что ли? Мы привыкли рано трапезничать...

Сергей Сергеевич засуетился, подавая на стол кувшины с молоком и сметаной, хлеб, помидоры, огурцы, яблоки...

Степан приглядывался к старику: ведь от него в большей мере зависела степанова судьба... Какой он? Добрый или злой? Прямой или скрытный? Вдруг не поймет. На вид ему было около семидесяти... Поседевшие волосы. Высокий, в глубоких складках морщин, лоб. Зоркие, с металлическим блеском глаза. По внешности он был сух, а каждое его движение говорило, что в этом старом человеке много еще бодрости и силы.

— Вот и завтрак готов! — ставя на стол бутылку водки, настоенную на черемухе, подвел итог своим хлопотам Сергей Сергеевич. — Только не обессудьте, хозяйка в отъезде, особого ничего не сумел приготовить...

К столу подсели и дед с внуком. Петя нехотя пил молоко. Люба предпочла яблоки. Дед подбадривал ее:

— Ты, Любаша, не стесняйся. Будь как дома!

Степану и себе он налил из бутылки.

— Долго стояла. Специально для такого случая...

— Не обижайтесь, Сергей Сергеевич... По нашему, по-шоферскому так: в дороге хмельному быть нельзя.

— Резонно. Умное слово хорошо послушать, — согласился хозяин и тут же добавил: — Но за встречу, — неужели откажетесь?

— Так и быть, по одной можно...

Выпили, закусили... Степану стало жарко. Он расстегнул комбинезон, и на гимнастерке матово-ровно заблестел орден Красного Знамени.

— За что такая высокая награда? — поинтересовался старик.

— За Сталинград.

— И ранили там? Видел, прихрамываешь...

— Нет, это уж на Украине...

— А ведь мои хлопцы, — горделиво подхватил старик, — тоже там воевали и за Сталинград и за Украину. Старшего-то и ранили под Киевом.

Сергей Сергеевич откинулся на спинку стула.

— Степан Петрович, а ведь, выходит, мы — родня, а? Кровная родня!

— Давняя и близкая, — подтвердил Степан. — Все мы, советские люди, — большая родня. И по крови и по духу...

Долго еще потом Сергей Сергеевич и Степан Петрович беседовали. И каждый не скупился в рассказах: было чем поделиться как тому, так и другому.

Петя жадно слушал фронтовые истории, ловил из уст Степана каждое слово. И ему чудилось, будто перед ним вовсе не Степан, обычный человек, а сказочный богатырь. Эх, слушать бы еще и еще, затаив дыхание, с замиранием сердца. Но есть у Пети свой долг — долг дружбы, который велит ему теперь жертвовать многим. Петя вышел из-за стола: надо сходить проведать Сережу. За ним ускользнула и Люба.

За разговором ни Степан, ни Сергей Сергеевич не заметили исчезновения ребят.

— Куда это они? — забеспокоился Степан.

— Ничего, придут... Дети — их к себе не привяжешь...

— Ехать пора, Сергей Сергеич!

— Позволь, позволь... К чему такая спешка? И Лиза писала: не задерживайте... А почему — ни слова, догадывайся сам... Случайно не знаешь?

— Знаю. И даже не случайно. Ваша дочь выходит замуж...

— Что? Лиза? Замуж? И отцу с матерью — ни слова. Хороша, нечего сказать!

— Вот я и приехал — за вашим благословением и за Петей.

— Погоди-ка, дорогой товарищ... А почему именно ты?

— Почему? — Степан взглянул на старика, хотел угадать, как он отнесется к тому, что он сейчас ему скажет. Но сам смутился.

Сергей Сергеевич не дал ответить Степану.

— Не говори. Тебя, дорогой, насквозь видно... Значит, ты и есть жених?

— Да, решили сойтись...

— Так, так, вон как дело оборачивается...

Степан ждал, что еще скажет Сергей Сергеевич.

А он насупил темные брови. Глаза стали серьезными. Набил трубку махоркой, закурил.

«Собирается с мыслями... Волнуется, — отметил про себя Степан. — Да и можно ли в таком случае быть спокойным? Решается судьба дочери».

— Не курите? — осведомился Сергей Сергеевич. — А вот я дружу с трубочкой. Помогает думать... А забот много. Кажись, и пора бы на отдых — по годам-то... Да как тут отойти от дела? Сынов, дочерей, зятьев да внуков — считай, целый взвод... И всем нужен: одному показать, другого пожурить. Всякое бывает... Вот теперь вы с Лизой...

— Скажите, Сергей Сергеевич, о нас...

— Скажу.

Глаза старика заблестели живо, наполнились теплотой.

— Без семьи вам обоим нельзя. Дети у вас. Надо их воспитывать, людьми сделать, к делу приставить. А разве ты заменишь мать? А Лиза — заменит отца? Нет. Детям нужны оба — и мать и отец. Ну, что же, раз полюбились друг другу — сходитесь да живите. Вот и будем дважды родня. Только мирно, ладно живите, чтоб других завидки брали.

Степану было приятно и радостно слушать слова одобрения и советы старого человека. Может быть, впервые он в себе ощутил столько сил и такую большую, хорошую жизнь.

— Только Петька-то вам, чай, не к спеху? Побыл бы у меня, пока старуха не заявится.

— И рад бы оставить. Пусть помогал бы. Да ведь он нам нужен. Нам надо сродниться.

Во дворе поднялся шум. Степан, а за ним и Сергей Сергеевич вышли во двор. Вокруг машины — ватага ребят, в центре — Петя и Люба. Шел оживленный разговор. С появлением взрослых голоса один за другим стали угасать.

— Готовы к отъезду? — спросил Степан. — Ты, Петя, готов?

— Я? Я не поеду, — тихо, но твердо, не глядя на Степана, сказал мальчик.

Дед нахмурился, и вид у него стал сразу грозным. Он шагнул ближе к Пете.

— Почему? — строго спросил внука.

— Я не могу ехать... По-вашему оставить больного товарища, да?

В глазах старика появилось недоумение: откуда столько прыти у мальчишки?

— Ты должен ехать, — отрезал он. — Сережке ты ничем не можешь. А проведовать его буду я.

В эту критическую минуту вступилась Люба:

— Дедушка... Папа... Ведь ему, правда, нельзя ехать. Какой же он тогда будет друг? Вот, если б...—Люба не закончила, потускнела, уставилась в землю.

— Что? — горячо подхватил Степан.

— Сейчас мы были у Сережи. Фельдшерица сказала: нужна срочная помощь, хирург нужен. Он есть в Ивановке. И как назло, колхозная машина куда-то ушла. Везти не на чем.

Люба подняла глаза и увидела, что отец слушает внимательно, с сочувствием.

— Вот, если б ты, папа, его отвез в Ивановку. Тогда и Петя мог бы поехать с нами.

— Ясно. Садитесь в кузов, ребята, а ты Петя — в кабину. Поедем к вашему товарищу. А вас, Сергей Сергеевич, попрошу сходить в правление колхоза, позвонить в больницу, предупредить.

...Серёжу в больницу сопровождала мать. Петю и Любу, как они ни просились, Степан не взял с собой. Возвратился в «Рассвет» Степан уже около полудня.

— Как довезли?

— Что сказал врач?

Петя и Люба засыпали Степана вопросами.

— Операцию сделали при мне, — ответил он. — Через неделю-другую будет на ногах. Вот тогда и приедете к нему в гости.

— Спасибо вам! — неловко поблагодарил Петя Степана.

— Ну, Петро, может не вдруг свидимся.

Дед с внуком расцеловались.

Петя и Люба полезли в кузов.

— Куда вы? Садитесь в кабину! Вместе веселей! — предложил им Степан.

— Пап, мы договорились в кузове ехать. Отсюда все будет видно, как на ладони!

Степан только рукой махнул: эта девчонка всегда ввяжется не в свое дело и помешает. Он рассчитывал в дороге побыть с Петей рядом, поговорить по душам...

Простившись с Сергеем Сергеевичем, Степан завел машину. Заработал мотор, грузовик вздрогнул, мягко оторвался с места, мерно покачиваясь, выплыл на дорогу.

— До свидания, дедушка!

— До свидания!..

Люба махнула рукой. Петя что-то кричал, но его слов дед так и не расслышал: они утонули в гомоне ребячьих голосов.

Вот скрылась из виду машина, разлетелись, как воробьи, ребяташки по домам, а дед все стоял у ворот.

IV.

Как только выехали за село, на гладкое, укатанное шоссе, Степан перешел на третью скорость, и машина помчалась «с ветерком».

Петя присматривается к Любе: глаза голубые и ясные, как небо; белокурые кудряшки так и прыгают, и кажется, что эти колечки сейчас зазвенят... Розовое ситцевое платьице трепещет на ветру. Тоненькая Люба, как лозинка, и, наверное, легкая. И Пете думается, что вот-вот ветер подхватит ее и унесет нивесть куда.

— Смотри не выскочи! За кабину крепче держись! А ноги пошире поставь, вот так. Пружинь их, как на лыжах! — Петя показывает, как надо держаться, как пружинить ноги.

— Ничего, не бойся, не упаду. Я цепкая! — и Люба смеется: чудак этот Петька, думает, раз девчонка, так и слабенькая.

Солнце щедро льет потоки лучей, они серебристо играют и скользят по молодым листьям орешника, обступившего широкими рядами дорогу с обеих сторон. А за орешником широко, насколько глаз хватает, раскинулись поля: в любую сторону, кажется, конца-краю нет.

А машина все рвется и рвется вперед. Манящая даль летит навстречу. Люба покачивается то назад, то вперед. «То ли нарочно, то ли от ветра», — думает Петя. Он берет Любу за руку, поддерживает.

— Не упади!

— Петя, это и есть степь?

— Ты что же, никогда не видела, что ли? Она — наша мать. Так дедушка говорит.

— Мать... А у меня мамы нет. Умерла...

— Давно?

— Когда папа на фронте был...

Горький комочек подкатил к Петину горлу. Сжалось от боли сердце. Петя стиснул зубы. А когда отошло, глухо отозвался:

— А у меня отца нет... На фронте убили. Еще в начале войны... За Доном...

Пете представилось, что далеко-далеко, где-то в украинских степях, ветер колышет траву над неприметной могилой отца. Непрошенная слеза накатила на глаза.

— Знаю, Петя, знаю. Только не надо это... — успокаивала Люба, а у самой голос дрогнул, сорвался, и она так и не договорила.

— Это верно, не надо! — в свою очередь поддержал Петя Любу. — Крепитесь нужно.

Стоять надоело. Они уселись рядышком.

Там, в селе — в доме дедушки и в беготне к Петиним товарищам, когда Степан отвозил в больницу Сережку — новым знакомым так и не пришлось разговориться. Зато теперь представлялась возможность, и словоохотливая Люба была рада этому.

— Петя, ты ведь меня до этого не знал?

— Нет.

— А я знала тебя. Мама твоя, бывало, рассказывает: и такой ты и этакий — что надо... А я все боялась: а вдруг не такой, какой-нибудь бука или забияка, драчун. А теперь сама вижу: и правда, с тобой дружить можно.

Бойкая на язык и умная девочка нравилась Пете и, главным образом, потому, что сам он любил больше слушать, чем рассказывать.

— А знаешь, как это получилось, что мы вместе с папой за тобой приехали? Слышу: папа встал. В гараж пошел. А я — в окно. Это, чтоб не беспокоить хозяйку. Да за город! Там и дождалась отца.

Петя рассмеялся.

— И не боялась?

— Когда городом шла — ничего, а за городом — страшно.

Люба о чем-то задумалась, потом резко, задорно вскинула голову. Колечки ее волос так и запрыгали. В голубых глазах девочки вспыхнули золотые огоньки.

— Знаешь, Петя, что я придумала? Поедем вместе в пионерский лагерь?

— Да я еще не пионер.

— Как же это так? Значит, не пионер?

Люба шумно вздохнула — огорчилась. Огоньки в ее глазах померкли.

Пете стало стыдно. В самом деле, почему он не пионер? И как ни думал, ответа на вопрос не находил. Люба в лагерь уедет одна, без него.

— Ничего, не горюй, — ободрила Люба мальчика. Лицо ее прояснилось. — Настанут занятия — тебя примут. Без разговора примут. Я же знаю, что ты примерный. Дай-ка свидетельство...

Петя подал свернутый трубочкой документ об окончании начальной школы, который он, как драгоценность, не выпускал из рук. Люба отвернулась.

— Хорош, хлопчик-молодчик! И где ты набрал столько пятерок?

Неугомонная и веселая девочка вдруг присмирела, сделалась скучной.

— Ты что это?

— Есть одна причина. По русскому хромаю. На экзаменах чуть не засыпалась...

Петя удивился: такая говорунья и по русскому языку отстаёт...

— Не горюй... Будем учиться в одной школе — помогу.

З небе с мощным рокотом стремительно летел самолет, весь в блеске от лучей солнца.

Люба, прикрыв ладонью глаза от солнца, глядела вслед удалявшемуся самолету.

— Буду летчицей. К самому солнцу полечу. Только б русский осилила!

Закинув голову назад, подняв руки к глазам, чтоб из-под ладони следить за самолетом, Люба, не отрываясь, смотрела ввысь. И Пете она казалась чудесной птицей. И стоит ей опустить сейчас руки — крылья, она взмоет в воздух. Такая долетит и до солнца!

Петя почувствовал, что и сам он заражается необычным воодушевлением.

Люба налегла на кабину. Петя поднялся, встал рядом с ней.

— А знаешь, кем я буду? Шофером, как твой отец.

Люба была первым человеком, кому Петя поведал свою тайную мечту.

Машина с шумом шла под уклон. Мелькали, убегая назад, придорожные кусты, телефонные столбы.

— Вот так буду ездить!

— Попробуем, кто быстрее...

Грузовик вскочил на бугор. Внизу, по сторонам дороги, стройно протянулись два ряда домов пригородного поселка. Через несколько минут они уже ехали к центральной улице родного города.

— Петя, взгляни налево! Видишь кирпичные заводские корпуса? Там и работает мой папа.

— И гараж там?

— Там...

Петя забарабанил рукой по кабине. А когда машина стала, он выпрыгнул через борт на шоссе.

— Что случилось? — остановив машину и сходя на дорогу, спросил Степан.

— Вам в гараж нужно. А я пешком дойду. Теперь до дому рукой подать.

— Нет, это не по правилам, парень. Мне приказано тебя прямо к дому доставить.

Петя нахмурился.

— Ну, как знаешь...

Мальчик поблагодарил Степана. Метнул глазами в сторону Любы, встретил ее осуждающий взгляд, отвернулся, поправив поясok и одернув рубаху, зашагал в сторону, к Набережной.

Степан смотрел вслед парнишке.

«Что это значит? Не хотел из-за ложной стыдливости встретиться с матерью при свидетелях? Очень возможно. Но могла быть и другая причина. Отгадать трудно.

И с какой стороны подойти к нему? Какой ключ нужен к его сердцу?».

Не знал он, что никакого ключа теперь и не нужно было: Степан и Люба для него стали близкими, очень близкими людьми.

— Пап, ты о чем? — прервала размышления отца дочь.

— Интересный парнишка...

— Правда, очень хороший мальчик, — сказала Люба, хотя она и обиделась на Петю за то, что он не захотел ехать с ними дальше.

У самого дома Петя остановился, стараясь сдержать нахлынувшее волнение. Калитка распахнулась, и он увидел мать. Они очутились друг против друга. Петя бросился к матери, повис у нее на шее и долго не выпускал из своих объятий.

— Вот ты и приехал, мой сокол! Ждала, ждала — и дождалась! А сегодня все глазыньки проглядела. Все опасалась: вдруг что случится в дороге...

— Что ты, мама... Разве у такого шофера может что случиться? Глазом не успел моргнуть — и дома.

Легкий румянец покрыл щеки матери.

— Шофер — что надо! С душой работает, — похвалила мать Дубова.

Петя не заметил, что слова эти были произнесены с особой теплотой. Он глядел на мать и радовался: она изменилась к лучшему, стала свежее и веселее.

Лиза, держа сына за руку своей грубоватой от работы, но теплой рукой, провела его в дом, прямо на кухню, за стол. И он, пока обедал, все рассказывал, как живут дедушка и бабушка, как он учился. Потом мать объявила, что пойдет за покупками в магазин.

— Родных у нас здесь нет, а соседей да знакомых пригласим в честь твоего приезда.

— Мама, не забудьте о Степане Петровиче.

Петя вышел проводить мать.

«Сказать или повременить? — размышляла Лиза. — Скажу. Зачем откладывать. Степан сыну понравился, а это — главное. И этого достаточно...»

Открывая калитку, Лиза остановилась и, глядя куда-то в сторону, виновато обратилась к сыну:

— Петя, я хотела тебе сказать... Что, если у тебя будет отец?

Для Пети это было так неожиданно, что он не вдруг нашелся, что ответить.

Мать, помедлив, прибавила:

— Ты его знаешь... Степан Петрович Дубов.

Петя искал и не находил слов для ответа.

Минута молчаливого ожидания оказалась для матери невыносимо тяжелой. Петя видел, как лицо ее побледнело.

— Подумай, Петя, подумай, — только и проговорила она, неловко повернулась от сына и медленно вышла за ограду.

И тут только к Пете пришла решимость, пришли нужные слова. Но что делать? Мать шагала, не оборачиваясь, влилась в людской поток, и ее не стало видно, а Петя все глядел и глядел туда, где она скрылась.

Петя вошел в дом. Вот налево его, петина, комната. Все здесь было, как раньше: у стенки железная койка, у окна столик, покрытый цветистой скатертью с чернильными пятнами, на нем — его любимые книжки, в углу — этажерка, а на ней — бюст Сталина.

Петя потихоньку вышел из комнаты, осторожно, бесшумно прикрыл дверь, будто боясь потревожить оставшееся там раннее детство.

А это прямо — общий зал. И здесь, кажется, не произошло перемен: мамина койка, круглый стол среди комнаты, вокруг него — стулья, в переднем углу — зеркало-трюмо... А вот здесь, на передней стене, между окон... Петя поднял голову и замер. Так было всегда: с фотокарточки, которая висела на стене, внимательно и требовательно глядел отец. Но теперь стена была пуста. Петя перевел взгляд ниже. На тумбочке, что стояла под портретом, всегда лежала аккуратно сложенная

стопка писем — в синих, зеленых, серых конвертах или просто свернутых треугольником — фронтовые письма отца. Их тоже не было.

Эта комната, где он научился ходить, где впервые осознал себя человеком, где прежде было столько интересных событий — забавы, шалости, игры — эта комната казалась теперь чужой.

Петя порывисто повернулся, бегом выскочил из дома, резко хлопая дверями — и на крыльце чуть ли не сбил с ног Степана.

— Петя? Куда так торопишься?

Петя не ответил.

Степан поглядел на мальчика, понял, что творится с ним что-то неладное.

— Ну, если не торопишься, то помогай мне. Приглашал в гости — значит, принимай. Возьми-ка, брат, корзинку да веди в дом!

Петя исполнил просьбу молчаливо. Они прошли сначала на кухню.

— Ну-ка, выкладывай, что там есть! — скомандовал Степан, кивнув на корзинку.

Петя, хотя и без охоты, исполнил приказание: выгрузил на стол колбасы, селедку, печенье, конфеты...

— Кажется, вечер затеваете. Я сейчас в магазине был. Видел мать. Она передавала твой наказ, чтоб и я был. А я на вечера со своим прихожу — с тем, что повкуснее.

Петя молчал.

— Ну, а это... Что бы такое это было, как ты думаешь?

У стены стояло что-то большое, квадратное в сером чехле. Петя стгоряча и не заметил, что Степан, кроме корзины, принес и эту вещь.

— Вижу, не догадываешься. Вынимай!

Петя расстегнул чехол: на него с большого портрета внимательно и строго взглянул отец.

Это была увеличенная художником копия с фотокарточки, которую Петя не обнаружил на своем месте.

— Немного опоздал художник. Хотелось, чтобы к твоему приезду портрет висел на стене.

— А о письмах вы знаете? И письма целы?

— А как же? Мать их хранит в надежном месте, в комоде.

Петя благодарно посмотрел на Степана, и вдруг ему стало легче, теплее.

— Мама мне говорила... — начал было Петя, но замялся.

— Что же тебе говорила мама?

— Что вы теперь — мой отец.

— Ну, и что? Кажется, ты отказываешься?

— Я согласен. Тогда я просто не сумел сказать маме.

Степан обнял Петю и крепко поцеловал в лоб. Шел он сюда не с твердой надеждой, что так получится.

— А зря ты отказал мне, чтобы я довез тебя до дому.

— Зря, — согласился Петя, загораясь от стыда: ведь, если бы они вместе приехали домой, все получилось бы, пожалуй, проще.

Они еще стояли рядом, и рука Степана лежала на плече Пети, когда в дверях показалась Лиза. По тому, как они смотрели друг на друга — доверчиво и просто — Лиза поняла, что самое главное уже произошло и что отныне этих людей связали невидимые нити отцовско-сыновнего родства. Впервые за последние годы она почувствовала себя по-настоящему счастливой.

— А мы собирались на розыски, — весело обратился к Лизе Степан, первым заметивший ее. — Нам нужен распорядитель. Дело ждет, готовиться к встрече гостей надо.

Но не успели они приняться за ожидавшее их дело, как в дом настойчиво постучались. Петя поторопился открыть дверь и вскоре вошел с Любой.

— Ну, знакомьтесь еще раз! Получше знакомьтесь! — предложил Степан. — Люба, это твой брат Петя.

— Правда?! Вот мы за кем ездили! И раньше мне — ни слова.

Люба сияющими глазами глядела то на Степана, то на Лизу, то на Петю.

Петя подошел к Любе, взял ее маленькую руку в свою и крепко пожал.

— Ну, идите во двор, отдохните. В дороге, наверно, устали. А мы без вас управимся, — и мать проводила детей за дверь.

* * *

К встрече гостей все было готово.

— Теперь можно и передохнуть! — Степан взял Лизу за руку, и они прошли в переднюю комнату, к окну.

— Куда это улетели наши птенцы?

— Прилетят...

Лиза открыла окно настежь. В комнату пахнуло таким крепким ароматом отцветающей черемухи, что закружилась голова. Ветерок срывал лепестки цветов, и они, легкие, как пушистые снежинки, долго кружились в воздухе, прежде чем опуститься на яркую зелень двора. На смену весне шло лето.

— Знаешь, Лиза, о чем я сейчас думаю? О наших детях. Много в них хорошего. Всего сразу и не заметишь. Умный, чуткий народ!

— Есть в кого таким быть, — улыбаясь, с застенчивой гордостью отозвалась Лиза.

Глаза их встретились: большие, темные, лучистые — Лизы, голубые, с золотыми огоньками в зрачках — Степана.

И Степан и Лиза поняли, что живут они сейчас одним глубоким чувством радости.

Дмитрий Цирулик

ЛЮДИ КОЛХОЗА

К О Н Ю Х

Ночь. Еще не рассвело,
Петухи не пели.
Спит спокойным сном село,
Позабыв о деле.

Вьюга с вечера мела,
А теперь стихает.
Дед Гаврила вдоль села
Неспеша шагает.

Вот в конюшню входит он,
Как перед парадом,
Осмотрел со всех сторон:
«Прежний ли порядок?»

Засветил фонарь в углу,
Плюнул на ладони,
Взял лопату и метлу:
«С добрым утром, кони!».

И, как строгий командир,
Он прошел рядами.
Всех улыбкой наградил
Теплыми словами.

Убирая, он ворчит
На гнедых любовно:
«Вам бы только все сорить,
Сговорились словно».

Поредела темнота:
Солнце встало, значит...
А в конюшне чистота,
Хорошо день начат!

СЧЕТОВОД

Счетовод Иван Беседин
Строгий счет всему ведет.
Слово лишнее в беседе
У него не проскользнет.

Он в правление приходит
Чуть засветится заря,
Он сейчас итог подводит
С января до января.

Он ведет рассказ на счетах,
Подытожив каждый день,
Как народ в полях работал,
Как поднялся трудовень.

Здесь указаны расходы,
Там записан весь доход,
И дела животноводов,
И успехи полеводо-
За истекший долгий год.

И встает перед глазами
Отошедших дней страда...
Колосится степь хлебами,
Ходят тучные стада.

Год делами трудовыми
Славу новую принес.
Так за цифрами простыми
Во весь рост встает колхоз!

Владимир Ивагин

ПЕРВЫЙ РЕЙС

Лед прошел. И следом
Вышел из затона
Первый пассажирский пароход.
Дал гудки победно
Низким баритоном,
На Амуре сделал разворот.
Девушка-радистка
Шлет в эфир сигналы:
«В рейс готовы. Курс—соседний порт,
Следуем на пристань,
К правому причалу,
Груз и пассажиров взять на борт».
Люди с эстакады
«В добрый путь!» — желают
Речникам в парадных кителях.
Торжество и радость.
Пристань, как живая.
Поднят навигационный флаг!

Георгий Кузьмин

ХОРОШО ПОБРОДИТЬ ПО ПОЛЯМ

Хорошо побродить вечерком,
Когда небо огнем золотится,
Когда с легким степным ветерком
Тихо шепчется в поле пшеница.

А цветы луговые в росе,
Наклонившись к земле, засыпают.
И трещат перепелки в овсе,
И на поле туман наплывает.

И колышется спелая рожь,
Песня вольная нарастает.
То на стане в досуг молодежь
Так поет, что душа замирает.

Приамурские степи мои
С птичьей песней, с душистой травой,
Без конца перелески, ручьи
Да колхозные нивы стеною.

Хорошо побродить вечерком,
Когда небо огнем золотится,
Когда с легким степным ветерком
Тихо шепчется в поле пшеница.

ВЕЧЕРА НА АМУРЕ

Разрумянился красками майский закат,
Над водой тальники молодые стоят,
И вечерней прохладой сменилась жара...
Хороши на Амуре стоят вечера!

Ночь крадется с востока над гребнями гор,
Затихает в прибрежном саду птичий спор.
Над Амуром веселые песни плывут
Про любовь, про родную страну и про труд.

И листвою шелестят сады и леса,
Вторит песням гармошка на все голоса,
Да нарушат порой разговор катера.
Хороши на Амуре стоят вечера!

Поднялась высоко из-за леса луна,
Бьет игриво о берег скалистый волна.
По речному простору серебряных вод,
Весь огнями сверкая, плывет пароход.

На песчаной косе заискрился костер,
Рыбаки начинают в кругу разговор.
Затянулась беседа у них до утра.
Хороши на Амуре стоят вечера!

Михаил Поправко

ЗАВЕТНАЯ

РАССКАЗ

Оставляя позади мерцающие огоньки, поезд дальнего следования с грохотом пронесся мимо небольшого полустанка. В вагонах тихо. На полках спят пассажиры, убаюканные перестуком колес. Только на средней полке одного из купе не спит рядовой Воронов. Он давно прочитал журнал, купленный на одной из станций, и теперь лежит с открытыми глазами, перебирая в памяти события последних дней.

«Как быстро несется время», — думает Воронов. Прошло меньше недели, а кажется будто вчера стоял он с Железновым перед строем, и командир зачитал приказ о том, что за отличную учебу им предоставлен отпуск...

И вот уже поезд приближается к родным местам. До сна ли сейчас? Воронову хочется поделиться с кем-нибудь чувствами, заполнившими его солдатское сердце.

«Вот Железнов, наверное, седьмой сон видит. Ему что — ехать еще далеко», — рассуждает Воронов, вглядываясь в лицо своего друга, лежащего на противоположной полке.

Но тот, оказывается, тоже не спал. Глаза его были приоткрыты.

— Не спишь? — тихо спросил Воронов.

— Нет. Не спится что-то, браток.

— Отчего бы?

Железнов ответил не сразу. Он повернулся на бок, достал папироску и, лишь раскурив ее, заговорил:

— Я как простился с товарищами, так с тех пор и покоя мне нет, словно свою родную семью потерял. Верить ли? Ты-то рад, конечно, — домой едешь. Встретят тебя мать, отец, друзья. А меня?

Наступило неловкое молчание. И Воронов в душе ругал себя за неуместный вопрос. Ведь он хорошо знает о том, что у Железнова, кроме сестры, никого из родных не осталось в живых. Отец его погиб где-то в Восточной Пруссии в годы Отечественной войны, а мать умерла от тяжелой болезни во время эвакуации. Получив отпуск, Железнов долго колебался: ему казалось, что ехать к сестре, живущей теперь в незнакомой ему семье, как-то неудобно. И он уже хотел отказаться от отпуска, но Воронов и друзья уговорили его ехать.

— Ты же знаешь мое положение, а спрашиваешь, отчего да почему, — продолжал Железнов после некоторого молчания. — Эх, друг Сережа, баян бы мне сейчас в руки...

— «Заветную» сыграл бы? — спросил Воронов, радуясь тому, что разговор перешел на другую тему.

— «Заветную», — мечтательно произнес Железнов и вполголоса пропел:

Вниз по Волге-реке,
С Нижне-Новгорода,
Снаряжен стружок,
Как стрела летит...

— Душевная песня. Отец, бывало, любил ее. Как возьмет баян в руки, так сразу эту песню.

— Да, великое дело — песня и музыка, — проговорил Воронов. — А вот я играть не умею.

— Тебе, наверное, медведь на ухо наступил, — пошутил Железнов.

— Вот то же самое мне и отец говорил. А ведь у нас в доме и баян есть.

— В самом деле? А кто же на нем играет?

— Да никто. Отец его с фронта как привез, закрыл в футляр, так он по сей день и стоит у него в сундуке. Я как-то раз попросил у него: учиться, мол, хочу. Куда там! Зачем, говорит, душу мою тревожишь?

— Так и не дал?

— Нет. Хранит, как реликвию. Да и не такой, говорит, это баян, чтобы «Чижика» на нем играть. Вот бы тебе, Костя, развернуть его меха.

И, немного подумав, Воронов вдруг сказал оживленно:

— Костя, поедem к нам! Уверяю, что мы хорошо проведем отпуск.

— Что ты, Сережа. А к сестре?

— И к сестре успеешь. С нашей станции подадим ей телеграмму: «Задерживаюсь», и все тут. Ну, хоть на пару деньков.

— Постой, Сергей. Дай подумать. К тебе в гости?..

— Это будет замечательно! — радостно воскликнул Воронов, пожимая руку своему другу. — Значит ты согласен?

— Была ни была! Согласен. Я и загрустил-то потому, что нам с тобой предстояло расстаться. А теперь едем в гости к старому солдату...

— Воронову Ивану Семеновичу, — подсказал Сергей и, вскочив с полки, начал укладывать в свой вещевой мешок солдатские пожитки.

— Ты уже и собираешься?

— Собирайся и ты, Костя. Ехать осталось немного. Вот уж обрадуются отец с матерью! Нагрянем неожиданно.

* * *

Через несколько часов друзья были уже далеко от станции. Они шагали по гладко укатанной дороге. Справа и слева стояли величественные ели. Ветви их низко склонялись к земле.

Утренний воздух бодрил путников, и они уже не жалели о том, что не стали ждать попутной машины. Идти было легко и радостно.

Лес понемногу стал редеть, и, наконец, перед их взором открылось бескрайнее колхозное поле.

— Вот она, кормилица-землица! — восторженно проговорил Воронов.

— Да, поля у вас богатые, — подтвердил Железнов.

По дороге навстречу путникам быстро приближалась подвода. Вороная лошадь, запряженная в легкую повозку, шла крупной рысью.

— Никак председатель колхоза на своем Граче катит, — заметил Воронов, вглядываясь в человека, сидящего на повозке.

Он уже хотел сойти с дороги, как услышал голос отца:

— Стой, Грач, приехали!

Конь резко взметнул вверх голову, так что она коснулась дуги.

— Вот тебе и председатель, — с удивлением произнес Воронов и побежал к повозке. Остановившись в двух шагах от нее, он приложил руку к фуражке и доложил:

— Рядовой Воронов с другом Железновым прибыл в краткосрочный отпуск.

— Ого! Да разве так отца приветствуют? — проговорил Иван Семенович, слезая с повозки. — Вот уж не ждали. Право, не ждали тебя нынче, — говорил он, обнимаясь с сыном. — Думали, что осенью приедешь.

— Знакомьтесь, отец: мой друг Костя.

— Спасибо, спасибо, сынки. Рад вас видеть в своем доме, — говорил он, пожимая руку Железнову, и, как бы спохватившись, заспешил:

— Что же мы стали среди дороги? А ну, по коням! Мать там, небось, все глаза проглядела.

Грач, почувствовав прикосновение вожжей, пошел крупной рысью.

— Интересно, как же вы узнали о нашем приезде? Ведь мы никому об этом не сообщали, — спросил Сергей, беря вожжи из рук отца.

Иван Семенович потрогал усы и хитро улыбнулся:

— А вы-то, наверное, думали: нагрянем неожиданно, захватим врасплох старого Воронова. Так ведь?

— Почти так, — ответил Сергей.

— У нас в таких случаях разведка работает исправно. Не успели вы выйти из вокзала, как мне Варюшка по прямому проводу доложила: «Прибыли два солдата. Следуют в направлении Каменки. В одном из них опознан ваш Сергей. Принимайте меры». Вот меры и приняты.

— Да, чистая работа. Только почему Варя оказалась на районной почте? — спросил Сергей.

— Ее недавно перевели туда работать начальником почты. А разве она тебе не писала об этом?

— Нет. Об этом не писала, — скрывая смущение, проговорил Сергей и, чтобы переменить тему разговора, воскликнул:

— Эх, дороги! Хороши у нас дороги, Костя?

— Хороши. Да и ты тоже хорош. Варю-то свою не заметил, мимо прошел, — отвечал Железнов, весело переглядываясь с Иваном Семеновичем.

* * *

В доме Вороновых было оживленно. Сергея приветствуют друзья и знакомые, знакомятся с Железновым и усаживаются за стол. Железнов, Воронов и Варенька, приехавшая по приглашению Ивана Семеновича, завели оживленную беседу.

Анна Павловна — мать Сергея — гостеприимно рассаживает гостей за стол. Ее ласковый и добродушный взгляд часто останавливается на сыне и его товарище.

— Ну, отец, кажется, можно начинать, — сказала она, обращаясь к мужу.

— И я так думаю, — отозвался Иван Семенович, подымая стопку, наполненную до краев вином. На Иване Семеновиче военная гимнастерка, грудь украшают орден Красного Знамени и медали.

Подкрутив свои гвардейские усы и выждав, когда стало совсем тихо, он заговорил:

— Дорогие гости! Сегодня у нас в доме большая радость: к нам пожаловали солдаты Советской Армии — отличники боевой и политической подготовки. Отличники, — подчеркнул он и, немного подумав, продолжал:

— Мы, колхозники, тоже не остались в долгу перед Родиной. В прошлом году сняли богатый урожай, первыми в районе рассчитались с государством. Нынче быстро и хорошо провели весенний сев и думаем собрать еще больше хлеба. Выходит, и мы отличники. Так ведь? Наше колхозное хозяйство из года в год растет. Недавно мы пустили в ход электростанцию, построили добротные помещения на животноводческих фермах. Жизнь наша улучшается с каждым днем. Так выпьем за нашу могучую Родину и ее мудрого вождя товарища Сталина.

Когда все выпили, Иван Семенович вышел из-за стола и скрылся в соседней комнате. Через минуту он появился снова среди гостей с чудесным баяном в руках.

— Эх, душа солдатская! Шесть с лишним лет на нем никто не играл. Не мастер я играть-то. Но сегодня среди нас есть настоящий баянист, да и солдат к тому же. Сыграй-ка, Костя. Сергей рассказывает, что ты большой мастер по этой части.

На лице Железнова засветилась счастливая улыбка. Он быстро пробежал пальцами по всем клавишам. Удостоверившись в том, что баян на самом деле хорош, он вопросительно посмотрел на Сергея, как бы спрашивая: что бы такое сыграть?

Не дождавшись ответа, он торжественно объявил:

— «Заветная». — И лихо потрянув головою, словно стараясь откинуть назад падавшие на глаза волосы, заиграл:

«Вниз по Волге-реке...»

Дрогнуло сердце у старого солдата. А когда знакомая до боли мелодия старой песни заполнила дом и когда присутствующие подхватили песню, Иван Семенович с изумлением посмотрел на Железнова.

А песня звенела все громче и стройнее. На минуту ему показалось, что он среди фронтовых друзей и что на баяне играет тот Железнов, песни которого согревали солдат в холодных землянках. И сразу вспомнил, как погиб Федор Железнов. Вот он, смертельно ранен в атаке, лежит в землянке, заботливо укрытый солдатской шинелью. Вспомнились слова Федора перед смертью:

— Иван Семенович, ты уж присмотри за моим баяном. Хороший баян... Жив будешь, — передай его моему сыну Косте. Адрес... — Но адреса он не знал, и видно было, как преодолевая боль, он о чем-то сожалел:

— Адрес, Иван Семенович, старый. Ты знаешь его. Они вернутся домой... — Внезапно речь Федора оборвалась...

— Иван Семенович, я, кажется, своей песней испортил вам настроение? Отчего бы это так? — спросил Железнов.

— Фронтовые воспоминания, Костенька, — ответил Воронов, ласково глядя в лицо Железнова, и тихо добавил:

— Песня, сынок, разве ж она забывается?

— Кто-нибудь до меня играл эту песню?

— Играл один солдат, хороший солдат. Друзьями были мы с ним. Да вот не довелось ему дожить до победы. Умирая, передал он мне вот этот баян.

— Хороший баян, Иван Семенович, — проговорил Железнов, проводя рукой по наружной поверхности инструмента. Пальцы его нащупали врезанную наискось монограмму.

Иван Семенович, следивший за движением руки, видел, как задрожали пальцы баяниста.

Быстро повернув баян к себе той стороной, на которой красовалась серебряная пластинка с надписью, Железнов замер от неожиданности, прочитав с детства знакомые слова:

«Лучшему производственнику Федору Железнову»

— Баян моего отца, — тихо проговорил он, обводя взглядом всех присутствующих.

— Что ты говоришь! — удивленно проговорил Иван Семенович. Потом подумав, добавил: — Хороший был у тебя отец, Костя, он просил меня передать этот баян тебе. Но сколько я ни разыскивал, никто не мог ответить, куда выехала семья Железновых. А теперь вот и исполнилась последняя просьба Федора. Ты сам нашел свой баян. Береги его, как память об отце, и весели солдат так, как это делал твой отец.

— Я, кажется, нашел не только баян, — взволнованно проговорил Железнов, — нашел брата, отца и мать, если разрешите...

На глазах Ивана Семеновича появились слезы. Это были слезы счастья. Он привлек к себе Костю, поцеловал по-русски троекратно и ласково проговорил:

— Что ж! Семья у нас неплохая. Будь же нашим сыном и братом Сергею!

— А теперь сыграй-ка нам еще раз «Заветную».

Илларион Зятыков

НОВАТОРЫ

ОЧЕРК

Заводской гудок еще не извещал о начале смены, а Евгений Небовский был уже в цехе. Солнце только всходило, было свежо. В механическом цехе «Амурского металлиста», где работает Евгений, стоял немолчный гул станков. Рабочие сосредоточенно склонились над деталями. Многих Евгений знал, на ходу кивая головой — здоровался. У крайнего станка Небовский остановился. Степан Семеров закончил обточку детали, сметал стружку, готовя станок к сдаче. На полу лежали готовые изделия: колеса к вагонеткам, блоки и подшипники машин.

— Здравствуй, Степан Нефедович! — поздоровался Евгений. — Как дела?

— Видишь! — кивнул Семеров на готовую продукцию. — Кажется, неплохо! — Он принялся снимать резец, убирать инструменты.

— Подожди, Степан Нефедович, резец-то снимать. Интересная мысль в голову пришла. Что если нам работать одним потоком?

— Как это — одним потоком? — спросил Семеров. — Что-то не пойму.

— А вот слушай. На одном станке мы работаем трое, одни и те же детали обрабатываем, а резцы и инструмент у каждого свои, под замок их прячем. Зачем же так? Вот ты сейчас хотел убрать свой резец — время потратил бы зря. Мне бы пришлось свой настраивать — опять пустая трата времени. По-моему, надо проще: сменять друг друга, не останавливая станок, работать одним инструментом. Я тебя знаю и доверяю, и ты, конечно, меня знаешь...

— О чем говорить! — согласился Семеров.

— Прикинь-ка, пожалуйста, сколько времени мы таким путем сэкономим! — продолжал Евгений. — В сутки — не меньше трех часов, а в год — сорок пять дней!

— Смотри ты! — удивился Семеров. — Уже и подсчитал!

— А как же! Я ведь давно об этом думал. За сорок-то пять дней сколько мы дополнительно дадим государству продукции! А если и другие будут делать так же — большое ведь дело-то получится. Как ты думаешь, Степан Нефедович?

— Что ж тут думать? — улыбнулся Семеров. — Дельная мысль. Начинай, в добрый час!

И три токаря — братья Небовские и Степан Семеров — стали работать одним инструментом. Пересмену делали на ходу. Производительность труда у них повысилась.

Однажды в обеденный перерыв к Небовскому подошел секретарь партийной организации Шименг, спросил о работе, поговорил о разных

мелочах, но Евгений знал: не за этим пришел к нему парторг, что-то важное хотел он ему сказать.

— Значит, дела идут хорошо? — переспросил Шименг. — Простой станка сократили, производительность повысили, что еще надо? Можно и успокоиться?

— Да нет, почему же, — смутился Евгений.

— Значит, творческая мысль погасла? Сколько ты затрачиваешь времени на обточку подшипника?

— Примерно, четыре часа.

— Вот видишь: оказывается есть над чем голову поломать. Подумайте все трое: как сделать, чтобы не один, а несколько подшипников обтачивать за четыре часа!

Парторг ушел, а Небовский виновато улыбнулся и качнул головой: и верно, успокоились, надо было раньше об этом деле задуматься.

И друзья стали искать, а искать новое — нелегкое дело. Найдешь нужное, а оно оказывается таким простым и ясным, что просто диву даешься. Много предложений обсудили новаторы и пришли, наконец, к решению: сделать угольник-призму. Сделали, и время обработки каждого подшипника сократилось до полутора-двух часов. В два раза увеличилась производительность!

Новое приспособление — угольник — быстро завоевал признание всех токарей и слесарей. Теперь у каждого есть такой угольник.

— Думка у меня одна есть, — как-то сказал Евгений брату Григорию и Семерову. — Посидим, покурим.

Евгений присел на деталь, Григорий облокотился на станину, Семеров примостился рядом с Евгением. Закурили.

— Говори, что же ты молчишь? — не вытерпел Григорий.

— Не спеши. Узнаешь. Надо бы нам подумать вот над чем. Больно много времени уходит на обработку двух отверстий в верхнем барабане. Десять часов! Сократить надо.

— Думал я об этом, — вздохнул Семеров. — Ничего не получается.

— А мне кажется сократить можно. Где мы теряем время при обработке барабана? Когда поворачиваем его два раза, а он тяжелый.

Семеров повернулся к Евгению и улыбнулся:

— Тут, по-моему, и искать надо выход. Мою мысль угадал!

— Устроить так, чтобы не поворачивать барабан, — как бы для себя, задумчиво проговорил Евгений. Григорий подсказал:

— И приспособить оправку.

— Верно! — воскликнул возбужденно Семеров. — Давай-ка проверим!

Много дней бились над этим новаторы, бывало сутками не уходили из цеха. Измеряли, резали, приспособляли. Мастер посоветовал приладить вторую деталь, и дело пошло на лад. Они сделали оправку, и время на обработку барабана сократилось в два с половиной раза.

В парткоме как-то зашел разговор о токарях-скоростниках.

— Слышал о таких? — улыбаясь, спросил Шименг Евгения.

— Кое-что, — уклончиво ответил Небовский. Он пока не хотел раскрывать свои карты: все обдумает, тогда и скажет. О ленинградских токарях-скоростниках Евгений слышал много, читал он и о Борткевиче. Но как применить метод Борткевича у себя в цехе? Этот вопрос не давал ему покоя. Он поделился мыслями с братом и Семеровым. Степану Нефедовичу особенно пришлось по душе начинание скоростников, он даже руки потер от возбуждения:

— Дельная штука, дельная! И мы сделаем, все перевернем, а сделаем!

Семеров работал в ночной смене. В эту ночь он особенно пристально присматривался к станку, словно только впервые увидел его. Передвинул с места на место заднюю бабку, а подумав, измерил ее центр, записал. Во время работы давал станку полную нагрузку, до предела увеличивал скорость, примерялся, запоминал.

Когда пришел Небовский, Семеров радостно повернулся к нему и вместо приветствия крикнул:

— Нашел!

Евгений ничего сразу не понял.

— Ключ к разгадке нашел, понимаешь? Ну, что ты на меня так смотришь? — И взяв Евгения за рукав, уже спокойно сказал: — Надо изменить центр задней бабки, его надо сделать вращающимся — и дело будет!

Центр задней бабки установили на шариковом подшипнике, сменили электродвигатель — поставили более мощный. Напайку пластин к резцам произвели по опыту ленинградских скоростников, из твердого сплава.

Много напряженных минут пришлось пережить трем новаторам. Однажды центр задней бабки застрял и не стал вращаться, хотя был уже поставлен на подшипник. Пришлось снова вычислять и замерять, делать поправки. Теперь вращение было безукоризненным.

За работой новаторов следил весь коллектив цеха, одни волновались за них, всеми силами хотели помочь. Были и скептики, не верили, что можно увеличить скорость резания металла.

— Металл не мякишь! — говорили они. — Не выдержит станок и четырехсот оборотов.

— Еще как выдержит! — уверенно отвечал Семеров. — Будьте спокойны!

Наконец, наступил день испытаний. Семеров встал к станку. Для пробы установили стальной вал диаметром в 175 миллиметров. Обычная норма на обработку вала — десять часов.

У станка собрались рабочие, пришли парторг, начальник цеха. Семеров волновался, но не подавал виду. Движения его были неторопливы, точны. Он посмотрел на Евгения, как бы говоря ему: «Вот я делаю вид, что спокоен, а у самого, знаешь, сердце не спокойно — боюсь». Небовский улыбнулся, он и сам волновался, и сказал:

— Пожалуй, начинать надо, Степан Нефедович.

Семеров включил станок, передвинул рычаг скорости. Металлическая стружка, причудливо извиваясь, падала на пол. Четыреста оборотов, а идет хорошо. Семеров еще добавил число оборотов. Шпиндель вращался со скоростью семьсот оборотов в минуту. Небывалая скорость! Некоторые рабочие, стоявшие у станка и с интересом наблюдавшие за работой Семенова, отошли в сторону. Были случаи, когда центр задней бабки стоял мертво, деталь грелась, грелась и неожиданно разрывалась. Осколки шrapнелю летели в разные стороны.

Прошло два часа. Станок работал на большой скорости, но все шло нормально. Вал был обточен. Все осматривали его: ничего не скажешь, отлично сделано, придраться не к чему! А ведь затрачено всего два часа! Два часа вместо десяти! Это была настоящая победа!

Семенова и Небовских поздравляли с успехом. Евгений скромно заметил: — Мало мы сделали! Погодите, то ли еще будет!

Так трудятся простые советские люди Семеров и братья Небовские, так до дна используют технику, обгоняют время, творческим вдохновенным трудом приближают победу коммунизма и укрепляют дело мира во всем мире.

Иван Горбаченко

САДОВОД - МИЧУРИНЕЦ

ОЧЕРК

Максима Романовича Белецкого я встретил в вагоне поезда. Максим Романович возвращался в Благовещенск с республиканского совещания садоводов.

— Из Москвы еду... Самого Лысенко видел... Хорошо сказал Трофим Денисович насчет садоводства... А Москва...

Как и следовало ожидать, этот пытливый, неугомонный человек за короткое время сумел узнать и увидеть очень многое в Москве и теперь делился впечатлениями о столице. Он побывал в мавзолее Владимира Ильича Ленина, в метро, в Третьяковке. Обо всем виденном он говорил так увлекательно, что поневоле заслушаешься.

Мы давно знакомы. Максим Романович Белецкий работает садоводом в укрупненном колхозе «Вперед к коммунизму», Константиновского района. Слушая рассказ о столице нашей Родины, я видел в его коренастой фигуре, в жестах, в движениях, в выражении лица что-то новое и бодрое. Загорелое лицо дышит свежестью, а небольшие серые с голубинкой глаза так и сияют от счастья. Он горячо продолжал говорить:

— А в Ключах сад будет на сорока гектарах! Каково? Теперь у нас на десяти гектарах, а товарищ Лысенко совет дал еще 30 посадить.

* * *

Прежнего Максима Романовича, спокойного, скромного, сосредоточенного, трудно было узнать. Встретились мы ранней весной, когда он работал в колхозном саду. Красив сад в эту пору! Цветут сливы, груши, яблони. Над ними вьются пчелы — неутомимые труженики сада, собирая росинки нектара и перенося пыльцу с одного цветка на другой. Несмолкаемое жужжание царит во влажном, насыщенном весенним запахом воздухе.

Доводилось бывать мне у Максима Романовича и осенью, когда каждое деревцо, каждая веточка дрожит под тяжелой ношей плодов. Садовод срывает яблоко и говорит:

— Вот полюбуйся: плод — красный, ствол — красный, лист — красный. Название ему: комсомолец.

Радость Максима Романовича станет понятной, если учесть, что это яблоко, как и тысячи других, выросло там, где десять лет тому назад был голый бугор.

С далекого Кавказа, вместе с другими переселенцами, переехали в Ключи супруги Белецкие. Переселенцы осмотрелись, обзавелись хозяй-

ством. Им понравились богатые черноземом безбрежные амурские степи, зеленое приволье.

— Одного нехватает, — однажды сказала Анисья Дмитриевна.

— Чего ж нехватает? — спросил ее Максим Романович.

— Сада, — ответила Анисья Дмитриевна.

— В самом деле! А климат здесь подходящий.

В тот вечер супруги Белецкие долго ходили по голому бугру. Они мечтали о большом колхозном саде. Над ними висело высокое звездное небо. Потом взошла луна, и звезды потускнели. Стояла тишина. Лишь внизу, за бугром, в мастерской машинно-тракторной станции глухо постукивал мотор да звонко выговаривала в селе гармошка. А в степи, до самого Амура, блуждали огоньки. Это трактористы готовили земли под посев будущего года.

Правление сельхозартели одобрило инициативу Белецких и назначило Максима Романовича садоводом.

Целыми днями Белецкий бродил по увалам, холмам и падам, отыскивая в кустах молодые дикие яблоньки. Осенью на пустом бугре появились первые насаждения.

Все сильнее и сильнее росло желание супругов осуществить свою мечту. Они не могли примириться с мыслью, что в степях Приамурья не могут расти фруктовые сады.

Ранней весной Максим Романович отправился разыскивать черенки для прививок. Он побывал в Тамбовке, в Ивановке, в Благовещенске, Хабаровске. С ним охотно делились садоводы-любители опытом и посадочным материалом. Так появились в Ключах груши, сливы, яблоки, вишни, малина, смородина, крыжовник и даже дикий виноград.

Шли годы... Щедрая амурская земля вознаградила труд садовода — был снят урожай не только ягод, но и яблок.

Колхозный сад разрастался. С каждым годом в нем появлялись новые фруктовые деревья, кустарники, сад становился серьезным источником колхозного дохода. В нем собрано все ценное, чего достигло амурское садоводство. Здесь насчитывается свыше четырех тысяч насаждений 82 названий. Ежегодно от садоводства поступает в колхозную кассу по 100 и более тысяч рублей. Много фруктов и ягод получают колхозники на трудодни.

Сад Белецкого стал лучшим агитатором за развитие садоводства в Приамурье. Садовод снабдил посадочным материалом из своего питомника 32 колхозных и совхозных сада.

Кажется все сделал Максим Романович, но он не может удовлетвориться достигнутым. Еще в первые годы он разработал агротехнику обработки приствольных кругов и подкормки деревьев. Путем обильного кормления и правильного ухода ему удалось отобрать и улучшить местную вишню, вывести устойчивый от заболеваний крыжовник, разработать методику борьбы с вредителями сада. Но все это не удовлетворило садовода. Из всех имеющихся в саду яблонь только «ефремовская» и «пудовщина» открыто зимуют, остальные посажены полугоризонтально к земле и на зиму прикапываются.

— Где же достать такие сорта, которые не боялись бы суровой амурской зимы? — спрашивал Максим Романович и не получал ответа. Тогда он обратился за советом к трудам преобразователя природы Ивана Владимировича Мичурина и начал бесконечные опыты, принесшие старику немало огорчений. Долго не поддавалась техника опыления. Наконец, удалось перенести пыльцу «антоновки» на цветок дикой яблони. С нетерпением ожидал Белецкий осени, чтобы снять плоды и выбрать из них семена. Но вот в сад зашли ребята, увидели яблочки в белых

марлевых мешочках, сорвали и принесли их садоводу. Все пришлось начинать сначала.

На следующий год собрал семена, которые затем посеял в грядки, а когда сеянцы взошли, женщины перепутали делянки, перекопали их — и все погибло. На третий год Максим Романович проводил от начала до конца опыты лично. Вскоре появилось двадцать шесть сеянцев, но по внешним признакам они почти ничем не отличались от обычных дичков. На них росли продолговатые, блестящие листочки с мелкими зазубринками по краям.

Прошли лето и зима, а весной оказалось, что из 26 сеянцев перезимовало только четыре — остальные вымерзли.

Максим Романович наметил программу воспитания гибридов. Он рыхлил почву, подкармливал растения местными удобрениями, а сам с тревогой следил за развитием листьев. А они упрямо сохраняли все тот же блеск и те же мелкие зазубрины по краям.

Только на третий год испытаний на саженцах появились широкие полуовальные листья с крупными зазубринками по краям, но сохранился блеск, характерный для дичков. Но результат уже виден — опыт удался.

* * *

Поезд, замедляя ход, останавливается на станции. Мы выходим из вагона. Белецкий протягивает мне руку и говорит:

— Некогда... Тороплюсь в областное управление сельского хозяйства. Надо решить вопрос о саде и питомнике... Тридцать гектаров садить — это не шутка! — произносит он и садится в автобус.

— Большой удачи, Максим Романович!

— * —

М. М. Ступников,
депутат Верховного Совета СССР,
председатель правления колхоза имени Сталина, Тамбовского района.

НАШЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В шестидесяти километрах от железной дороги и в пятнадцати километрах от районного центра Тамбовки, за Гильчинской падью, раскинулось село Козьмодемьяновка. Приблизительно семьдесят лет тому назад основали его переселенцы из европейской части России, гонимые жестокой эксплуатацией помещиков и кулаков, безземельем и невероятной нищетой. Но и здесь, в богатой широкими полями и вековыми лесами Амурской области не нашли эти люди счастья. И здесь появились богатеи-кулаки, заставлявшие переселенцев гнуть на них спину.

Нищета, голод, нещадная эксплуатация — все это ушло в прошлое. Новую жизнь, счастье и радость принесла амурским хлеборобам великая партия Ленина—Сталина. Неузнаваемой стала Козьмодемьяновка. Советский, социалистический строй и колхозная жизнь совершенно преобразили ее.

Об этом говорит хотя бы такой пример. На полях нашего колхоза сейчас работает 45 тракторов, 23 комбайна, 40 тракторных плугов, 36 тракторных сеялок и другие орудия. Попробуйте подсчитать, труд скольких десятков людей заменяют эти машины! Сейчас наше село полностью электрифицировано и радиофицировано.

Раньше здесь была одна церковно-приходская школа, в штате которой был один учитель. В ней могли заниматься лишь дети кулаков. А теперь у нас имеется семилетняя школа, в которой учатся 150 детей и работают 15 квалифицированных учителей. У нас есть большой клуб, где регулярно демонстрируются кинофильмы, читаются лекции и доклады, работают кружки художественной самодеятельности.

В селе имеются библиотека, фельдшерский пункт, колхозный родильный дом, зооветпункт, почтовое отделение, сельмаг и другие учреждения, которых не было в селе и не могло быть до установления советской власти.

Выросли наши люди. Год от году вместе с улучшением жизненного уровня растут их культурные запросы. Это можно показать хотя бы на таком ярком сопоставлении из прошлого и настоящего. В дореволюционной Козьмодемьяновке газету выписывали поп, сельский староста и учитель. А сейчас ежедневно в село приходит более трехсот различных газет и журналов. Этот факт говорит о том, что колхозники нашей сельхозартели живут одними стремлениями и желаниями со всем советским народом, активно участвуют в строительстве коммунизма.

Хорошо трудятся колхозники нашего села. Дать как можно больше сельскохозяйственной продукции стране и тем самым крепить ее могущество — с такой мыслью работают они в полеводстве, на животноводческих фермах и в других отраслях колхозного производства.

10 ноября 1950 года — знаменательная дата для колхозной Козьмодемьяновки. В этот день произошло объединение трех сельхозартелей — «Красный орден», им. Мухина и им. Чкалова — в один укрупненный колхоз, названный именем вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина.

Соединив свою экономику, рабочую силу, мы стали в несколько раз сильнее, создали благоприятные условия для дальнейшего, более быстрого роста и организационного укрепления хозяйства. Теперь

мы обладаем такой прочной финансово-экономической базой, какую, конечно, не могли иметь мелкие колхозы. Укрупненная сельхозартель имени Сталина представляет собой крупное, высокомеханизированное сельскохозяйственное предприятие.

Чтобы показать это, достаточно привести следующие цифры: за колхозом навечно закреплено 22589 гектаров земли, из них 12940 гектаров пашни. На фермах артели насчитывается 760 голов крупного рогатого скота, 600 свиней, 130 овец, сотни лошадей, 3000 голов птицы и 217 пчелосемей. У нас имеется десять грузовых и две легковых автомашины, два двигателя внутреннего сгорания, восемь зерносушилок, пять механизированных зерновых дворов, две шпелорамы, мельница и многое, многое другое. Мощная сельскохозяйственная техника обрабатывает поля артели. 93 процента всех полевых работ производятся машинами.

Мудрое указание великой партии Ленина—Сталина об укрупнении колхозов открыло перед нами путь к небывалому подъему артельного богатства. Козьмодемьяновские колхозники, объединившись в одну артельную семью с колхозниками сел Успеновки и Чуевки, приняли пятилетний план развития колхоза, план, который обеспечивает всестороннее и быстрое развитие общественного хозяйства, дальнейшее улучшение материального положения и культурного уровня хлеборобов.

Благодаря укрупнению мы получили возможность перейти к высшей форме планирования колхозного производства — к перспективному планированию.

Нет сейчас в Козьмодемьяновке человека, который бы равнодушно относился к преобразованиям, начатым в колхозе в соответствии с пятилетним планом развития артели. Этот план воодушевил наших людей мечтой о счастливом и радостном завтрашнем дне. С большой активностью и единодушием принимался план на общеколхозном собрании. Много пришлось поработать над ним. Ведь речь шла не о каких-то небольших изменениях, а о коренном преобразовании всех отраслей хозяйства, о создании новых видов колхозного производства. Словом, речь шла о том, чтобы наш колхоз, наше село славились богатыми урожаями, высокой продуктив-

ностью животноводства, настоящей культурой в труде, в учебе и в отдыхе.

Над разработкой перспективного плана развития колхоза много потрудились специалисты: плановики, архитекторы, инженеры-механики, агрономы, зоотехники. Дельные замечания вносили сами колхозники. По их предложениям запланировано проведение в широких масштабах лесопосадок, строительство новых бригадных станков, зернового склада на 2500 тонн зерна, двух зерносушилок и т. д.

Члены сельхозартели хотят видеть свое село красивым, благоустроенным. К нам прибыли и еще должны прибыть семьи колхозников-переселенцев из западных областей Союза. И мы решили строить для них не одноквартирные, а двухквартирные, городского типа, дома с растущими вокруг каждого из них фруктовыми деревьями.

В перспективном плане главное внимание уделяется всестороннему развитию хозяйства, повышению урожайности полей и продуктивности общественного животноводства. В колхозе вводится семь десятипольных травопольных севооборотов на площади 12 тысяч гектаров, кормовой восьмипольный и овощной семипольный севообороты и специальный севооборот на государственном сортоиспытательном участке.

Посев зерновых культур доводится до 5580 гектаров. Большие площади займут технические и кормовые культуры, картофель, овощи, многолетние травы. В кормовом прифермском и овощном севооборотах разместятся кормовые культуры, обеспечивающие полную потребность животноводства в сочных кормах, силосе и зеленой подкормке.

Уделено большое внимание внедрению в практику колхозного производства новейших достижений советской агробиологической науки и передового опыта. Это даст нам возможность повысить урожайность зерновых культур до 25 центнеров, сои — до 17 и картофеля — до 180 центнеров с каждого гектара. В 1955 году наш колхоз будет иметь свой сад на площади в 20 гектаров, лесной и плодово-ягодный питомники. В ближайшее время мы приступаем к посадкам лесных полезных полос, которые через пять лет займут 200 гектаров.

Большое развитие получит животноводство. Намечено в 1955 году иметь 1050 голов крупного рогатого скота, 740 свиней, 2000 овец, 550 лошадей, 8000 голов птицы и 500 пчелосемей. Удой на одну фуражную корову достигнет 2900 литров, настриг шерсти на одну овцу — 3,5 килограмма.

Колхоз имеет все возможности не только для выполнения, но и перевыполнения этого плана. Наша кормовая база стоит на крепких основах, богатые сенокосные угодья полностью удовлетворяют потребности в грубых кормах. Для того, чтобы обеспечить животноводство сочными кормами, уже в этом году вводим прифермский кормовой севооборот. Огромное зерновое хозяйство колхоза обеспечит производство достаточного количества концентрированных кормов.

Намечено провести ряд мероприятий по улучшению водопоя скота, по обеспечению его теплыми, сухими и светлыми помещениями, по механизации трудоемких процессов в животноводстве.

Огромное внимание в плане уделено проведению селекционно-племенной работы. Сейчас на ферме крупного рогатого скота имеем племенное ядро коров и телок, которое послужит основой для создания самостоятельной породной группы, отличающейся высокой продуктивностью и хорошей приспособленностью к местным климатическим условиям. На овцеферме имеются тонкорунные овцы мясошерстной породы. Перед животноводами поставлена задача — добиться такого повышения продуктивности овцеводства, чтобы наша ферма стала основной базой для развития тонкорунного овцеводства в Амурской области.

О том, как вырастет колхоз за пятилетие, можно судить по росту денежных доходов. Если в 1950 году мы получили около 2,5 миллиона рублей дохода, то в 1955 году они возрастут до 6,8 миллиона рублей, а основные фонды артели составят 20 миллионов рублей.

Достаток и изобилие уже прочно вошли в семьи колхозников. Но этого для нас мало. Жить культурно, красиво, как достойно жить советский человек, — вот к чему стремятся колхозники. Это стремление нашло выражение в перспективном плане развития артели. Попробуем мысленно перенестись в 1955 год и предста-

вить себе, какой будет тогда наша Козьмодемьяновка. Через Гильчинскую падь дорога приведет вас в село. По красивой, засаженной деревьями главной улице можно проехать в поле, к фермам, зерновому двору, районному центру — Тамбовке, клубу, правлению артели. Недалеко от въезда в село на 9 гектарах расположится парк культуры и отдыха со спортивными площадками, стадионом, площадкой для танцев, читальней.

Со стороны второй улицы будут видны две школы — средняя и неполная средняя. Недалеко — общественная площадь с обелиском, а напротив нее — здание клуба, правление колхоза, сельсовет и другие. За рекой Гильчин, на ее левом берегу, раскинутся фруктовый сад с пасеккой и питомником. Широкие прямые, покрытые гравием, улицы села будут обсажены деревьями и обнесены палисадничками. Около всех усадеб колхозников вырастут фруктовые деревья и плодовые кустарники.

Таким будет внешний вид нашего села в 1955 году.

Но дело не только во внешнем виде Козьмодемьяновки. Объединение колхозов дало нам возможность заняться капитальным строительством. Претворяя план, мы уже в этом году вводим в эксплуатацию электростанцию на 100 киловатт, кирпичный завод мощностью в 500 тысяч штук кирпича в год. У нас будут построены новые дома для колхозников-переселенцев, новый кирпичный клуб на 400 мест, двухэтажные здания (административное и школы-десятилетки), здания механизированного маслозавода, больницы, универмага, отделения связи, пяти детских садов, пяти детских яслей, насосной станции, пожарного депо и многое другое. На производственные объекты пойдут колхозные затраты, а на строительство культурных учреждений — средства местного бюджета.

В колхозе развертывается большое производственное строительство: семь сараев для сельскохозяйственных машин, материальный и продовольственный склады, центральное зернохранилище на 2 тысячи тонн зерна, шесть бригадных зернохранилищ, картофеле- и овощехранилища, общежития для полевых бригад, два склада концентрированных кормов, склад минеральных удобрений, шесть зерносушилок,

столько же крытых токов — но все это далеко неполный перечень того, что будет построено в колхозе за пятилетие. Много будет построено животноводческих помещений. Среди них — пять конюшен, шесть коровников, три телятника, три свинарника, четыре овчарника, девять птичников, два омшаника и т. д. К этому следует добавить, что возрастет дальнейшая механизация и электрификация трудоемких процессов в полеводстве и животноводстве.

Всего в капитальное строительство за пятилетие колхоз вложит около 18 миллионов рублей своих средств и из местного бюджета.

В этом году колхозники в полную силу развернули борьбу за претворение в жизнь плана развития артели. Они прилагают все силы к тому, чтобы как можно скорее превратить в действительность свою мечту.

Среди лучших хочется назвать полеводческих бригадиров Василия Гудим, Егора Махноносца, Михаила Прохорова и Ивана Котлярова, бригадиров тракторных бригад Василия Гревцева и Илью Жулича, тракториста Ивана Педик, доярку Ирину Фролову заведующей свиноводческой фермой Кирилла Склярова, пастуха Федора Михалюка, бригадира строительной бригады Павла Соловьева, плотников Сергея Герасимова и Петра Новикова, слесаря-моториста Николая Андреева. Это они идут в рядах передовиков колхозного производства, своим самоотверженным трудом вносят неоценимый вклад в успешное выполнение поставленных задач.

Семь полеводческих, овощеводческая и тракторные бригады ведут упорную борьбу за выращивание высоких урожаев в нынешнем году. Колхоз одним из первых в области на высоком агротехническом уровне закончил сев зерновых культур, причем на большей части площади посев произведен узкрядным и перекрестным способами. Нет сомнения, что наши колхозники с честью справятся с взятыми в этом году обязательствами.

Мне бы хотелось еще сказать о том новом, что появится в нашем колхозе за пять лет. У нас раньше не было такой важной отрасли хозяйства, как садоводство. Благодаря укрупнению артели появилась возможность в короткий срок создать эту отрасль колхозного производ-

ства. В колхозе к 1955 году появится своя промышленность. На полный ход будут работать мельница с крушобдирочными агрегатами, механизированный молокозавод, кирпично-черепичный завод, лесопилка, столярно-плотничная и ремонтные мастерские, валяльное производство и производство по переработке овощей. У нас будет насчитываться 600 радиоточек и телефонов, а административный центр будет иметь радиосвязь со всеми полеводческими и тракторными бригадами.

Мы построим 20 водоразборных колонок, которые получают воду из двух артезианских скважин; два пруда — в районах птицеводческой фермы и скотных дворов. Скоро начнутся изыскательские работы по изучению поймы реки Гильчин, где построим большой пруд, что позволит организовать еще одну новую отрасль хозяйства — рыболовство.

Это далеко не все то новое, что появится за пять лет в нашем колхозе. Самое замечательное — это изменения, которые произойдут в составе жителей колхозной Козьмодемьяновки. Уже давно в нашей стране труд хлебороба из тяжелого, изнуряющего в прошлом, превратился в дающий опромное удовлетворение труд. Высокая степень механизации сельского хозяйства способствовала появлению новых специальностей на селе: трактористов, комбайнеров, механиков, слесарей, токарей. Это мастера своего дела, овладевшие сложной техникой люди.

И вот я думаю: сколько таких людей будет в нашем колхозе через пять лет? Много, очень много! В связи с ростом посевных площадей увеличится количество машин, обрабатывающих наши поля. Значит увеличится и количество механизаторов. У нас будет построена новая школа-десятилетка. Значит увеличится и количество учителей. Будет у нас и гораздо больше, чем сейчас, медицинских работников, мастеров-строителей из различных отраслей колхозной промышленности. А сколько появится в колхозе мастеров полеводства и животноводства, закончивших трехгодичные агрономические и зоотехнические курсы!

* * *

В марте текущего года я был на сессии Верховного Совета СССР. Там я впервые увидел Иосифа Виссарионовича Сталина. Какая буря оваций загремела под свода-

ми зала Большого Кремлевского дворца, где проходила сессия, когда товарищ Сталин появился в президиуме заседания. Этот момент на всю жизнь остался в моей памяти. И тогда я, в который раз, подумал: это он, наш любимый вождь и учитель, показал нам путь к еще более счастливой и зажиточной жизни. Это он и руководимая им великая партия боль-

шевиков показали, что этот путь лежит через укрупнение колхозов.

Не узнать через пять лет колхозной Козьмодемьяновки. Выполняя указания партии и Иосифа Виссарионовича Сталина, члены колхоза к 1955 году не только выполнят, но и перевыполнят план развития артели.

В. П. Малышев,

кандидат исторических наук.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

(ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИКОВ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРИАМУРЬЕ)

К началу 1920 года Советская страна одержала ряд замечательных военных побед, все больше расширяла свою территорию, освободив от белых и интервентов Северный край, Туркестан, Украину, Дон, Сибирь и другие области.

Государства Антанты не хотели мириться с мыслью о том, что Советская власть оказалась несокрушимой и вышла победительницей. Международный империализм решил использовать на этот раз против Советской России панскую Польшу и остатки внутренних контрреволюционных сил, возглавляемых генералом Врангелем.

В апреле 1920 года польские войска вторглись в пределы Советской Украины.

В планах империалистов по удушению молодой Советской республики занимали не последнее место происки на Дальнем Востоке.

Английский официоз «Таймс» в передовой статье за 1 января 1920 года провозглашал: «Японии — свободу действий. Польша — с Запада, Япония — с Востока».

Поэтому надо считать не случайным, что, одновременно с выступлением Польши на Украине, Япония оккупировала Северный Сахалин, развязала кровавые события 4—5 апреля 1920 года.

Вооруженное выступление японских войск в Приморье и Хабаровске 4—5 апреля 1920 года знаменовало собою новую попытку прямого захвата нашего Дальне-

го Востока, превращения его в японскую колонию. Внутренняя и внешняя обстановка создала возможность японским захватчикам иметь временный успех в осуществлении своих разбойничьих замыслов.

Интервенты использовали остатки российской буржуазии, феодально-казацкую и кулацкую верхушку. В эти трудные времена большевики Дальнего Востока проявили максимум организованности и выдержки, поднимая народ на борьбу с иностранными захватчиками и их приспешниками.

* * *

Амурская областная организация РКП(б), проведшая два года в условиях подполья и партизанской войны, только в марте 1920 года начала перестраивать свою работу применительно к новым задачам строительства Советской власти в Амурской области.

Вероломное вооруженное выступление японских войск 4—5 апреля и последующие политические события на Дальнем Востоке снова настоятельно потребовали от коммунистов перехода на военные методы работы. Областная партийная организация должна была готовиться к длительной войне против японских захватчиков и белогвардейцев.

Амурские большевики развернули широкую организационную и агитационную работу по объединению трудовых групп населения, укрепляли партийную дисципли-

лину, повели трудящихся области по пути партии Ленина—Сталина.

Собрание коммунистов Амурской областной организации, состоявшееся 24 мая 1920 года в Благовещенске, на котором присутствовало 365 членов партии, обсудив вопрос о текущем моменте, единогласно признало:

«1. что вооруженное нападение японских милитаристов на трудовое население и Советы Хабаровска и Приморья является самой серьезной угрозой рабоче-крестьянской революции на Дальнем Востоке, нарушая прубейшим образом основные права и интересы трудового народа, подвергая все, даже мирное население, ужасам беспощадной бойни и истребления, вместе с тем служит открытым покушением на хищнический захват Дальнего Востока японскими милитаристами;

2. что ввиду этого трудовые классы Дальнего Востока должны принять все меры, направлять все силы для отражения японских захватчиков, призывая под ружье всех способных к вооруженной борьбе и мобилизовав для трудовой повинности по снаряжению и снабжению Красной Армии остальное трудоспособное население;

3. что рабочий класс, крестьянство и трудовая интеллигенция должны проявить для успеха борьбы с покушением японских милитаристов самую высокую степень революционной дисциплины, дабы на всем протяжении борьбы выказать полную готовность поддерживать руководящие советские исполнительные органы во главе с революционным комитетом области, неукоснительно выполняя каждый на своем посту свои обязанности по защите рабоче-крестьянской революции.

Собрание считает, что члены партии должны проявить в момент опасности максимальное напряжение сил, работая не покладая рук по укреплению и защите рабоче-крестьянской революции и ее органов, что мобилизация членов партии должна быть проведена в самом широком масштабе, с привлечением к ней всех партийных работников и распределением их на те или иные революционные посты.

Собрание призывает всех членов партии в исключительно серьезный момент революции не делать ни малейшего отступления от партийной дисциплины перед руководящими партийными органами, вплоть до предания виновных в нарушении дис-

циплины революционному народному суду». (Партархив Амурского обкома ВКП(б), д. 7, л. 33).

Амурская областная организация РКП(б) за годы гражданской войны и интервенции завоевала огромный авторитет у трудящихся. Она была той ведущей силой, которая поднимала народные массы на борьбу с врагом.

После событий 4—5 апреля трудящиеся Приамурья еще теснее сплотились вокруг партии большевиков. Об этом ярко свидетельствует быстрый рост партийной организации. С 1 января по 1 ноября 1920 года было вновь создано 96 первичных и 10 районных партийных организаций. (Партархив, д. 7, л. 33). К июлю 1920 года состояло на учете 1512 членов и 211 кандидатов партии. (Партархив, д. 10, л. 19).

В марте 1920 года оформилась крупнейшая в области Благовещенская городская организация РКП(б), насчитывавшая 118 членов и 37 кандидатов партии. В июле состоялась первая городская партийная конференция, избравшая руководящий орган из 7 членов и 3 кандидатов.

Быстрый рост партийной организации можно видеть на примере Шимановского района. Здесь к июню 1920 года было 11 коммунистических ячеек, которые слились в одну районную организацию. Сзывались собрания граждан, сочувствующих партии коммунистов, из них выбирались достойные быть членами партии.

Все это требовало принятия неотложных мер по воспитанию новых членов партии в духе строжайшей дисциплины. Не имея возможности получить от ЦК РКП(б) руководящих документов по партийному строительству, Амурский обком партии ряд вопросов вынужден был разрабатывать самостоятельно. Так, 20 марта 1920 года общее собрание коммунистов в Благовещенске единогласно приняло и утвердило «Устав Амурской областной организации Российской Коммунистической партии (большевиков)».

Этот устав, имея много принципиальных недостатков, все-таки сыграл известную положительную роль. Им руководствовались до 18 октября 1920 года, когда бюро обкома партии вынесло решение о том, чтобы «полученный Устав РКП(б) и инструкцию ЦК по партийному строи-

тельству принять к проведению в жизнь...».

С 11 по 17 июля 1920 года в Благовещенске состоялась первая Амурская областная конференция РКП(б).

На ней были представлены все коммунистические организации Амурской и частью Приамурской (теперь Хабаровский край) и Забайкальской областей, находившихся в тылу революционных войск Амурской области, а также фронтовые парторганизации.

Конференция вынесла единодушное решение об организации энергичного вооруженного отпора японским интервентам. Она высказалась за создание «красного буфера» — ДВР под руководством Советской России, за строительство регулярной Рабоче-Крестьянской Амурской армии, постановила мобилизовать на фронт до 50 процентов коммунистов областной парторганизации. Конференция постановила провести «Неделю помощи фронту» и систематически устраивать трудовые воскресники и субботники, вовлекая в них широкие народные массы.

Конференция послала приветствия ЦК РКП(б), Председателю СНК—В. И. Ленину, красноармейским частям Амурской армии, находившимся на Забайкальском и Хабаровском фронтах.

После областной конференции были проведены районные, волостные и дивизионные партийные конференции, на которых обсуждались вопросы строительства «буфера», помощи фронту и введения в Амурской области всеобщей трудовой повинности.

Решения областной конференции одобрялись повсеместно. Так, Свободненская городская партийная конференция 10 сентября 1920 года записала в резолюции: «Принимая во внимание тяжелое экономическое и финансовое положение Амурской области, обусловленное нашим изолированным положением от других областей и Советской России и учитывая необходимость развития производительных сил и укрепления обороны от интервентов, конференция считает необходимым скорейшее введение трудовой повинности и милитаризации труда. Все комячейки должны срочно приступить к подготовительным работам, поставив этот вопрос на ближайших своих профсоюзных собраниях». (Партархив, д. 1, л. 25).

Летом 1920 года партийные организации развернули широкую агитационно-пропагандистскую работу в японских войсках, среди рабочих китайцев и корейцев.

При Амурском обкоме РКП(б) был создан иностранный отдел, имеющий три секции. Японская секция выпускала на японском языке для распространения среди японских солдат Забайкальского и Восточного фронтов 44 тысячи экземпляров листовок. Корейская секция выпускала на корейском языке коммунистическую газету «Новый мир». 3 июля 1920 года в Благовещенске вышел первый номер газеты «Коммунистическая звезда», выпущенный китайской секцией. (Дальпартархив, д. 35).

Коммунисты, не ушедшие на фронт, настойчиво овладевали военным делом.

Например, партийная организация села Екатеринославки 18 июня 1920 года постановила: «ввиду переживаемого времени считать необходимым быть подготовленными по военному делу и производить военные занятия с коммунистами три раза в неделю от 5 до 7 часов». (Партархив, д. 1, л. 5).

Партийные организации вели непримиримую борьбу с мелкобуржуазными, анархистскими элементами, пробравшимися в партию. Очищая свои ряды, коммунистические организации укреплялись организационно, вели разъяснительную работу, расширяли связи с массами.

Все это позволило коммунистам области поднять широкие слои трудящихся на вооруженный отпор интервентам, создать армию, укрепить тыл и обеспечить победу Советской власти.

* * *

После событий 4—5 апреля 1920 года Амурский обком партии обратился к трудящимся области с призывом: «К оружию, товарищи-амурцы, все на защиту Советской власти!»

Под руководством большевиков трудящиеся Приамурья быстро создали революционные вооруженные силы. В конце апреля амурцы направили на Забайкальский и Хабаровский фронты свои полки. Были сформированы штабы фронтов, развернулась большая организаторская работа в тылу.

Было реорганизовано управление Амурской Рабоче-Крестьянской армии. До этого вооруженными силами в области руко-

водили — Военный Комиссариат, Главком Амурской армии, начальники районов и гарнизонов, военревкомы, командующие партизанскими районами. Это вносило путаницу в управление армией, вызывало излишние расходы и создавало нетерпимое в армии двоевластие. Ненужные звенья были упразднены и создан Главный Штаб армии, возглавлял который Военный Совет под председательством С. Серьшева.

Военный Совет разработал план боевых действий красных войск Приамурья, дислокацию стратегических резервов, боевые операции на Забайкальском и Хабаровском фронтах, организацию коммуникационных линий, связи, снабжение армии техническими средствами борьбы и др. Отдельные партизанские отряды и рабочие дружины реорганизованы в регулярные войсковые части. В г. Благовещенске из партизанских отрядов к концу апреля 1920 года было сформировано 4 кавалерийских полка, рабочие дружины города сведены в пехотный полк. Славный боевыми традициями батальон «Памяти погибших коммунистов» был переформирован в образцовый пехотный полк, во главе которого был поставлен преданный делу социалистической революции комсостав. Полк был интернациональным. Он состоял из русских, немцев, мадьяр, китайцев, поляков, украинцев, белоруссов, австрийцев, чехов и других. Успешно была проведена мобилизация пяти возрастов. Призываемые охотно шли в армию, на митингах клялись бороться до победы над врагами. В революционную армию усилился приток добровольцев. Из них были сформированы 1 Амурская стрелковая и 1 Амурская кавалерийская дивизии, пехотный танковый дивизион, авиаотряд, автобатальон, батальон пограничной стражи, морской отряд, а также уездная городская и железнодорожная милиция, комендантские команды, пропускные пункты и т. п.

В войсках ввели строгую военную дисциплину, отменены были выборы командного состава, назначены опытные командиры.

В июле 1920 года проведены меры по пополнению командных кадров: мобилизованы военные специалисты и младшие командиры, не запятнавшие себя изменой революции. Для подготовки младшего

командного состава открылась школа, в которой обучалось более 400 курсантов. Кроме того, для подготовки военных инструкторов создана школа на 200 курсантов.

Главным штабом пересмотрены и исправлены почти все военные уставы, напечатан «Учебник для подготовки солдат пехоты».

Наряду с формированием новых войсковых частей, их строевой и боевой подготовки в армии проводилась широкая политическая и культурно-просветительная работа среди бойцов и населения области. Для ознакомления с политическими событиями политотделом армии и дивизий и партийными комитетами печатались и рассылались бюллетени, газеты, воззвания и листовки. На обоих фронтах организованы типографии, в которых печатались фронтовые газеты и приказы. 28 апреля 1920 года на разъезде Николаевка, Амурской железной дороги, вышел первый номер газеты «Вперед», орган информационного отдела штаба Хабаровского фронта, а с 14 сентября — орган политотдела Первой Амурской стрелковой дивизии. Несколько раньше — с 27 февраля 1920 года — стала выходить газета «Амурская правда» — орган временного исполкома Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Для ликвидации неграмотности в полках открыты школы грамоты. В армии создан институт военных комиссаров и политических руководителей. При политотделе армии стала работать «Братскоерочная школа агитаторов и пропагандистов», вышедшая в конце июня 1920 года более 40 агитаторов-пропагандистов.

В Благовещенске был открыт «Военный театр», при нем библиотека, клуб, столовая. В войсковых частях организованы культпросветотделы, полковые театры и клубы. Политотделом армии выпускались популярные брошюры, систематически проводилось чтение лекций и докладов для войск и населения.

В связи с открытием двух фронтов коммунистам пришлось уделять исключительное внимание организации и охране путей сообщения.

Амурская железная дорога до открытия навигации на реках являлась единственной артерией, поддерживающей экономическую жизнь области. В годы гражданской

войны хозяйничаньем интервентов, угнав-ших большое количество подвижного со-става на Уссурийскую железную дорогу, «Амурка» приведена была в неудовлетво-рительное состояние. От Рухлово до Оль-гохты, на протяжении 1500 км, она бы-ла разрушена.

Весной 1920 года Амурская железная дорога могла пропускать всего 1,5 пары сквозных поездов. Подвижной состав доро-ги необходимо было пополнить более чем 100 паровозами и 600 вагонами. Имелось всего 94 здоровых паровоза. Из 1220 де-ревянных мостов 437 были сожжены. Для поддержания в порядке путей и восста-новления на дороге сожженных мостов требовалось до 2 млн шпал, а имевший-ся запас определялся в 100 тысяч штук.

Большим препятствием являлась заго-товка топлива для транспорта. На 1920 год требовалось 50 тыс. куб. сажен дров, 10 млн. пудов каменного угля, а для удовлетворения бытовых нужд (отопление вагонов, станционных помещений и проч.) — еще свыше 25 тыс. куб. сажен дров. Запас же топлива на дороге составлял лишь 25 тысяч куб. сажен дров и 50 тыс. пудов угля. Расход по эксплуатации дороги в 1920 году исчислялся в 550 млн. рублей, а доход — всего 160 млн. рублей.

Партийная организация области приз-вала амурских железнодорожников, кре-стьян сопредельных сел и деревень ока-зать всемерную помощь в срочном восста-новлении разрушенных мостов, заготовке топлива и шпал.

При активном участии коммунистов на железной дороге дружно была проведена мобилизация рабочих и работниц, нача-лись широкие восстановительные работы. Для этого привлекались крестьяне, а для охраны и поддержания порядка на доро-ге в конце января 1920 года был сфор-мирован «Отдел военных сообщений», при котором учреждалось 20 комендатур. Реорганизовалась железнодорожная мили-ция. Для питания войск, следующих в эшелонах, и одиночных команд, на дороге открылись продовольственные пункты.

Рабочие-железнодорожники проявили высокую политическую сознательность и трудовой героизм, в тяжелых условиях восстанавливали дорогу, оборудовали два бронепоезда («Защита трудового народа»

и «Борец за свободу») и спешно отправи-ли их на Забайкальский фронт. (Облгос-архив, дело протоколов заседаний, док-ладов и справок, л. 137).

В связи с японским выступлением в Приморье Амурская область и железные дороги 5 апреля 1920 года были объяв-лены на военном положении, а линия же-лезной дороги от Архары до Хабаровска — на осадном положении.

Неустанно работая над созданием ре-гулярной армии, способной выдержать продолжительную войну, большевики Приамурья гнали опыт первой мировой империалистической войны и обратили особое внимание на снабжение армии по-вейшим вооружением. Эта трудная, ка-залось бы невыполнимая, задача была с честью выполнена рабочими области, в особенности города Благовещенска.

После эвакуации японских войск из Приамурья в Благовещенске начались ра-боты по оборудованию и приспособлению для военных целей частных заводов Че-пурина и Афанасьева. Была организова-на специальная оружейная мастерская, выпускавшая в большом количестве ог-нестрельное и холодное оружие: тесаки, ручные гранаты и др.

Исключительную роль в повышении технической оснащенности Амурской Рабоче-Крестьянской армии сыграли ра-бочие бывшего завода Чепурина, здесь производилась установка бронеплатформ, артиллерийских орудий, бронирование вагонов, паровозов, судов, башен. Ремон-тировались двуколки, походные кухни, зарядные ящики и пушки, изготавливались недостающие к ним части (поворотные и подъемные механизмы, компрессоры, зам-ки, кронштейны и т. п.).

Для производства патронов к русской 3-х линейной винтовке в области были от-крыты три патронных мастерских. Встре-тилось много трудностей: нужны были специалисты — техники, оружейные мас-тера, необходимо было изготовить станки, найти материал, гильзы, пульные обо-лочка, свинец, ртуть, азотную кислоту, латунь, освоить состав для изготовления капсюлей. С большим напряжением, после ряда опытов со взрывчатыми веществ-ами, удалось, наконец, достичь цели — состав для капсюлей был изготовлен.

Кроме трех патронных и одной ору-

жейной стала работать и пулеметная мастерская. В ней изготовлялись и ремонтировались пулеметы, автоматические ружья, детали к пулеметам—замки, пружины, подающие механизмы, вкладыши. Освоена отливка и обточка снарядов к дальнобойным орудиям «Виккерса», горным пушкам, японским гаубицам и траншейным орудиям. Делались заряды, дистанционные трубки и запалы. Надо отметить, что снаряды к пушкам были освоены в Благовещенске по чертежам, составленным без необходимых руководств и инструкций. Налажено массовое производство ручных гранат «Мильса», авиабомб и мин для минометов.

Одновременно началось производство лафетов для 3-х дюймовых полевых пушек, стволов которых немало хранилось в артиллерийском складе. 10 июня 1920 года рабочие бывшего завода Чепурина торжественно передали войскам гарнизона Благовещенска первую четырехдюймовую батарею, оснащенную собственными силами, с орудийным расчетом, состоявшим из рабочих—дружинников завода.

Для борьбы с неприятельскими канонерками был сформирован специально минно-подрывной отряд. В местных мастерских изготовлялись морские мины большой взрывной силы.

С весны 1920 года начато создание Амурской военной флотилии. Несколько быстроходных пароходов водного транспорта были приспособлены для военных целей. Они бронировались, перекрашивались в защитный цвет и вооружались.

Интересно указать на то, что Амурская армия вооружалась танками. Эти грозные машины были привезены из Владивостока в Благовещенск незадолго до выступления японцев 4—5 апреля. «10 танков из Владивостока по распоряжению товарища Лазо нами были отправлены в Хабаровск, причем партизаны и железнодорожники это сделали настолько скрыто и внезапно, что японская охрана, находившаяся на платформах около танков, была увезена из города вместе с танками»,— рассказывает бывший командир партизанского отряда на Амуре т. Шишкин Б. И. Подарок французских империалистов Колчаку оказался в руках партизан Приамурья. У машин нехватало многих важных частей (карбюраторов, маг-

нето и др.), но их скоро изготовили в Благовещенске по чертежам местных инженеров и техников. Танки были приведены в боевое состояние и поступили на вооружение Революционной армии.

Трудящиеся Амурской области под руководством коммунистов образовали единый вооруженный лагерь, способный выдержать длительную борьбу с врагом. В начале 1920 года территория области была разделена на пять районов. Каждый район возглавлялся Комитетом обороны, который учитывал и мобилизовывал людские и материальные ресурсы.

Все эти меры обеспечили эффективную оборону, предусматривавшую наступательные действия, если это будет необходимо.

Тем временем Владивостокское правительство заключило с японским командованием договор, известный под названием «соглашение 29 апреля 1920 года».

Договор давал большие выгоды японским империалистам, в котором предусматривалось:

прекращение военных действий между войсками японского правительства и отрядами Приморского правительства;

создание нейтральной зоны, за пределы которой ни один вооруженный отряд красных не может появляться;

контроль японского командования в деле транспортных перевозок (нельзя было вывезти груз из Владивостока без разрешения японского командования).

Нейтральная зона была определена пересечением Уссурийской железной дороги в районе ст. Иман—Уссурин и отходила на 30 километров по обе стороны железной дороги до Владивостока. «Соглашение» гарантировало японцев от нападения со стороны партизанских отрядов и связывало интервентам руки в Приморье.

Летом 1920 года войска Восточного фронта (Амурского) занимали 30 километровую полосу Приморской области, границы которой простирались до ст. Ин. По «соглашению» Амурская армия должна была оставить занятую ею территорию и отвести свои части западнее ст. Ин. А японцы получали возможность продвигнуться на левый берег Амура.

Если бы Амурские войска очистили левый берег, то они не смогли бы помешать японцам вторгнуться в Амурскую

область, отдали бы фортификационные укрепления 90-километровой полосы. Наконец, отход с левого берега заставил бы Амурскую армию распылить свои силы.

Японское командование настойчиво требовало, чтобы Амурская армия приняла «соглашение». Но амурцы отказались его выполнить.

В ночь с 4 на 5 мая 1920 года на один из островов (против деревни Владимировки) японцы высадили десант силой до полка пехоты с артиллерией. Одновременно японское командование приказало погрузить на пароходы войска для отправки их в Благовещенск.

Амурские революционные войска отбили попытки японцев форсировать реку, нанесли им большой урон. Потеряв более батальона убитыми, утонувшими и ранеными, японские войска отступили в Хабаровск. Левый берег Амура оказался недоступным японским захватчикам: его геройски охраняла революционная армия рабочих и крестьян.

Амурский Областной Революционный комитет в приказе № 1 объявлял:

«...Мы уже доказали жестокому и кровавожадному врагу, что можем воевать и побеждать при небывало трудных условиях; теперь восставший за правое дело трудовой народ непобедим. Пусть обратится в оружие против поработителей и захватчиков каждый камень, каждое углубление, из которого можно стрелять. Не пожалеем для защиты дорогой свободы родного края. Да будет вся природа родной земли нам в помощь, в защиту независимости и чести. Смерть врагам Родины...» (Облархив, л. 138).

* * *

Разгромив Колчака, героические полки пятой Красной Армии вступили в начале 1920 года в Забайкалье, овладели Верхнеудинском. Но дальнейшее продвижение остановилось, ибо вступление в районы, занимаемые японскими войсками, могло привести к военным столкновениям с ними и дать повод Японии к развязыванию войны против Советской России.

В. И. Ленин, выступая на 8-м Всероссийском Съезде Советов, говорил: «Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что

она по понятным условиям сейчас непосильна».

Дальний Восток превращался в «буфер». Несмотря на горячее желание трудящихся провозгласить в Амурской области, как и на всем Дальнем Востоке, Советскую власть, приходилось временно от этого отказаться: здесь находились войска интервентов.

Партия Ленина—Сталина в сложной международной обстановке показала прозорливость и дальновидность, выразившуюся в создании Дальневосточной республики (ДВР). Провозгласив образование демократической ДВР, коммунисты закрепляли всю территорию Дальнего Востока за Советской Россией. Используя существовавшие тогда противоречия между японским и американским империализмом, они стали накапливать силы для разгрома белогвардейцев и японских захватчиков, избегая при этом войны между Советской Россией и Японией.

ДВР образовалась в составе 4-х областей: Прибайкальской, Забайкальской, Амурской и Приморской. На юге ДВР по рекам Аргуни, Амуру и Уссури соприкасалась на протяжении 3750 километров с Монголией и Маньчжурией.

Образованию ДВР предшествовала большая организационная и массово-разъяснительная работа коммунистов.

Надо было убедить народные массы, особенно партизан, в необходимости образования ДВР. Трудящиеся Амурской области имели горячее желание скорее воссоединиться с Советской Россией, никакого «буфера» не строить и восстанавливать в области власть Советов.

Первая Амурская областная конференция РКП(б) по вопросу о «буферном» государстве считала «Тактику образования ДВР с центральным правительством в Верхнеудинске правильной» и заявила, что правительство ДВР должно принять меры к ликвидации интервентов на Дальнем Востоке, сохранить тесный союз с РСФСР и независимость ДВР от капиталистических государств.

15 июля 1920 года на станции Гонгота представителями японского и Верхнеудинского правительств подписан договор о перемирии, а с 18 июля объявлялось перемирие на фронтах.

Ход событий настоятельно требовал экстренного созыва представителей трудя-

щихся Амурской области для обсуждения вопроса о строительстве «буферного» государства.

Трудящиеся приняли активное участие в выборах делегатов на съезд, давали им наказаы.

В президиум IX Чрезвычайного Съезда трудящихся поступило 80 наказов, в большинстве которых содержались требования немедленной советизации Амурской области, например, Мазановский волостной съезд дал наказ: «Избранным нами делегатам поручаем работать в следующем направлении:

а) считать Советскую власть наилучшей выразительницей воли и чаяния трудового народа, а потому всеми силами стремиться к ее поддержке и укреплению;

б) считать правильным стремление центральной Советской власти к образованию ДВР и содействовать этому;

в) в целях сохранения населения и достояния области от окончательного истребления и разрушения настаивать, чтобы Амурское правительство немедленно командировало своих представителей во Владивосток для заключения с Японией договора в смысле выхода из экономического засилья и устранения военной блокады, с возможностью реорганизации там общего с Верхнеудинским правительства при условии, чтобы после образования объединенного правительства интервентные японские войска были выведены с территории всего Дальнего Востока и в случае, когда японское правительство не оценит наших миролюбивых стремлений, мы заявляем, что лучше умрем с честью русского гражданина, нежели согласимся подпасть под власть и рабство Японии». (Облархив, л. 8).

Рабочие требовали невмешательства иностранных держав в наши внутренние дела, немедленного удаления японских войск с территории России, отказа японских империалистов от поддержки кашлевских, семеновских и калмыковских банд, укрепления боевой мощи Амурской революционной армии.

Рабочие-железнодорожники Свободненского участка и революционный комитет обороны четвертого района «приветствовали представителей трудового населения в лице IX Чрезвычайного Съезда и выразили надежду, что собравшиеся в тяжелый

момент найдут правильный путь и выход из создавшегося положения, приняв в основу работ указания вождя мирового пролетариата В. И. Ленина». (Облархив, л. 9).

IX Чрезвычайный Съезд трудящихся Амурской области открылся в Благовещенске 18 июля и закончил свою работу 5 августа 1920 года. На съезде присутствовало 258 делегатов. Он рассмотрел следующие вопросы: 1. Доклад российских делегатов о Советской России. 2. Текущий момент, признание Дальневосточной Республики. 3. Отчеты: ревкома, облисполкома, контрольной комиссии и главкома войсками Амурской Рабоче-Крестьянской армии. 4. Реорганизация власти. 5. Текущие дела.

Почетным председателем съезда был единогласно избран В. И. Ленин. Съезд почтил вставанием память погибшего от рук белогвардейцев и интервентов первого председателя Амурского СНК—Ф. Н. Мухина.

От китайцев-бойцов Амурской Рабоче-Крестьянской армии поступило приветствие: «Всеми силами будем поддерживать власть народную, Советскую, будем защищать Советы до последней капли крови. Мы, китайские граждане, пошли с оружием в руках на помощь российскому пролетариату и власти народов, так как мы видим, что только российский пролетариат откроет темные глаза всему миру на борьбу с капиталом, и тогда только восторжествует правда и мир на всем земном шаре.

Проклятье мы шлем кровожадным японским империалистам и их слугам—семеновской банде, которых мы готовы истребить до основания! Мы, китайцы, солдаты Амурской революционной армии, глубоко возмущены двуликой политикой японцев, но верим, что придет то время, когда они раскаются, но будет уже поздно». (Партархив, д. 7, л. 47).

Важнейшим вопросом, вокруг которого на съезде развернулись продолжительные прения, был вопрос о создании ДВР. По первому и второму вопросам выступали докладчики из Советской России. Они доказывали необходимость создания на Дальнем Востоке «буферного» государства. Делегаты с мест требовали немедленной советизации Амурской области.

Отвечая делегатам с мест, требовавшим немедленной советизации Дальнего Восто-

ка и присоединения к Советской России, представители Советской России разъясняли:

«Создание «буфера» на Дальнем Востоке не является результатом местной политики, создание «буфера» давно было пред-решено ЦК РКП(б) и Центральным Правительством Советской России с целью избежания открытого столкновения с империалистической Японией. Вы должны приложить все усилия к тому, чтобы создать такой «буфер». Япония также заинтересована в создании «буфера», но только другого—«семеновского», который находился бы всецело под ее протекторатом. Нашей задачей является создание «буфера», способного сдерживать натиск империалистов, и, изменив внешние формы, сохранить внутреннее содержание, работая в тесном контакте с Советской Россией». (Облархив, л. 190—192).

Большинство выступавших на заседаниях съезда высказывались за необходимость создания демократического «буфера» с Верхнеудинским правительством во главе. С вредной демонологией для дела социалистической революции выступили пробравшиеся на съезд социалисты-революционеры (максималисты). Их фракция заявила о том, что «эсеры-максималисты решительно возражают против создания «буфера».

Осуждая это заявление максималистов, делегаты справедливо указывали на пустую словесную декларацию эсеров, отмечали, что она не дает практического выхода из сложной обстановки, ставя Амурскую область перед возможной войной с Японией, при утере связи с Советской Россией.

В принятой резолюции съезда говорится:

«Отказываясь временно от задачи немедленного полного восстановления с Советской Россией и приведения чистых форм пролетарской диктатуры, дабы перед лицом всего мира доказать наше стремление до конца исчерпать все средства к установлению мира, идя на возможные уступки, оправдающие Японию от каких-либо опасностей, мы считаем необходимым, во имя обеспечения руководящего влияния трудовых классов в новых демократических формах государственного строительства, во имя обеспечения завоеваний рабоче-крестьянской революции, сохранения связи Дальневосточной Республики с Центральной Советской Росси-

ей, дружественный протекторат (покровительство), который должен служить гарантией независимости ее от всяких посягательств чужеземных империалистов.

В целях сохранения единства революционных сил на Дальнем Востоке, закрепления завоеваний трудящихся, съезд считает необходимым скорейшее объединение всех областных правительств вокруг одного признанного Советской Россией центра в Верхнеудинске, с какой целью должно быть созвано совещание представителей всех революционных правительств на Дальнем Востоке.

Впредь до созыва Учредительного Съезда областной съезд трудящихся считает необходимым перейти к организации временных демократических органов власти на местах, согласно общим принципам, объявленным при образовании ДВР.

Съезд еще раз от имени всего населения Амурской области заявляет, что присутствие интервентских войск на Дальнем Востоке нарушает мирное течение жизни ДВР и поэтому настаивает перед Верхнеудинским правительством на требовании скорейшей полной эвакуации японских войск с территории ДВР». (Облархив, л. 215).

23 июля 1920 года съезд послал В. И. Ленину приветственную телеграмму: «IX Чрезвычайный Съезд трудящихся Амурской области, следуя указаниям Центральной Советской Власти, вынес постановление о вхождении Амурской области в состав Дальневосточной Республики, возглавляемой Верхнеудинским правительством, образуемым для закрепления на Дальнем Востоке завоеваний рабоче-крестьянской революции. Съезд приветствует героическую борьбу Советской России за идеалы трудящихся и уверен, что совместно с ней дождется светлого дня—полного воссоединения Дальнего Востока с Центральной Советской Россией». (Облархив, л. 223).

27 июля фракция большевиков предложила резолюцию о введении всеобщей трудовой повинности в Амурской области. Съезд принял это предложение.

Съезд избрал областной народно-революционный комитет и делегацию в Верхнеудинск для участия в работах правительства.

Делегаты мелкобуржуазных партий — эсеры, максималисты, эсеры-правые,

меньшевики, анархисты при обсуждении вопроса об организации власти вновь показали себя злейшими врагами Советской России, стремившимися к подрыву усилий большевиков. Они отказались от вхождения в правительство Амурской области и выступили против образования ДВР.

2 августа, обсудив вопрос о бедственном положении населения Восточного Забайкалья, разоренного бандами палача Семенова и японскими интервентами и принимая во внимание просьбу представителя от крестьян этой местности, съезд постановил: «Отпустить из имеющихся в областном отделе снабжения и продовольствия запаса 10 тысяч пудов муки». (Обл-архив, л. 69).

* * *

В январе 1921 года произошли выборы в Учредительное собрание ДВР. Объединенный список большевиков, профсоюзов и трудового крестьянства получил подавляющее большинство. Трудящиеся нашей области голосовали за ДВР, которая под руководством коммунистов ставила

своей задачей укрепление союза с Советской Россией и изгнание интервентов.

...25 октября 1922 года трудящиеся Владивостока радостно встретили входившие в город красные войска, разгромившие белогвардейцев и изгнавшие японских интервентов с Дальнего Востока.

Большевики Дальнего Востока вписали в историю социалистической революции одну из ярких, героических страниц. Почти пять лет интервенты и белобандиты терзали и мучили население русского Дальнего Востока. Тысячи лучших сынов и дочерей Амурской области отдали свою жизнь за Советы. Но жертвы не были напрасными — они дали замечательные результаты.

16 ноября 1922 года ВЦИК РСФСР постановил: «Объявить Дальневосточную Республику в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной составной частью РСФСР».

На всем русском Дальнем Востоке была установлена Советская власть.

ПОВЕСТЬ О НАШИХ ЗЕМЛЯКАХ

Повесть Андрея Пришвина «На берегу Зеи» — первая книга о наших земляках-колхозниках. В советской литературе создано произведение о тружениках полей Амурской области, вместе со всем народом борющихся за дальнейший расцвет своей Родины.

Рассказывая о людях одного из призейских колхозов, автор создает запоминающиеся картины их жизни, их труда. Герои книги типичны — их найдешь в любом колхозе, что делает повесть А. Пришвина во многом похожей на ряд произведений наших писателей о советской деревне.

Но это не значит, что А. Пришвин повторяет их. Он находит свои художественные средства, свой творческий подход к избранной теме. Автор строит произведение на материале почти неиспользованном. Бесспорная удача писателя состоит в том, что он сумел найти верный путь к обрисовке того главного, что составляет отличительную черту колхозников нашего времени, — их высокий патриотизм, трудовой порыв.

Автор лишь мимоходом говорит о жизни своих героев во время войны. Основное внимание сосредоточено на описании послевоенного периода, когда грандиозные планы новой пятилетки вызвали невиданный политический и трудовой подъем всего советского народа. Таким образом, повесть А. Пришвина — повесть о послевоенном колхозном строительстве.

Все поступки героев книги пронизаны единой благородной идеей коллективного труда, все помыслы колхозников направ-

лены к единой цели добиться новых успехов, внести свой вклад в дело подъема сельского хозяйства.

На примере небольшой сельскохозяйственной артели автор показал, что советские люди везде и всюду, где бы они ни находились, живут думами о Родине, о ее благе. Эта мысль хорошо выражена в разговоре секретаря колхозной партийной организации Павла Афремова с бригадиром полеводческой бригады Аникеем Мокровым:

«— Как ты думаешь, дядя Аникей, если перекрыть Зею, убавится воды в Амуре?»

— О чем разговор, — удивленно поднимает глаза Мокров. — Зея-река полная, без нее Амур не Амур.

— Ну, а Зея без Селемджи — тоже не река? Так ведь?

— Правильно. Не широкая, а быстрая, воды много несет, — поддакивает бригадир, продолжая удивляться странным вопросам.

— А в Селемдже третья часть воды откуда? Из Норы. Согласен?

Мокров начинает догадываться и сердито молчит. А Павел продолжает насеждать:

— На Майском прииске тебе приходилось бывать? Речушка там есть Безымянка, так — ручей небольшой, а отведи его — помелеет Нора. Верно?

Парторг так пристально смотрит, что Мокрову волей-неволей приходится поддакнуть:

— Само собой...

— Вот видишь, как получается: мала речушка Безымянка, а и она для Амура важная. Правильно?—Павел улыбается, и вслед за ним у многих лица растягиваются в улыбках. А Павел продолжает:

— Так ведь то реки, они не знают, куда и для чего текут. А мы с вами...

Так повернул Афремов, что выходит: от каждого из них, дубовских, чуть ли не вся пятилетка зависит, и сколько есть народа в стране, все смотрят на их Дубовку на Зее-реке...»

На протяжении всего повествования автор показывает, что колхозники на Зее полны решимости с честью выполнить свои задачи. Коллективный труд, преодолевающий все препятствия, — главная и отличительная черта героев повести. Особенно ярко проявляется это стремление во время весеннего сева, когда дубовские колхозники закладывают основы высокого урожая. Трудовое напряжение возрастает с небывалой силой. Решив не только догнать, но и перегнать соседей — крутоярских колхозников, полеводы и механизаторы Дубовки трудятся, не жалея сил. «— На обед машины совсем не останавливать — раз. На пересменах полчаса можно потянуть — два. Мелкие участки, особенно у овощеводов, пахать на конях — три», — так определяют свою задачу сеяльщики и трактористы, чтобы доложить секретарю райкома партии о принятых мерах по ускорению темпов сева.

И колхозники добились своего — они завершили весенний сев почти наравне с передовиками — крутоярцами.

Показывая дружный труд сельскохозяйственной артели, автор тепло рисует портреты лучших людей колхозной Дубовки, любовно раскрывает их богатый внутренний мир, их благородное стремление — бескорыстно служить Родине. Как полно, как ярко воплотилась эта мысль в простых и вместе с тем волнующих словах колхозницы-овощевода Настасьи Залетовой:

«— У меня все в общем деле».

Настасья Залетова — один из самых лучших образов, созданных писателем. Шаг за шагом автор показывает, как много и настойчиво работает передовая колхозница, чтобы вырастить на полях артели картофель-«сорокадневку», чтобы горняки таежных приисков, добывающие для

страны золото, могли получать свежий, а не мороженный картофель. Она организует сбор семян, настойчиво выводит этот новый скороспелый сорт, опираясь на дружную помощь колхозников Дубовки. Она выступает зачинательницей соревнования в районе за получение высоких урожаев овощей и картофеля, отдает этому делу весь свой опыт, знания и силы. Настасья Залетова знает «как дорог на севере рабочему человеку овощ».

«Вот и хотим мы, — говорит она, — на прииски посылать побольше картошки свеженькой, не мороженной. Соберем мы со всего района «сорокадневку», где она только есть, посадим ее на больших грядках и по высокой воде — на баржах на север... Глядишь, картошка наша назад золотом обернется...»

Образом Настасьи Залетовой писатель дополнил галерею показанных в советской литературе замечательных женщин колхозной деревни, поднявшихся до уровня государственных деятелей. Она стоит рядом с Груней из романа Елизара Мальцева «От всего сердца», с Авдотьей — из романа «Жатва» Галины Николаевой. Это они, тысячи и тысячи таких же Залетовых, не покладая рук, трудились во время Великой Отечественной войны. Это о них устами одного из своих героев А. Пришвина говорит, что надо «в ноги каждой бабе поклониться, спасибо сказать. В какие годы хозяйство удержали, под откос не пустили». Сотни таких удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Среди положительных героев повести значительный интерес представляет Яков Приходько, колхозник, ищущий пути повышения урожайности полей. Он — представитель той массы советского крестьянства, в которой наша богатая действительность зажгла творческий огонек, стремление разгадать тайны природы и поставить их на службу человеку. Это ярко проявляется в том, как кропотливо отбирает он зерно к зерну, чтобы засеять ими семенной участок, как восстает против действий рутинера Аникея Мокрова — бригадира полеводческой бригады, утверждавшего, что на «тяжелых» якобы землях колхоза богатого урожая ждать нельзя. Портрет Якова Приходько автор удачно дополняет такими словами Павла Афремова:

«Миллионы и миллионы людей у нас. Все разные, но все советские люди. И так же, как Приходько предлагает вручную отбирать семена, терпеливо отбирает и растит партия людей — всех вместе и зерно к зерну поотдельности, но так, чтобы каждое дало колос в четверть. Зато и всходы какие — сила!»

Надолго запомнит читатель портреты молодого тракториста Сени Жарова и его любимой девушки Ксении. Эти представители колхозной молодежи живут высокими стремлениями — любовь и труд для них неразрывно связаны и немыслимы одно без другого.

Один из главных героев повести — председатель дубовского колхоза Егор Васильевич Лукин. Его образ является, пожалуй, самым сложным и противоречивым в повести. Лукин — старый коммунист, организатор колхоза. Он по-своему неплохой руководитель, но все больше и больше отстающий от современных требований. Егор Васильевич выработал для себя несложную философию: не торопиться, довольствоваться тем, что «не хуже других живем».

«У меня все в аккурате, не подкочаешься, — говорит он. — Планы, главное, выполняем, с государством каждую осень сполна рассчитываемся... Покамест не в последних ходим».

А это мешает Лукину вести хозяйство так, чтобы добиваться новых успехов, поднимать все отрасли артельного хозяйства.

Честный и преданный колхозному строю, но живущий без мечты, Лукин в ряде случаев становится на позиции, вредные колхозу. При его попустительстве действует «одноличник» Синцов, председатель колхоза мирится с рутинером Аникеем Мокровым, не заботится о строительстве новых животноводческих и других помещений.

Показывая людей колхозной деревни, автор сумел дать их образы в росте и развитии. В таком же плане разрешает А. Пришвин и образ Лукина. К концу повествования мы видим его уже не таким, каким он был в начале. Под воздействием партийной организации председатель колхоза осознает свои ошибки и несомненно преодолеет их.

«Лукин еще вон сколько дел поднять может», — говорит он о себе. И мы верим: так оно и будет.

Кто поставил Лукина на правильный путь, кто развил в нем чувство ответственности, чувство нового? Автор повести дает на этот вопрос точный ответ: партийная организация. Это же влияние партийной организации мы видим в поступках таких передовых людей колхозной Дубовки, как Настасья Залетова, Яков Приходько, Сеня Жаров. Под этим же влиянием «одноличник» Синцов, пренебрегавший раньше общественным трудом, становится человеком, душой болеющим за артельное хозяйство.

Вот почему основное место в повести А. Пришвин уделит коммунистам — силе, которая способна преодолеть любые трудности. Они — душа семьи колхозников, и их руководитель Павел Афремов — главный герой повести. В правдивом изображении жизни и деятельности партийной организации и парторга Павла Афремова — бесспорная удача писателя.

Автор подчеркивает: Афремов прекрасно понимает, что значит быть коммунистом, особенно в таком отдаленном маленьком селе, как Дубовка.

«Пять человек, всего только пятеро, — думает Павел, — а надежда на нас какая! Может в области кто-нибудь спросит: как в Дубовке дела идут. От жизни они не отстанут?» — «Что вы, — скажет секретарь райкома, — там же пятеро коммунистов».

Нет, не отстают от жизни дубовские коммунисты. На протяжении всего повествования читатель видит их в напряженном труде, организаторами и руководителями колхозников. Они — на переднем крае борьбы за дальнейший подъем сельского хозяйства. Именно поэтому их руководитель Павел Афремов постоянно следует совету своего бывшего ротного парторга лейтенанта Сафонова: «Каждый день — это бой, и ты обязан его выигрывать».

Молодой коммунист, не имеющий еще опыта партийной работы, Павел волею партии становится секретарем колхозной парторганизации. Он вначале не вполне уверен в правильности своих методов работы, но к нему на помощь приходит умный и чуткий секретарь райкома Волков, направляющий действия коммунистов. В одной из бесед с Афремовым Волков так определяет задачу:

«Наше дело партийное—ясное... Понять надо человека да направить его на путь, по которому партия ведет страну, — вот и все».

И вот мы видим: Павел учится «как и с какой стороны подойти к сердцу каждого отдельного человека».

Нелегко ему порою это сделать, он сам испытывает затруднения, но горячо берется за дело и добивается успеха. «Как же коммунисту без настойчивости? Он без этого... как солдат без ружья», — говорит Афремов.

Шаг за шагом овладевая искусством партийного руководства, Павел не только учит, но и учится у масс. Глубоко в душу запали ему слова колхозника Кузьмича из соседней крутояровской артели:

«...В народе сил, как на липе цвету».

И веря в силы народа, Кузьмич советует Павлу учиться работать у товарища Сталина.

«...Самая большая мечта, — говорит Кузьмич, — это у товарища Сталина. Такая, солдат, мечта весь народ ввысь поднимает».

Крепко запомнились Павлу эти полные большого смысла слова, и всеми силами души он стремится оправдать высокое доверие, оказанное ему партией. Человек высокой мечты и благородных стремлений, трудолюбивый, ясный и прямой во всех своих действиях, он воспитывает эти же черты у односельчан-колхозников. Словом и личным примером Павел зовет их трудиться и жить так, чтобы родная Дубовка стала богаче и краше, чтобы сполна внести свой вклад в великое дело строительства коммунизма.

Чтобы направить силы колхозников к активной трудовой деятельности, Павел Афремов, коммунисты артели «Новый путь» зовут своих односельчан соревноваться с передовым в районе колхозом «Зейский разлив». Раскрывая подлинный смысл социалистического соревнования, автор повести показывает, как оно приводит к объединению усилий обоих колхозов на улучшение земельных угодий, обеспечивающих получение высоких и устойчивых урожаев.

«Одни мы, понятно, ничего не сделаем, — говорит председатель колхоза «Зейский разлив» Васьков, — тут всем народом браться надо».

Сумев отразить чаяние колхозников, желающих видеть свою землю плодородной, дающей обильные урожаи, писатель заглянул вперед и увидел в стремлении зейских хлеборобов ценное начинание. Он подвел своих героев к пониманию государственного значения преобразования природы.

Из этого вытекает и другое не менее важное обстоятельство, которое нашло свое отражение в повести: члены соседних колхозов приходят к выводу, что настало время объединиться в более крупное хозяйство. Жизненность событий, происходящих в Крутоярове и Дубовке, верно схваченная писателем, неоспорима. Сегодняшний день доказал, что только на базе укрупненных колхозов возможны и преобразования природы и наиболее эффективное использование земельных угодий, машин, материальных ресурсов.

* * *

Наряду с бесспорно положительными сторонами повести есть в ней, к сожалению, и недостатки. Читатель был вправе ожидать, что А. Пришвин более полно, многогранней нарисует образ руководителя районной партийной организации Волкова. На страницах повести он появляется несколько раз, но не оставляет глубокого впечатления. Его образ дан бегло, не раскрыт. По тем штрихам, которыми наделен в повести Волков, можно судить, что автор стоял на правильном пути, но не пошел по нему. Совершенно не ясен внутренний мир этого героя. Непонятно, почему не появляется Волков, когда колхозники ведут разговор о жизненно важном для колхозов объединении усилий для преобразования полей, а стало быть, делают практический шаг к укрупнению колхозов. Неужели умный и вдумчивый партийный руководитель не оценил всей важности такого начинания? Автор совсем не показывает, как Волков занимается укреплением экономики колхозов.

Нам кажется, что автор ввел в повествование действующих лиц, которые отягачают, растягивают повествование и без которых вполне можно обойтись. Имеется в виду, прежде всего, образ бывшего фронтовика Мишки Дыма. Правда, мысль автора понятна: в этом человеке он хотел показать представителя той категории людей, которых все меньше и меньше ста-

новится в нашей жизни, — людей, стремящихся к легкому заработку, не дорожающих общими интересами. Недостаток автора тут заключается в том, что он не сумел связать этот образ с сюжетной линией. Поэтому его появление на страницах повести ничем не оправдано.

Бледно нарисован также председатель крутоярковского колхоза Васьков. По тем незначительным штрихам, которыми он наделен, не составляется понятия о нем как о человеке, как о рачительном хозяине. В нескольких местах автор указывает, что Васьков — председатель культурный, вдумчивый, расчетливый. Однако эти его качества скорее можно предполагать или верить им по отдельным замечаниям дубовцев. В практической же деятельности Васьков показан слабо. Остается непонятным, например, чем же отличаются методы работы Васькова от методов Лукина, как Васьков ведет хозяйство в труду.

Автор ставит перед собой задачу показать во всем многообразии ведущую силу колхоза — сельских коммунистов. И надо сказать, с этим А. Пришвин в основном справился. Однако некоторые образы получились недостаточно яркими. Не показан, например, в действительности бригадир тракторной бригады Иван Шумов. В начале повествования автор сообщает, что это горячий и энергичный человек. Но эта энергия никак не проявляется, не раскрывается художественными средствами. Значительно ярче выглядит в повести конюх Гриша Жаров, хотя решающее место в деятельности колхоза принадлежит все-таки не ему, а трактористам и их бригадиру Ивану Шумову.

В художественном произведении читатель хочет видеть людей не только в их общественных взаимоотношениях, но и в личных. Но А. Пришвин почти не уделяет внимания раскрытию личных, внутренних черт некоторых своих героев, отчего они многое теряют. Там же, где писатель и пытается нарисовать картины личных взаимоотношений, они полу-

чаются малоубедительными, бледными, не всегда мотивированными. Например, Сеня Жаров и Ксения в общественных взаимоотношениях персонажи ясные, и их поступки понятны для каждого. Но вот в личных взаимоотношениях они просто беспомощны, неколоритны, лишены обаятельности.

Автор не дает убедительной мотивировки отчуждения жены Павла в первые дни его пребывания дома после прихода из Советской Армии. Точно так же неясно, почему вдруг Елена изменила к нему отношение к лучшему.

Встречаются в повести места, язык которых больше похож на газетную корреспонденцию. Герои книги иногда говорят языком, лишенным образности и чувства радости или горечи, досады или удовлетворения. Язык одних героев мало чем отличается от других. Даже работающая агитатором учительница Лида Прохорова, и та мыслит и говорит казенными фразами.

Встречаются в повести неточные выражения. Едва ли можно назвать точными такие фразы: «...виднелась небольшая фигурка женщины с двумя подводами», «он ударил ногой в распатанное колесо». Встречаются в произведении несвежие сравнения — «горькое, как полынь у дороги, чувство захлестнуло его», вычурные выражения — «солнце весело показывалось в отполированных лемехах».

Ошибки говорят о том, что автор порою не требователен в отделке своего произведения, а Амурское областное издательство, переиздавая повесть, не заметило фактических и иных погрешностей в повести.

Недостатки, конечно, снижают качество бесспорно хорошей и нужной книги, но не лишают ее автора той заслуги, которая по праву ему принадлежит. Андрей Пришвин первый из писателей Дальнего Востока создал запоминающееся художественное произведение о наших земляках-колхозниках, воспел их благородный труд и нашу приамурскую природу.

Н О В Ы Е   К Н И Г И

К. Седых Даурия. (Роман). Амур-издат, 1951, стр. 840, тираж 30000, цена 20 руб.

А. Пришвин. На берегу Зеи. (По-весть). Амуриздат, 1951, стр. 209, ти-раж 15000, цена 6 руб.

К. Овечкин. Сторона родная. (Сбор-ник стихов). Амуриздат, 1950, стр. 61, тираж 10000, цена 2 руб.

М. Демидов. Юные северяне. (Дет-ские рассказы). Амуриздат, 1951, стр. 30, тираж 25000, цена 1 руб. 25 коп.

Профессор **Э. И. Иоффе.** Заразные кож-ные болезни. Амуриздат, 1951, стр. 40, тираж 5000, цена 35 коп.

К. Малыш. Соя в Амурской области Амуриздат, 1951, стр. 64, тираж 3000, цена 1 руб. 20 коп.

В. И. Моисеенко. Механизированный зерновой двор. Амуриздат, 1950, стр. 48, тираж 5000, цена 2 руб.

Т. Рязанцева. Перилла. Амуриздат, 1951, стр. 24, тираж 3000, цена 50 коп.

Ф. Розвезева, Е. Прохорова. Выращи-вание телят. Амуриздат, 1951, стр. 12, тираж 3000, цена 40 коп.

Н. И. Крастин. Легочно-глистная бо-лезнь (диктиокаулез) крупного рогатого скота и борьба с ней. Амуриздат, 1950, стр. 26, тираж 5000, цена 50 коп.

54882.
56

100000 /

100000 /

100000 /

100000 /

100000 /

100000 /

57

5 руб.

3-50

